

МИХАИЛ АФАНАСЬЕВ

**Российские элиты развития:
запрос на новый курс**

Москва 2009

УДК 316.344.42(470+571)
ББК 60.541.1(2Рос)
А84

Афанасьев, М.Н.

А84 **Российские элиты развития: запрос на новый курс / М.Н. Афанасьев.** — М.:
Фонд «Либеральная миссия», 2009. — 132 с.

ISBN 978-5-903135-06-6

В книге директора по стратегиям и аналитике ГК «НИККОЛО М» представлены результаты первого социологического исследования российских элитных групп с объемом выборки в 1003 респондента — результаты, ломающие многие устоявшиеся стереотипы и заставляющие по-новому взглянуть на российскую элиту развития.

УДК 316.344.42(470+571)
ББК 60.541.1(2Рос)

ISBN 978-5-903135-06-6

© Фонд «Либеральная миссия», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	4
Контекст и замысел	6
Разговор с пессимистами о социологии российской беды	6
Разговор с оптимистами о проектировании национальной элиты	11
Фокусировка исследования: элита господства и элиты развития	16
Выборка и инструментарий опроса	22
Результаты и выводы	29
Оценка развития страны в 2000-е годы	29
Очертания нового курса.....	43
Стремление к счастью и социальный цинизм	63
Общественный капитал российских элит развития	79
Итоговые выводы	95
Приложение. Данные опроса «Российские элиты развития — 2008»	102

*Историческому факультету
Саратовского университета
и моим учителям
посвящаю эту работу*

ОТ АВТОРА

В марте–мае 2008 года, как раз между выборами и инаугурацией третьего президента Российской Федерации, мы провели опрос российских элитных групп — первое социологическое исследование отечественной элиты с объемом выборки в 1003 респондента. К особенностям проекта, помимо объема выборки, следует отнести спецификацию целевой аудитории, то есть элиты, и предмет ее опроса.

Замысел этого исследования родился в процессе обсуждения книги коллег из Левада-Центра «Проблема "элиты" в современной России». А когда уже заканчивался полевой этап нашего проекта, из стен Института общественного проектирования вышла работа «Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты». Так случилось, что два уважаемых журнала предложили мне отрецензировать упомянутые произведения. Анализ этих работ послужит, надеюсь, неплохим введением в контекст дебатов по вопросу о российской элите.

Книга состоит из двух частей — вводной и основной. Во вводной части — «Контекст и замысел» — помимо дискуссии с другими авторами раскрывается собственная творческая лаборатория: уточняется фокусировка исследования на *элитах развития*, разбираются инструменты и раскрываются методы. В основной части — «Результаты и выводы» — представлены и проанализированы новые эмпирические данные. Полученный социологический материал соотнесен с базой данных Мирового обзора ценностей и влиятельными в научном мире теориями, в частности с концепциями «постмодерного культурного сдвига» (Инглхарт) и «социального капитала» (Бурдье, Коулмен, Патнэм). Каждый из читателей волен поглощать книгу в соответствии со своим интеллектуальным аппетитом. Самые занятые и нетерпеливые могут все пропустить и прочесть итоговые выводы.

Выражаю свою признательность всем, кто откликнулся на наше приглашение и принял участие в опросе. Благодарю за взаимопонимание и сотрудничество моих коллег, в первую очередь Ольгу Афанасьеву, которая организовала и, как говорится, вытащила уникальную по сложности полевую часть проекта. Спасибо всем близким, всем нашим с Ольгой друзьям: без вашей товарищеской помощи мы бы не справились.

Это исследование проведено по инициативе, при поддержке и участии президента фонда «Либеральная миссия» Е.Г. Ясина. Большое ему спасибо за это и, что еще важнее, за неумное научное любопытство и общественный темперамент, которые вдохновляют не одного только автора этой книги.

Спасибо И.М. Клямкину за товарищескую поддержку, заинтересованное обсуждение концепции и совместную работу над инструментарием исследования.

Выражаю признательность членам научного совета фонда «Либеральная миссия» за придирчивое обсуждение проектного предложения. Оно напомнило мне о том, что проведение социологического исследования, тем более исследования элиты, это не прогулка по Невскому проспекту.

Сознавая серьезность задуманного, а теперь уже и содеянного, я стремился к тому, чтобы читать эту книгу было не скучно.

Михаил Афанасьев

КОНТЕКСТ И ЗАМЫСЕЛ

Разговор с пессимистами о социологии российской беды

В 2007 году вышла книга известных социологов Левада-Центра «Проблема "элиты" в современной России»¹, которую рекомендую прочитать всем, кто откликается на позывные «российская элита». Читать, чтобы поражаться и задумываться. Разве не поразительно, что высокопоставленные, влиятельные люди в столице и регионах, к которым социологи обратились с вопросами о путях национального развития, не только не прониклись актуальностью и масштабом проекта, но увертывались от интервью как черти от лаdana! Предложение принимал один из 35–40 «больших людей», да и тот давал согласие после 18–25 приглашений и напоминаний. Этот процедурный факт говорит о состоянии российских верхов, пожалуй, лучше любых ответов. Вот такая у нас элита: на козе не подъедешь, слова живого не вытянешь.

Попробую разложить свои впечатления и выводы на три кучки: первая — что я узнал о нашей элите из социологических данных; вторая — в чем соглашаюсь и не соглашаюсь с авторами; третья — что считаю полезным делать дальше.

Главный вывод (не авторов книги, а мой собственный) таков: консолидация отечественной элиты вокруг президента В. Путина — миф. Лишь менее 20% опрошенных представителей элиты считают, что «основные участники признали новые правила игры и объединились вокруг фигуры президента», зато более 50% респондентов отмечают, что «Путин и его команда так или иначе заставили других принять новый порядок». Заметим, что социологи опрашивали уже «путинскую» элиту, так или иначе вписавшуюся в предложенный порядок. Неудивительно поэтому, что абсолютное большинство представителей элиты (60%) склонны объяснять укрепление вертикали власти при Путине объективными нуждами национального развития и не считают это подрывом демократических институтов, хотя немалое меньшинство (около 40%), похоже, склоняется к противоположному мнению. Гораздо интереснее другое: элита путинскую вертикаль власти поддерживает, но большой пользы от нее не видит, более того, свыше половины опрошенных полагают, что мероприятия по укреплению вертикали «привели к чрезмерной концентрации власти федерального центра, ослабив тем самым всю систему».

Оказывается, взгляды и позиции Путина полностью разделяют около 20% элиты (даже среди чиновничества доля «твердых путинцев» не превышает

---

¹ Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

25% и только среди силовиков достигает одной трети). Примерно такая же часть элиты поддерживает Путина «за неимением другого» лидера. Думаю, что тех, кто «полностью разделяет», и тех, кто не видит альтернативы, можно сложить — получается 40% тех, кто поддерживает президента без вопросов. А еще 40% представителей элиты готовы поддерживать Путина «до тех пор, пока он готов поддерживать демократические и рыночные реформы». Может быть, кто-то из респондентов лицемерит, а кто-то не сильно разбирается в демократии и рыночных реформах. Даже если и так, это не отменяет социологического факта: половина поддерживающих президента представителей элиты предпочитают поддерживать не просто Путина, а Путина-реформатора. В таком случае их поддержка зависит от того, как они оценивают реформаторскую деятельность президента. Между тем эффективность путинского правления элита оценивает весьма скептически — «на троечку», фиксируя отсутствие особых успехов в социально-экономическом развитии и наведении порядка в стране, явные проблемы с демократией и полный провал борьбы с коррупцией. Что касается конкретных реформ — административной, судебной, военной, пенсионной, образования, здравоохранения, монетизации льгот, ЖКХ, — то они, по мнению абсолютного большинства представителей элиты, либо провалились, либо и не проводились.

Отечественная элита из всех сил блюдет придворный этикет, но уже написала приговор второму президентству. Чем, как не приговором, является общее мнение (64%), что у президента Путина нет команды, необходимой для решения задач модернизации экономики и подъема благосостояния населения? Или возьмем ответы на вопрос о главном мотиве деятельности представителей высшей федеральной власти в России — вопрос, не забудьте, обращенный к присягнувшей и послушной элите! Так вот, лишь 37% представителей элиты взялись утверждать, что нашими верховниками движут идейные — модернизаторские или государственнические — мотивы. А 54% респондентов прямо говорят, что мотив высших властителей — стремление любой ценой удержать власть и достигнутое положение, а также страх перед преследованиями со стороны тех, кто может прийти им на смену. Ну а главная оценка существующему режиму выносится при ответе на вопрос, на кого опирается Путин. Уж не знаю, странно это или закономерно, но мнение путинской элиты совпадает с мнением самых отчаянных критиков кремлевского авторитаризма: Путин опирается главным образом на свое ближайшее окружение и силовиков, в некоторой степени на чиновничество и почти совсем не опирается на бизнес, хозяйственников и управленцев, средний класс, интеллигенцию и простых людей.

Следующий вывод, который я сделал из представленных в книге данных, такой: значительная часть российской элиты (примерно 40%) ориентирована

на европейскую модель национального развития «рыночная экономика + правовое государство». Расхожие паллиативы вроде медленной эволюции к рынку под контролем сильного государства используются сегодня не для борьбы с реформаторским радикализмом, а для прикрытия административного монополизма и коррупционной бюрократической ренты. Паллиативные рыночно-бюрократические идеологемы весьма популярны в нашей элите (примерно у 30%), однако они не в состоянии предложить никакой стратегической альтернативы. Прочие идеологемы неконкурентоспособны: ни советская модель, ни рыночный авторитаризм не имеют широкой поддержки, особый же российский путь хоть еще и тревожит умы какой-то части элиты (менее 20%), так и остался вещью в себе, которую никто не может приспособить к конкретному делу.

Разделяя критический пафос и многие оценки авторов исследования, я тем не менее расхожусь с ними в ряде важных пунктов. Размышления авторов идут по такой схеме. Элита выполняет ключевые социокультурные функции: символическую, интегративную, целеполагания. Наша власть и зависящие от нее верхи общества выполнять эти функции неспособны. Следовательно, нужно не величать их элитой, а прямо назвать самозванцами. Элиты у нас нет и не будет, пока не будет построена плюралистическая демократия.

Пойдем по порядку. Выработка смыслов и ценностей, социальная интеграция и управление осуществляются в любом устойчиво воспроизводящем себя обществе — кастовом, сословном, современном. Такие понятия, как «аристократия» или «элита», являются историческими самоназваниями верхов, в которых верхи манифестируют основания своего социального господства: порода в первом случае, отбор — во втором. Отбор может быть очень разным: почти естественным или более цивилизованным, полезным или вредным для общества — с этим и нужно разбираться. Как и авторы книги, я считаю, что если мы хотим дать социальную характеристику нашим верхам, то категория «элиты» для этого не годится. Говоря «элита», я всего лишь указываю на верхнюю часть рейтинга. А вот для разговора о том, как у нас попадают наверх, как наши верховники осуществляют социальное влияние и взаимодействие, нужна более конкретная и содержательная категория. Думаю, что уничижительные определения элиты с приставками недо-, лже- и квази-вовсе не являются содержательным социологическим переопределением. (Свой вариант концептуализации субъекта и порядка социального господства в сегодняшней России я предложил и неоднократно аргументировал — это *постноменклатурный частно-государственный патронат*.) Критика, указывающая на несоответствие низкой действительности высокому мифу по принципу «разве это элита!» («разве это коммунисты!», «разве это аристократия!»), вряд ли будет действенной. Такая критика легко опрокидывается посредством профанации самого мифа: а где в живом мире обитает ваша

элита? — огласите список наций с элитой и наций без элиты! — почему «Форбс» без наших это элита, а наши в «Форбсе» не элита?! Так что тему самозванства лучше оставить как чересчур идеологизированную и заняться конкретным анализом.

Авторы раскрывают коренную причину консервации низкого потенциала и даже деградации российской элиты в последние годы, указывая на сокращение диапазона и условий социального многообразия, структурно-функциональной дифференциации, институциональной и групповой автономии. Верный и точный диагноз! Однако в теоретических обобщениях тоже надо знать меру. По моему разумению, авторы неправы, когда уравнивают «позднесоветскую и постсоветскую элиту», видя в ней — и в той и в другой — закрытое окол властное социальное образование, формируемое государственными органами по номенклатурному принципу. Считаю такое обобщение по сути неверным и стратегически вредным. При всех номенклатурных обычаях и поведенческих, сегодняшняя элита существенно отличается от советской номенклатуры — по целям деятельности (капитализация прибыли и ренты), по способам господства и взаимодействия (частно-государственный патронат), по социальному составу (в сегодняшнюю элиту входит крупный бизнес, предпринимательские ассоциации, топ-менеджмент крупных частных компаний, рыночных институтов и регуляторов), по месту и стратегии в геоэкономике (российская элита участвует в процессах глобализации, пытается найти и застолбить свою нишу на мировом рынке). Игнорирование этих принципиальных отличий ведет к существенным изъянам анализа и потере исторической перспективы. На мой взгляд, в книге явно недооцениваются рыночный характер российской элиты, масштаб и значение внутриэлитной конкуренции, роль и возможности частного бизнеса.

Ну и, наконец, главный вопрос — о модернизационном потенциале российской элиты. Приговор авторов исследования ясен и однозначен: потенциал нашей псевдоэлиты стремится к нулю. В общем-то, ход наших дел действительно особого оптимизма не вызывает — историческая годность отечественной элиты под вопросом. Однако ответ, представленный в книге, мне принимать не хочется, и не только потому, что за державу обидно. Мне понятна концепция, из которой такой ответ логически следует, но не ясно, какие социологические факты его подтверждают. Точнее так: я нашел в книге два эмпирических обоснования негативного ответа, и оба меня не убедили. Для авторов главным доводом является почти поголовная лояльность элиты Путину. Ну что тут скажешь: о времена, о нравы! Но достаточно ли ссылки на показушную лояльность верхов для оценки их модернизационного потенциала? Наглядный пример: А.Б. Чубайс демонстрирует образцовую политическую лояльность В.В. Путину и завершает реформу российской электроэнергетики. И разве Чубайс не герой нашего времени?

Второй довод авторов такой: абсолютное большинство российской элиты не видит необходимости в каких-то реформах, поскольку лишь 10% опрошенных считают очень вероятной перспективу ухода страны на периферию мировых процессов (еще примерно 30% респондентов полагают это достаточно вероятным). Для того чтобы оценить этот аргумент, нужно внимательнее прочитать вопрос анкеты — звучит он так: «Насколько вероятно, что при сохранении нынешнего порядка вещей Россия превратится в периферийную страну, находящуюся в изоляции от мирового сообщества?». Вопрос в жанре крутой антиутопии. Вообще-то, представить себе Россию с ее газом–нефтью в мировой изоляции очень трудно. Если уж Туркмения, и та не в изоляции! Как хотите, но я не понимаю, почему скептическое отношение к столь черному прогнозу обязательно означает полную незаинтересованность в реформах и инновациях. А то, что 40% представителей элиты понимают интенцию этого вопроса и готовы обсуждать проблему, даже если она сформулирована в такой неадекватно алармистской форме, — разве это не свидетельствует о серьезной озабоченности значительной части сегодняшней элиты судьбами российской модернизации?

И ведь это не единственное такое свидетельство. Например, сравнивая мнения населения и элиты о проводимых при Путине реформах, авторы исследования отмечают несущественные отличия в количестве позитивных оценок, но почему-то не замечают, что представители элиты чаще всего выбирают ответ «реформа по-настоящему еще и не проводилась».

Так что еще не вечер. И разговор о модернизационном потенциале российской элиты явно требует продолжения. Не только о потенциале, но и о конкретном социальном заказе на институциональные реформы. Сверхзадача нового исследования — составить набросок повестки и маршрутной карты социально-экономических преобразований, который можно и нужно будет положить в основу публичного обсуждения. Необходимо разобраться с тем, *что* сегодняшние элитные группы России считают главными вызовами для страны и для себя, какие варианты и способы ответов они готовы рассматривать, а затем обсудить плюсы и минусы конкретных вариантов и способов действий. Думаю, что в продвинутых группах российского общества уже мало кто верит в то, что вертикаль власти является той волшебной палкой, посредством которой можно улучшить качество правления и социальной жизни. На вызов глобальной конкуренции и внутренней институциональной деградации следующему президенту придется отвечать уже в условиях исчерпанности государственной идеи путинского образца. Нужны качественные изменения в организации государственной власти и управления. Какими должны быть их содержание, комбинация, очередность? Пора думать и обсуждать. Глядишь, и превратим социологию беды в социологию развития.

Разговор с оптимистами о проектировании национальной элиты

В 2008 году Институт общественного проектирования (ИнОП) выпустил книгу «Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты». Авторский коллектив, представивший результаты проведенного в 2007 году социологического исследования, точно знает, какой должна быть современная российская элита. Она должна соответствовать десяти заповедям. Ну не тем самым, конечно, — применять Божьи заповеди для оценки элиты уже давно не принято. Авторы сформулировали другие заповеди — их тоже десять, и они тоже хорошие. Вот какие:

1. Способность к социальной, политической и общественной самоидентификации.
2. Способность к идеологической самоидентификации.
3. Способность разных групп внутри элиты к совместной деятельности, высокий уровень "договороспособности" и компромисса.
4. Способность к выработке общих целей.
5. Способность к политической и общественной самоорганизации для достижения общих целей.
6. Понимание общенациональных угроз и умение согласованно отвечать на эти угрозы.
7. Способность отличать личный интерес от интересов страны и осознание личной ответственности перед страной.
8. Осознание необходимости демократической легитимности власти, наличия мандата доверия от общества.
9. Отношение к российскому народу как энергичной, творческой силе, способной к прогрессу и решению задач любой сложности.
10. Понимание роли частной собственности и предпринимательства как ресурса для развития страны»².

На языке PR-менеджеров это называется *стратегический образ* социального субъекта — то, чем означенный субъект должен стать или хотя бы казаться. Проект ИнОП как раз и призван выяснить, насколько сегодняшние российские верхи, обладающие властью, богатством и влиянием, похожи на правильную элиту. Ясно, что результат любых измерений зависит не только от предмета, но и от мерил, то есть признание правильности или неправильности элиты *in facta* зависит от целевых параметров элиты *in projecto*. Поэтому, прежде чем снимать мерку с верхушки российского общества, следует пристально всмотреться в нарисованный проектировщиками ИнОП стратегический образ.

² Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты. М.: Институт общественного проектирования, 2008. С. 8.

При более внимательном прочтении некоторые из приведенных выше основных тезисов обнаруживают неопределенность, доходящую до двусмысленности. Сначала авторская позиция кажется ясной: современная российская элита должна разделять принципы демократии и частной собственности (я здесь толкую не о правильности или неправильности, а именно об определенности этой позиции). Но тогда почему бы не сказать об этом просто, в общепринятых и понятных выражениях: «демократическое устройство государства», «неприкосновенность частной собственности»? Вместо этого сказано о необходимости демократической легитимности власти и наличия мандата доверия от общества. Так ведь в наше время разве что вовсе отороженный людоед не ссылается на демократическую легитимность своей власти и не показывает мандат доверия от общества! Другими словами, предлагается не говорить с элитой о принципах и способах организации государства, а спросить ее о нужном PR-эффекте: нужно ли вам, чтобы ваша власть называлась демократией? Не заглядывая в ответы, предположу, что наша элита, какой бы она ни была, дружно и энергично грянет «Да!».

Не лучше и десятый тезис, требующий понимания роли частной собственности и предпринимательства как ресурса для развития страны. Скажем, есть в нынешней российской элите не слабые, а наоборот, очень агрессивные и успешные группы, которые практикуют рейдерство на разных политэкономических уровнях, включая самый высокий. Разве не понимают они роли частной собственности, в том числе той собственности, на которую положили глаз, как ресурса для развития страны? Они очень хорошо это понимают!

Российское общество и в первую очередь элита озабочены сейчас поиском верного направления национального развития, гадая и решая, нужен ли нам «государственный капитализм». Вполне очевидно, что в сегодняшней повестке это вопрос номер один. Обсуждение вопроса о разных капитализмах и национальном выборе активно идет в том числе в журнале «Эксперт», с которым тесно сотрудничает ИнОП. Однако столь важная, поистине элитообразующая дискуссия оказалась не в фокусе социологического проекта, посвященного мировоззрению и идеологии российской элиты! Как так получилось? А иначе и быть не могло, поскольку выбранная аналитическая «оптика» так устроена, чтобы очень разные взгляды — от рентоориентированных бюрократов и рейдеров до активистов «Деловой России», от популяризаторов «бархатных» экспроприаций до записных либералов — шли в зачет, образуя позитивную «сумму идеологии», очень даже привлекательную в своей невнятной широте.

Исследователи проинтервьюировали 326 представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, силовых структур, СМИ, религиозной, творческой, научной, общественно-политической и бизнес-элиты. Интервью фокусировались на обсуждении таких тем, как «суверенная демократия», «либеральный консерватизм», лидерские перспективы России в мировой эконо-

мике и политике. Причем авторам книги указанные опорные пункты представляются не просто интересными темами или актуальными лозунгами, но ключевыми концепциями — по степени усвоения этих концепций российскими верхами можно судить о продвинутости последних и приближении их к стратегическому образу элиты. Об этом авторы сначала дают знать респондентам в вопроснике, а затем не раз и не два настаивают в книге. То есть «суверенная демократия» и «либеральный консерватизм» суть концентрированное выражение десяти заповедей проекта «элита» в версии ИнОП.

Как мы только что убедились, представленному в книге стратегическому образу элиты присущи весьма размытые очертания и последовательное избегание институциональных определений. В таком случае следует признать и «суверенную демократию» и «либеральный консерватизм» концентрированным выражением институциональной неопределенности — они возводят внеинституциональную, осуществляемую поверх институтов политику в идеологический принцип.

Анализ таких тонких материй, как мировоззрение и идеологии, предполагает тщательную выработку и шлифовку понятийного аппарата. Но как раз понятийный аппарат «Суммы идеологии» вызывает наибольшее число вопросов. Начиная с основных категорий. В первой, второй, третьей и четвертой главах книги, где обобщаются и интерпретируются результаты исследования, дана характеристика в том числе отношения российской элиты к демократии и частной собственности как к базовым ценностям. Но вдруг в параграфе 4.1 мы читаем: «При формулировании вопросов интервью было решено включить в него не вопрос о демократии вообще, а о суверенной демократии. Это одна из немногих новых и при этом, на наш взгляд, актуальных и адекватных идеологием, вокруг которой уже развернулась... активная дискуссия. Методологически мы сочли, что отношение к демократии как таковой респонденты выразят, отвечая на вопрос об отношении к понятию "свобода"». А в параграфе 4.3 читаем еще: «Отдельный вопрос об отношении к институту частной собственности респондентам не задавался, но многие из них высказывались на эту тему в контексте ответов на другие вопросы». Такое обращение с категориями, да и с читателями, вряд ли можно считать вполне корректным.

Вернемся, однако, к самой, на вкус авторов, актуальной и адекватной идеологеме. Коли по рассуждениям о свободе исследователи узнали об отношении респондентов к «демократии как таковой», то что же тогда они узнают из суждений респондентов о «суверенной демократии»? Представленный материал дает основания полагать, что по ответам на этот вопрос можно определенно судить о политической лояльности (положительное отношение к актуальной идеологической конструкции чаще выражали представители властных и государственных структур). Однако авторам такой вывод неинтересен. Они вроде бы толкуют о национальной российской форме демократии, но не рас-

крявают никаких содержательных особенностей и не объясняют, чем здесь может помочь концепт «суверенной демократии». Концепт этот раскрывается посредством цитирования В.Ю. Суркова, но в приведенной цитате нет ничего, кроме провозглашения России суверенной и демократической. Мне представляется исчерпывающе точным высказывание на эту тему Д.А. Медведева: «Дело ведь не в терминах и прилагательных, которые могут быть применимы к понятию "демократия". Я считаю, что демократия может быть эффективной только в условиях суверенного государства. А суверенитет может принести результат только в условиях демократического режима»³.

Далее надо бы перестать твердить, как мантру, слова о «суверенной демократии» и перейти к предметному анализу динамического состояния нашей суверенности и динамического состояния нашей демократичности. Такому анализу, однако, никак не способствует употребление в книге уже набившего оскомину клише о копировании Россией в 1990-е годы западных образцов демократии. Популярность этого стереотипа связана с негативной оценкой большинством российского населения кризиса государственных институтов и нарушения национальных интересов. Но аналитическому докладу не пристало быть слепком с массового сознания, аналитики должны не валить все в кучу, а объяснять явления и связи. Стало быть, авторам следовало бы потрудиться и растолковать, как они увязывают безобразия девяностых с западной демократией. И какие конкретно российские кальки с западных образцов они считают вредными либо сомнительными: выборы, многопартийность, парламент, президентство, исключительную концентрацию власти у президента в соответствии с российской конституцией? Равно как и требует пояснений определение сегодняшней политической динамики как «модернизации партийной и выборной систем» (с. 35) — почему-то авторы взяли это определение в скобки и нигде так и не назвали те конкретные законодательные установления и правоприменительные практики, которые они считают признаками модернизации.

Помимо путаницы с определениями целостному восприятию результатов исследования мешает лоскутный характер их описания. Вот, например, в главе второй «Современная российская элита: состояние и задачи» выделен ряд основных позиций, в отношении которых респонденты проявили высокую степень солидарности. В этом ряду есть пункт «Президентская республика», где сказано: «Подавляющее большинство во всех группах экспертов выступает за президентскую республику как наиболее оптимальную форму властного управления. Парламентскую республику поддержали только 3% опрошенных (столько же выступают за монархию)». Казалось бы, все ясно. Ан нет! Доходим до главы пятой «Политическая система страны» и читаем: «Почти поло-

³ Цит. по: Сумма идеологии. С. 47.

вина респондентов (48,6%) поддерживают президентскую форму правления, тогда как парламентскую — четверть (24,3%). Как уже было отмечено выше, за президентскую республику, которая сложилась в стране в последнее время, высказалось менее половины экспертов, высказавших суждение по этому вопросу». После приведенного примера прочие нестыковки можно, пожалуй, признать мелкими и не заслуживающими специального упоминания.

Авторы называют главным результатом своего проекта выявление в среде российской элиты мировоззренческого согласия по таким фундаментальным ценностям, как демократия, частная собственность, свобода, равенство всех перед законом в качестве основы социальной справедливости. Правда, в оценке политического режима расхождение все же обнаружилось: если 60% респондентов удовлетворены состоянием демократии в стране и не требуют перемен, то 40% выступают за модернизацию, развитие институтов демократии и выборности. Да и с ценностным консенсусом дело обстоит не так просто. Оказывается, консенсус выражается «в принятии» основных ценностей, «однако в понимании и в интерпретации этих понятий внутри элиты существуют серьезные различия, что само по себе нормально, но в нашей элите они могут доходить до, по сути, отсутствия общего языка» (с. 34). Как весьма диалектично полагают авторы книги, мировоззренческий консенсус в элите есть, но «нет общего мировоззренческого подхода к оценке современных процессов в российском обществе и, по всей видимости, не всегда есть адекватное понимание этих процессов» (там же).

Теперь понятно, почему при всей своей широте элитный консенсус никак не мог быть выявлен самой элитой без помощи социологов. Ведь российские элитные группы хотя и «солидарны между собой в принятии основных базисных ценностей», объединяются вовсе не на их основе: «Сегодня в элите не видно широких сообществ, кооперированных по принципу мировоззренческого согласия, более вероятна кооперация на основе удержания сферы влияния и, напротив, формирования контрсообществ». Вероятно, именно включенностью абсолютного большинства респондентов в подобные контрсообщества можно объяснить ту крайнюю критичность, которую проявили опрошенные представители российских верхов по отношению к системе формирования современной элиты и степени ее действенности в центре и на местах. В пору их в карбонарии записывать: «фактически элите было отказано в праве считаться таковой» — удивляются исследователи (на с. 273, подальше от сообщения о фундаментальном согласии). То есть тут консенсус в российской элите тоже налицо, и смысл его можно выразить известной цитатой из Гоголя: «Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

В книге даны рекомендации по улучшению отечественной элиты, главные из них: выравнивание «представительности различных элитных групп», нала-

живание между ними диалога, преодоление «синдрома системного критицизма», «освоение национальной культуры и самосознания». Я почти во всем согласен с авторами. Думаю, однако, что общественное внимание и волю лучше сосредоточить не на специальных площадках для демонстрации диалога и не на «выборе способов формирования легитимной элиты», а на последовательном соблюдении хорошо известных норм честной конкуренции, публичной открытости и отчетности. Элита приложится. Ибо правильная элита есть не что иное, как добавочный продукт соблюдения общих правил.

Фокусировка исследования: элита господства и элиты развития

Для того чтобы лучше определить собственный подход к проблематике, обращаюсь еще раз к работам видных отечественных социологов, посвященным изучению российской элиты. В книге О.В. Крыштановской исследуется структура и состав сегодняшней политической элиты⁴. Работа Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, Ю.А. Левады посвящена изучению мнения элиты о характере и тенденциях развития России⁵. При этом само понятие «элита» указанные исследователи толкуют по-разному.

Подход О.В. Крыштановской можно назвать *иерархическим*: элита — это верхняя страта политического класса. Опираясь на мнение ряда мэтров социологической науки, автор накрепко связывает элиту с государством, в пирамидальную структуру которого входят различные группы и подгруппы политического класса. Такой подход очень удобен для социолога, ибо позволяет однозначно определить границы и структуру объекта исследования. Однако понимание элиты исключительно как начальства противоречит самой этимологии слова, генезису понятия и грозит существенным обеднением его смыслового поля. Ведь «элита» концептуализирует не только и не столько иерархию государства, которая существовала с незапамятных времен, сколько *основания* такой иерархии, которые приобрели актуальность в определенных исторических обстоятельствах.

Редукция «элиты» к власти предержавшей делает концепт нечувствительным к историческому развитию, фокусируя внимание на единой государственной власти, но не на многообразии социального влияния и лидерства, на иерархии, но не на полиархии, на одномерности и неизменности социального господства, но не на его изменчивой сложности. Концепт *начальственной элиты* хорошо ложится на «государствоцентричные» общества, плохо — на «экономическоцентричные» и кажется скроенным специально для России: такая переходящая «шинель» — теперь вот путинского покроя. Но ведь российская

⁴ См.: Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

⁵ См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. Проблема «элиты» в сегодняшней России.

элита никогда в эту форменную шинель не помещалась, всегда норвила из нее вылезти да вырасти! Дело отнюдь не сводится к противостоянию бюрократии и русской интеллигенции, историю которой сегодня оболгали, осмеяли и списали в архив. Скажем, соперничество бизнеса и бюрократии в новой России только началось, оно имеет куда более далекую перспективу, чем состоявшиеся триумфы олигархов-банкиров и олигархов-силовиков. Да и соперничество это скорее диалектично, чем позиционно: силовики победили бизнес как класс, но бизнес победил силовиков как модус бытия-сознания. Такая гибридизация не вызывает большого оптимизма, но, безусловно, делает ситуацию более сложной, динамичной и неустойчивой.

Ведущие специалисты Левада-Центра представляют другой подход, который можно назвать *прогрессистско-идеологическим*. Согласно этому подходу российская власть и зависящие от нее верхи общества неспособны выполнять социокультурные функции элиты, поэтому никакой элиты у нас нет и не будет, пока не будет построена плюралистическая демократия. Резоны своего несогласия с таким подходом я сформулировал выше. Повторю только, что, на мой взгляд, вопрос «элита это или не элита?» продуктивен лишь в историко-цивилизационном контексте. Если сегодняшнее российское общество уже либо *еще* не настолько выламывается из современности, чтобы его классифицировать как то ли реликтовую, то ли и вовсе неповторимо единственную историческую общность, то *так* ставить вопрос об элите ни к чему. Не потому что элите или еще кому обидно, а потому что неэвристично. Следует поискать более содержательные характеристики для сегодняшних субъектов/способов господства и других фундаментальных структур российской действительности⁶, а слово «элита» использовать по назначению — для социологической стратификации. Как современное стратификационное (само)определение «элита» относительно меньше акцентирует *дистанцию власти* и относительно больше — *социальную ответственность*. Этого достаточно для установления верных критериев оценки и для поддержания конструктивной коммуникации. Сейчас нам нужно понять: с кем и о чем разговаривать?

Итак, О.В. Крыштановская хладнокровно величает наши верхи элитой (ибо говорит о сущем), а у Л.Д. Гудкова с Б.В. Дубиным назвать их элитой язык не поворачивается (ибо они толкуют о должном). Однако и первая и вторые рассматривают верхи российского общества через один прицел — у всех названных авторов речь идет исключительно или преимущественно о государственной вертикали и номенклатуре. Еще раз скажу: при всей «государствоточности» и «вертикализации» нашего общества такой взгляд на его лидирующие группы неверен.

⁶ О структурах российской действительности см.: *Афанасьев М.Н.* Качество государства — главная проблема России // *Прогнозис.* 2008. № 1 (13). С. 220–232.

Сегодняшнее российское государство, как аппарат легитимного (и не очень) насилия, безусловно, выступает главным центром социального господства. Точнее, монополизированным, иерархичным рынком господства, куда стягиваются колоссальные и разнообразные ресурсы социального влияния: от активов ТЭКа и ВПК до поколений молодых карьеристов, инвестирующих свою энергию и семейные капиталы в административные должности и связи. Но вот как центр социального развития, как национальный *developer* наше государство выглядит более чем скромно: оно куда чаще тормозит, чем развивает. Его ветвящиеся структуры ссорятся из-за полномочий, активно приспособливают свои полномочия для извлечения корпоративных и персональных выгод, а остальную работу выполняют плохо, чаще же имитируют, перекалдывают друг на друга или просто не делают. Многолюдное государство, у которого сегодня вся сила и так много денег, мнит себя Большим Братом, но похоже скорее на Большого Паразита.

Между тем страна худо-бедно развивается: создаются новые услуги, товары, форматы коммуникаций и передачи информации, осваиваются цивилизованные правила ведения бизнеса (ИРО, открытая корпоративная отчетность, экологическая и социальная ответственность), идет поиск эффективных моделей организации и финансирования образования. Понятно, что развитие происходит в социальном пространстве совсем не равномерно — где-то густо, где-то пусто. Развитие аккумулируется в определенных точках и полях социального пространства, в определенных слоях и группах общества, которые тем самым выполняют функцию социального лидерства.

Таким образом, если под элитой мы понимаем исключительно *господствующий класс*, то в сегодняшней России целесообразно сконцентрировать внимание на государственном начальстве в центре и на местах и связанных с начальством финансово-промышленных группах. Эта классическая, прямо по Аристотелю, *олигархия* занимает верхнюю узкую страту доходной структуры общества — 1% богатых россиян, «золотой процент» России. Однако если мы понимаем элиту как *развивающий класс* общества, то концентрировать все внимание на государственно-капиталистической олигархии совершенно неправильно, социологический анализ необходимо сфокусировать по-другому.

Сказанное, конечно, не означает, что олигархия вовсе чужда социальному развитию. Наши начальники как раз любят говорить о лидерстве и государственной конкурентоспособности. В правительстве, например, есть министерства, которые уже по титулу отвечают за динамику и показатели национального развития: Минэкономразвития и Минрегион. Частный олигархический бизнес разрабатывает и реализует свои стратегии, полезные не только для корпораций, но и для национальной экономики в целом. Подконтрольные государству компании показывают худшую эффективность, но обеспечивают рабочие места, поддерживают и создают объекты производства и инфраструктуры. Тем не менее руководящая деятельность олигархии сосредоточена на сохранении и ук-

реплении своего господства — этим основным интересом определяются индивидуальные и корпоративные поведенческие стратегии верховников, замысел, процедура и содержание государственных решений. Принятые наверху нравы и обычаи, установленные сверху процедуры, верховные решения и замыслы достаточно известны. Ничего нового: олигархия господствует и загнивает.

Найдет ли российское общество в самом себе силы, чтобы выздороветь, остановить внутреннее гниение и геоэкономическую маргинализацию? Не о революционерах речь — эти-то всегда находятся. Нужны не революционеры, а те социальные силы, которые уже показали свои созидательные способности, доказали годность к общепольному и развивающему лидерству. Нам нужны лидеры в осваивании институтов цивилизованного социального взаимодействия, в создании социально продуктивных форматов бизнеса. Нужны общепризнанные мастера в таких социетальных сферах, как поддержание здоровья, накопление и передача знаний, информационное обеспечение, управление коллективной деятельностью, поддержание общественного правопорядка. Одним словом, нам нужна *элита развития*.

Если общество развивается, то в нем есть слои и группы, которые аккумулируют и продуцируют развитие. Следовательно, нужно выделить *социальные группы, которые связаны с предоставлением самых актуальных, востребованных хозяйственных и публичных услуг*, группы, которые оказывают преобладающее влияние на развитие России как интегрированной и притом открытой, современной и конкурентоспособной нации. На мой взгляд, можно выделить семь основных социальных групп развития:

- 1) *государственная власть и управление* — руководящие чиновники и депутаты, офицеры армии, органов национальной безопасности и охраны правопорядка;
- 2) *предпринимательство* — владельцы предприятий и компаний крупного, среднего и малого бизнеса;
- 3) *менеджмент* — главные руководители, руководители структурных подразделений частных и государственных компаний;
- 4) *юриспруденция* — специалисты, определяющие и раскрывающие смысл законов, а также представляющие интересы сторон в правовых отношениях;
- 5) *наука и образование* — научные сотрудники институтов фундаментальной науки и НИОКР, дипломированные производители образовательных услуг — от дошкольного до послевузовского образования и профессиональной переподготовки;
- 6) *здравоохранение* — дипломированные производители медицинских услуг;
- 7) *массовая информация и публичная экспертиза* — журналисты, выступающие в публичном информационном пространстве аналитики, аудиторы, оценщики, эксперты.

Можно предположить, что в рамках указанных групп развитие аккумулируется и производится также весьма неравномерно. В этих группах есть свои лидеры и умники, созидатели или акулы, есть добротные профессионалы, а есть троечники и халтурщики. Поэтому определять весь социальный состав указанных групп в качестве элиты развития было бы опрометчиво.

Наиболее подходящим критерием отнесения к элите мне представляется *рейтинг*. Все производители товаров и услуг рейтингуются и котируются в своих сферах по тем или иным показателям: прибыли, эффективности, качеству, спросу, числу и удовлетворенности потребителей. Если какой-то конкретный рейтинг вызывает сомнения, всегда можно проверить его другим. Конечно, никакой рейтинг не гарантирует нас от разочарований в отношении олимпийцев и способов вознесения на Олимп, но именно этот критерий более всего соответствует этимологии и смысловому содержанию понятия «элита».

В государственных иерархиях — бюрократической, военной, судейской, прокурорской, полицейской — функцию рейтинга выполняет служебная табель о рангах. И как раз эти иерархии представляют собой слабые звенья элиты развития. Ведь мы определенно знаем лишь то, что социальное развитие вменено должностным лицам в обязанность, а вот *что* и *как* они делают на практике, проверить очень трудно. Результаты их деятельности не испытываются конкуренцией и навязываются потребителям, которые не имеют выбора и реального влияния — ни на конкретных поставщиков государственных услуг, ни на политическое руководство. Административная реформа, призванная расширить конкурентный выбор потребителей, обеспечить информационную открытость государственных структур, зависимость их финансирования от проверяемых результатов и общественной оценки их работы, осталась так и не реализованным проектом.

Итак, под элитами развития я понимаю *рейтинговые и статусные верхи выделенных выше социальных групп развития*, аналитически исключая из них олигархию государственных верховников и тесно связанных с ними глав крупных корпораций — сегодняшнюю элиту господства. Если за ось ординат брать исключительно вертикаль власти, то основной массив элиты развития оказывается ниже верхушки обозначенной вертикали, *под* элитой господства — О.В. Крыштановская назвала бы выделяемую мной элиту развития (да и то не всю, а только ту часть, которая участвует в отправлении государственной власти) субэлитой. Следует, однако, подчеркнуть, что не обладающие верховной властью и во многом зависимые от олигархии элиты развития имеют все же достаточную материальную и статусную самостоятельность и свои собственные, в первую очередь деятельностные ресурсы немалого социального влияния, в том числе влияния на верховников.

Социальные группы, из которых вырастают элиты развития, это обеспеченные и продвинутые группы общества, в значительной мере составляющие

новый российский «средний класс». По оценке отечественных экспертов⁷, наш «средний класс» — это где-то около 20% населения. Причем на шкале доходно-социальной стратификации эту пятую часть россиян нужно отмерять сверху — выше «средних русских» в доходной структуре общества есть лишь узкий (примерно 1%) слой богатых. То есть средний по стандартам развитых стран и потому так называемый нами «средний класс» в российской действительности является верхним — массой россиян он именно так и воспринимается: как местная или столичная «элита».

Доходную структуру российского общества можно изобразить в виде русской матрешки (рис. 1). На макушке — «золотой процент». От макушки до плеч головная часть — это 20% хорошо и средне обеспеченных россиян. В ногах — бедные и необеспеченные, которых по статистике немногим более 10%. А все тулово — 70% населения! — составляют «недообеспеченные» россияне. При желании тулово, как мы знаем, можно разделить: в плечах да грудях треть народу, которые поближе к голове, а в подоле около 40% населения, которым ближе вниз, чем вверх.

Теперь ту же матрешку используем в целях наглядного элитоведения (рис. 2). У матрешки на макушке, понятное дело, элита господства, в которую входят главноначальствующие и главнокомандующие в российских горо-

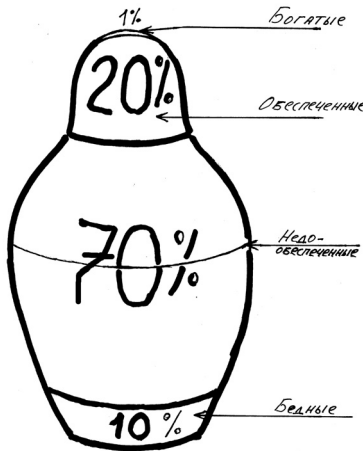

Рис. 1. Доходная структура российского общества

Рис. 2. Наглядное элитоведение

⁷ См.: Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х / под ред. Т.М. Малеевой, Н.В. Зубаревич, Д.Х. Ибрагимов и др. ; Независимый институт социальной политики. М.: НИСП, 2007. С. 250–254.

дах, регионах и столицах, а также главноуправляющие олигархическими капиталами. Выделенные нами группы развития, возможно, не исчерпывают весь «средний класс», но составляют его очень большую часть и, конечно, его лицо. *Элиты развития* включают наиболее успешных представителей продвинутых и развивающих групп общества, следовательно, такие элиты сконцентрированы главным образом в «верхнем среднем классе». Те же части социальных групп развития, которые недотягивают до элиты развития, можно назвать *субэлитой*.

Наиболее преуспевшие в рыночных отношениях представители групп развития перерастают границы «среднего класса» и входят в число богатых россиян. Так, все новые предприниматели и менеджеры, развивающие свои не встроенные в федеральную, столичную или региональную олигархию компании, выходят на весьма серьезные уровни капитализации. Свидетельства такой тенденции можно увидеть в динамике рейтинга национальных компаний журнала «Эксперт». Правда, тут же обнаруживается сильное течение совсем в другую сторону: высокорейтинговые компании очень часто находятся в особых отношениях с властью, если не с центральной, так с местной⁸. С точки зрения рейтинга ну и ладненько! Но когда дело доходит до кризиса, выясняется, что в стране нет конкуренции и трудно вести заметный бизнес независимо от государства, точнее, от конкретных держателей «административного ресурса».

Как бы то ни было, предложенная новая фокусировка социологического анализа, надеюсь, позволит не сводить все дело к тому самому административному ресурсу, а рассматривать российскую элиту как более сложное, современное и динамичное социальное явление. Новые элитные группы связаны уже не только с государственной властью, но и с народившимся «средним классом» — неолигархическим бизнесом, другими продвинутыми и развивающими группами общества. Я думаю, это очень важно — *понять и убедиться, что наряду с мнением и повесткой российской олигархии есть мнение и повестка российских элит развития.*

Выборка и инструментарий опроса

Первым пунктом в планировании опроса стало известное, в общем-то, соображение, что количество имеет значение и может перейти в качество. Пусть тот, кто посчитает это соображение тривиальным, примерит нормальную выборку массового опроса — 1000 респондентов — к социальному объекту, ко-

---

⁸ См.: Эксперт-400 : Тенденции крупного бизнеса // Эксперт. 2007. № 36; Исследование среднего бизнеса // Эксперт. 2008. № 10.

торый именуется элитой. Он тут же поймет, что все не так просто! Ознакомившись же с опытом коллег из Левада-Центра (объем выборки 568 человек) и Института общественного проектирования (объем выборки 326 человек), а также с описаниями мытарств социологов, вопрошавших нашего отечественного сфинкса, я окончательно понял, что проект придется назвать амбициозным (компьютерный редактор тут же предупреждает о негативной, иронической окраске определения).

Теперь, когда опрос благополучно завершен, я готов с удовольствием разъяснить, зачем было так стараться с объемом выборки.

Во-первых, нам *впервые в России удалось провести полноценный «количественный» опрос элитных групп*. При таком количестве опрошенных действует закон больших чисел, и репрезентативность полученных данных вызывает меньше сомнений. Около половины опрошенных — 496 человек — живут и работают в Москве. Повышенный вес столичного представительства в выборке, на мой взгляд, вполне уместен, поскольку элита сосредоточена в столице. Остальные 507 опрошенных нами респондентов живут и работают в 64 субъектах Российской Федерации, географическое исследование охватило страну от Владивостока до Калининграда и от Мурманска до Астрахани.

Во-вторых, если представительство целевых групп в выборке составляет у вас какие-нибудь три-четыре десятка человек, то судить по их ответам о мнении чиновников, силовиков или бизнесменов довольно трудно, и обоснованность таких суждений будет сомнительной. Обеспечение же минимально необходимого количественного состава групп в выборке исследования позволяет нам *всерьез рассматривать и сравнивать данные по различным группам, составляющим российскую элиту развития*.

В-третьих, при полномесном количественном опросе элитных групп (и включении в анкету соответствующих вопросов) появляется возможность сравнить социологические данные об отечественных элитах развития с данными массовых опросов в России и других странах, полученными в рамках международного проекта «Всемирный обзор ценностей» (World values survey, далее WVS). Данные упомянутого кросс-национального опроса очень часто цитируются, и на их основании Россию сравнивают с другими развитыми, развивающимися и отсталыми странами. Согласитесь, весьма любопытно посмотреть, где окажется наш социальный локомотив — отечественные элиты развития — между «продвинутыми» и «тормозящими» обществами на карте мира от WVS. А заодно проверить некоторые из теоретических установок и выводов уважаемого коллеги Р. Инглхарта. И не только его. Например, Р. Патнэм свои важные выводы о решающем значении «общественного капитала» для динамики и качества социального развития основывает на эмпирических показателях участия в ассоциациях и социальной

связности, например на статистике местных ассоциаций в Италии, данных «Евробарометра» о членстве в профсоюзах, данных регулярного Общего социологического опроса в США. Теперь мы сможем поместить соответствующие данные о российских элитных группах в международный исследовательский контекст, проводить сравнительный анализ и более обоснованно судить об общественном капитале наиболее продвинутой части российского общества.

Как уже говорилось, мы решили сфокусировать исследование, во-первых, не на господствующей верхушке, а на более широком верхнем слое общества и, во-вторых, взять за критерий выделения элитных групп функцию социального развития. Исходя из указанного критерия были выделены социальные группы развития, исполняющие наиболее актуальные и востребованные общественные услуги. Целевую аудиторию опроса составили успешные, занимающие престижные позиции, известные в своих регионах и профессиональных сообществах представители выделенных групп развития, притом что главных государственных начальников и глав крупнейших корпораций (элиту господства) мы не опрашивали.

Теперь нужно точнее размежевать, дифференцировать или агрегировать целевые группы опроса и определить их удельный вес в выборке. Возьмем начальственную группу — тех, кто облечен государственной властью и занят государственным управлением. В этом обширном классе держателей-отправителей «административного ресурса» при первом же взгляде можно выделить людей в погонах, которых еще принято называть *силовиками*. С учетом влияния и значения, которые они обрели в российской действительности, в выборке опроса они выделены в отдельную группу — 100 респондентов. Во-первых, для должной репрезентативности. Во-вторых, для должного веса в общем массиве выборки. В-третьих, чтобы иметь возможность разделить «силовую» группу выборки на две подгруппы и проверить рабочую гипотезу, согласно которой так называемые силовики весьма неоднородны и взгляды офицеров армии, вероятно, значительно отличаются от взглядов офицеров органов национальной безопасности и охраны правопорядка.

Гражданских *чиновников и депутатов* в выборке исследования представляют 204 респондента. Из них 45 работают в федеральных исполнительных и законодательных органах государственной власти, а 159 — в исполнительных и представительных органах власти регионального и местного уровней. В государственно-управленческой группе нашей выборки, как и в государственной жизни, абсолютно доминирует исполнительная власть, а депутаты Государственной Думы и региональных законодательных собраний почти все состоят в «Единой России». Должностной уровень опрошенных нами государственных чиновников: руководители и заместители руководителей департаментов и отделов, советники в федеральных органах власти; министры, замес-

тител министров, руководители департаментов и отделов в органах государственной власти субъектов Федерации; главы местных администраций.

Вместе чиновники и силовики составляют около трети выборки — 304 респондента. Если же учесть, что 20 опрошенных нами менеджеров занимают управленческие посты в государственных компаниях, 4 опрошенных юриста занимают судебские должности, а еще 26 юристов преподают правовые дисциплины в академиях государственной службы и юридических институтах МВД, то можно констатировать: более трети наших респондентов служат и работают «на государство».

В целом выборку исследования элиты развития можно разделить на три почти равновеликих сектора: «Государство», «Бизнес», «Общество». О государственном секторе уже сказано. Сектор бизнеса составляют *предприниматели* (мы опрашивали владельцев и совладельцев компаний, как правило членов торгово-промышленных палат, что свидетельствует — особенно в регионах — о статусе их бизнеса) и *менеджеры* (опрашивались топ-менеджеры компаний, а также руководители структурных подразделений крупных корпораций). Общественный сектор элиты развития охватывает *социетальную* сферу — это руководители и ведущие специалисты известных учреждений науки, образования, здравоохранения, а также *публичную* сферу — это журналисты ведущих СМИ и выступающие в публичном информационном пространстве эксперты.

Пограничную группу составляют *юристы*, часть которых работают в сфере государственной власти и управления, другие — в науке и образовании, третьи предоставляют услуги компаниям и гражданам. Опрошенные нами прокуроры с полным основанием, включая их самоидентификацию, отнесены к силовикам. Руководители правовых служб и отделов в органах государственной власти в соответствии с их должностным статусом и опять же самоидентификацией учтены как государственные чиновники. Судейская корпорация оказалась самой закрытой — нам удалось опросить лишь четверых респондентов, занимающих ответственные судебские должности. В результате в выборке нашего опроса юристы выступают именно группой-медиатором: помимо членов судейской корпорации и нескольких преподавателей юридических институтов МВД, имеющих офицерские звания, опрошенные нами юристы не занимают государственных должностей, однако они постоянно соприкасаются с институтами и представителями государственной власти. Около половины состава группы — адвокаты, остальные развивают и преподают правовую науку, консультируют и оказывают иные юридические услуги; причем мы ориентировались на специалистов, которые привлекаются к законопроектной деятельности или экспертизе в рамках судебных процессов.

Полные данные о профессиональном составе выборки исследования представлены в табл. 1.

Таблица 1. Социально-профессиональный состав выборки

Группа	Частота	Валидный процент
Чиновники	204	20,3
Федералы	45	4,5
Регионалы	159	15,9
Силовики	100	10,0
Армия	43	4,3
Безопасность и правопорядок	57	5,7
Юриспруденция	89	8,9
Суд и адвокатура	44	4,4
Правоведение и консультирование	45	4,5
Предприниматели	143	14,3
Менеджмент	163	16,3
Социетальная сфера	184	18,3
Здравоохранение	56	5,6
Образование, наука	128	12,8
Публичная информация	120	12,0
Журналисты	61	6,1
Эксперты	59	5,9
Итого	1003	100,0

Соотношение мужчин и женщин в выборке нашего опроса элитных групп составляет 70% на 30%. Меньше всего женщин оказалось среди силовиков, предпринимателей и федеральных чиновников, заметно больше — в здравоохранении, региональном чиновничестве, юриспруденции и журналистике.

По возрасту участников опроса можно разделить на следующие группы: до 30 лет — 8% от общего числа респондентов; от 31 года до 45 лет — 43%; от 46 до 60 лет — около 38%; старше 60 лет — 6,5% (и около 5% респондентов не ответили на вопрос о возрасте).

Определившись с целевой аудиторией и выборкой исследования, перейдем к инструментарию. Массовость обследования и заинтересованность в получении количественных показателей всегда предполагают проведение анкетного опроса. Однако анкеты, с помощью которых социологи улавливают и отражают «глас народа», в элитных группах применить куда труднее, чем в массовой аудитории. Мнение представителя элиты стоит дорого, а им самим, как правило, оценивается еще выше. Такой человек может снизойти и дать интервью, но заполнять анкету — это уж «не царское дело». Кроме того, в элитных группах — без всякой иронии — много умных людей, а умным людям любая анкета всегда кажется недостаточно (это как минимум) умной — им трудно уместить и выразить себя в этих да, да, нет, да. Поэтому я заранее знал, что труднее всего придется экспертам: они чаще других будут затрудняться

с ответом — не потому, что не знают, но именно потому, что знают точно и, похоже, заранее: все не так и не так, а по-другому!

Желая предупредить вероятные трудности в элитарном общении и получить действительное смысловое расширение, я выбрал форму стандартизированного интервью. В анкете были предусмотрены два открытых вопроса и еще несколько вопросов, где наряду с предлагаемыми вариантами ответов прямо запрашивалось «другое». Кроме того, до сведения участников опроса доводилось, что и в так называемых закрытых вопросах, в том случае если у респондента есть ответ, никак не сводимый ни к одному из предложенных вариантов, можно выразить свое особое мнение. Комментарии, письменные и устные, также приветствовались и фиксировались.

Приступая к разработке анкеты, я хорошо представлял, какие вопросы задавать не буду. Так, по моему разумению, в анкете для опроса российской элиты не должно быть вопросов о доверии государственным институтам и руководителям. В отечественных условиях и в массовой-то аудитории вопросы об институциональном и персональном политическом доверии давно не работают (в собственно социологическом смысле: как инструмент выяснения действительных общественных настроений), а людям статусным и ответственным — за свой пост, бизнес, покой и достаток своей семьи — таких вопросов и вовсе лучше не задавать.

Далее, из анкеты для российской элиты нужно исключить вопросы об идеологии и тем более об идеологическом выборе. Тех представителей нашей элиты, которые профессионально работают с идеологемами, вопрошать об идеологии не стоит, поскольку это вредно (как минимум для вопрошающего), а остальных — потому что бесполезно. Дело не только в том, что идеология интересует российскую элиту в десятую очередь. Главное, что между любым нашим идеологическим выбором — хоть «свобод», хоть «порядка», «европейского» пути иль «азиатского» — и нашей социальной действительностью лежит дистанция того самого размера. Такая дистанция, что связь между идеологическим выбором и действительностью, включая собственное поведение, чрезвычайно затруднена — не исключено даже, что связи вообще нет.

Если ни о политическом доверии, ни об идеологии спрашивать нельзя, то о чем можно? Полагаю, можно и нужно попросить дать оценку общего качества и важных сторон нашего национального развития, конкретную оценку исполнения определенных государственных функций, сравнительную оценку главных причин наших трудностей. Думаю, целесообразно выяснить расклад мнений и предпочтений в элитных группах по целому ряду альтернативных способов организации общественной жизни. Например, какие мнения существуют по поводу способов формирования национального правительства, реализации общественной функции СМИ, капитальной переделки российского

ЖКХ, собрания главных активов в государственные корпорации и так далее? Разве не эти вопросы сегодня дебатуются? И в первую очередь обсуждают их как раз элита развития. Разве эти дебаты не тот самый ежедневный «плевбисцит», который по определению Ренана, составляет смысл и действительность нации?

Когда референдум из метафоры превращается в технологию, становится понятно: референдум таков, каковы предлагаемые на выбор ответы (на референдумы обычно выносят именно ответы, но с вопросительным знаком). Я решил не выдумывать ничего лишнего. Вопросы — только главные: о приоритетах и фундаментальных институтах развития. Ответы — только те, которые уже опробованы в публичном информационном поле, экспертных дискуссиях и стали «платформами», вокруг и посредством которых происходит разделение/собрание общественного мнения. Таким образом, моя задача сводилась к тому, чтобы увидеть главные платформы и не пропустить какую-то небольшую, но значимую своим отличным от других смыслом и потенциалом социального притяжения.

Впрочем, все же не только к этому. Ведь анкета требует краткости, и, чтобы разместить в ней платформы, их необходимо сильно-сильно уменьшить. Краткий пересказ — дело коварное, поскольку результат может выйти как в известном анекдоте про Рабиновича, который «напел» приятелю что-то из Карузо. Мне же хотелось не только избежать упреков в искажении смысла, но и сохранить то впечатление, которое стараются произвести протагонисты соответствующих платформ. Чтобы достичь поставленной цели, я делал две вещи: во-первых, по возможности представлял тезис не голым, а хотя бы с минимальной аргументацией; во-вторых, по возможности цитировал тех авторов, которые соответствующий тезис выразили точно, емко, красиво. Другими словами, это было *тестирование ряда известных программных тезисов и предлагаемых проектов решений*.

Описанный здесь способ анкетирования, как и любой другой, имеет свои издержки. Дело в том, что неглупые аргументы нацелены как раз на то, чтобы укреплять позиции и обезоруживать противника. Тезисы, которые «голыми руками не возьмешь», сравнивать сложнее и выбирать между ними трудно. В массовой аудитории предложение сделать выбор между аргументами, а не просто между односложными оценками, затруднило бы опрос чрезвычайно. Да и в элитной аудитории оно его не облегчило. Но разве элита не должна решать сложные задачи? В заполненных анкетах частота выбора позиции «затрудняюсь ответить» оказалась даже меньшей, чем я ожидал. Таким образом, целевая аудитория опроса справилась с задачей, что помимо прочего свидетельствует и об адекватности примененного инструментария.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Оценка развития страны в 2000-е годы

Что российская элита развития думает о происходящем в стране? Как элитные группы оценивают общее направление, ключевые проблемы и приоритеты национального развития? Выяснение ответов на эти вопросы составляло главную исследовательскую задачу проекта.

Начинать логично с оценки сложившейся ситуации. Поэтому наша анкета начиналась со следующего вопроса: «С какой из оценок развития нашей страны в 2000-е годы Вы бы скорее согласились?»

1. Россия поднялась с колен, доказала свою глобальную конкурентоспособность. Во внутренних делах стало больше порядка, повысилась управляемость трудноуправляемой страны. Государство, компенсируя невысокий уровень самоорганизации российского населения, в целом успешно определяет и реализует стратегию национального развития.

2. Российская элита не использовала внутренние и внешние возможности диверсифицировать экономику и обеспечить качество развития, адекватное вызовам глобальной конкуренции. Вместо модернизации происходит деградация институтов, примитивизация экономики и государственного управления».

Вполне понятно, что национальное развитие — процесс по определению сложный, многомерный и противоречивый, то есть соединяющий позитивные и негативные явления. Однако констатации типа «есть и успехи, и проблемы» не освобождают нас от необходимости давать суммарную оценку. Такая оценка предполагает взвешивание и сравнение количества и качества успехов с количеством и качеством проблем.

Понятно также, что успехи и проблемы неравномерно распределены в социальном пространстве. Следовательно, на оценку развития страны всегда влияет индивидуальный, групповой, классовый опыт и соответствующая ему точка зрения. Нетрудно догадаться, что чем абстрактнее будет сформулирован ответ на вопрос о национальном развитии, тем труднее будет выделить из совокупной оценки окружающей жизни — индивидуальной, семейной, корпоративной и классовой — оценку развития страны.

Мы опрашивали элиту, то есть людей успешных и благополучных. В таком опросе, одновременно «классовом» и экспертном (в отличие от массового опроса), интересна не столько зависимость оценки национального развития от степени социальной адаптации и благополучия респондентов, сколько их согласие или несогласие с некими содержательными суждениями.

Для выяснения общественного мнения элитных групп о текущем этапе национального развития (а не только об общей удовлетворенности или неудов-

летворенности «состоянием дел») и были предложены приведенные выше альтернативные оценки. Эти оценки отражают два конкурирующих за доминирование в общественном сознании подхода: *разумная апология* (использует стиль исторического оптимизма и апеллирует к национальной гордости) и *системная критика* (фокусирует внимание на качестве институтов и, соответственно, качестве развития).

Первый, разумноапологетический вариант ответа выбрали 43% всех респондентов. Второй, системнокритический ответ выбрали 47,7% респондентов. А еще 9,3% респондентов так и не смогли определиться с выбором. Это довольно неожиданный и очень важный социологический факт. Притом что именно апология (далеко не всегда разумная) абсолютно доминирует на российских информационных каналах, притом что элитные группы являются главными бенефициарами экономического роста 2000-х годов, *абсолютное большинство представителей российских элитных групп не согласны с оценкой, выдержанной в духе официального оптимизма. Почти половина респондентов склоняется к критическому взгляду на существующую систему и ее результативность.*

Официальный оптимизм абсолютно преобладает только в двух элитных группах: среди федеральных и региональных чиновников (более 60%) и среди работников госбезопасности и охраны правопорядка (70%)⁹. Обращает на себя внимание раскол в среде силовиков: у «чекистов» доминирует официальный оптимизм, а у офицеров армии абсолютно преобладает критическое отношение к существующей системе. Предприниматели разделились примерно пополам при крошечном перевесе «системных оптимистов» (47%) над «системными критиками» (45%). Число последних среди юристов доходит до 48%, а среди менеджеров переваливает за 50%. Еще более критично на путь развития страны смотрят работники медицины, науки и образования, журналисты и эксперты. Получилась шкала «убывающего системного оптимизма элитных групп» с максимумом в 70% у «чекистов» и минимумом в 9% у армейцев. *Показательно, что системный оптимизм российских предпринимателей еще докризисной весной 2008 года опустился ниже 50%-й отметки.*

Красивую аргументацию в пользу оптимистического взгляда на развитие страны дал историк и писатель А.Б. Горянин¹⁰: «Первый ответ ближе к истине, но не намного. Россия ни перед кем не стояла на коленях. 2000-е годы — продолжение 90-х, а все 90-е — это капитальный ремонт без отселения жильцов. Да еще на фоне тотального кризиса привычного образа жизни, обрушения градообразующих предприятий, сторевших вкладов, отложения респуб-

⁹ Результаты по группам см. в приложении к книге.

¹⁰ Здесь и далее именные ссылки даются в тех случаях, когда респондент не требовал анонимности и по роду занятий заинтересован в популяризации своих взглядов.

лик, больших и малых сепаратизмов в самой России, дефолта, попыток коммунистического реванша, отсутствия необходимых законов. Результаты 90-х и последующих лет, вплоть до сегодняшнего дня — просто блестящие по сравнению с теми, каких мы были вправе опасаться. Диверсификация экономики и все прочее происходит, но экспертное сообщество заметит это, как всегда, с запозданием». Призыв к созидательному историческому оптимизму лично мне близок и понятен. Непонятно другое: почему и на каких основаниях одни результаты определяются как «блестящие» (без уточнения, что конкретно имеется в виду), а другие результаты — например, сгоревшие вклады, дефолт, хроническое отсутствие необходимых законов — записываются в некий «фон», на котором еще лучше видна блестящая результативность. Строительная метафора, к которой прибегает уважаемый респондент, вообще очень характерна для русского отношения к строительству и капитальному ремонту. Все известные мне отечественные застройщики на вопросы, почему так дорого, так долго, так плохо и на что ушли наши деньги, отвечают примерно в том же эпическом духе.

Респонденты, выбравшие второй вариант ответа, сделали это вовсе не потому, что не видят позитивных явлений и тенденций. Вот, например, комментарий экономиста А.А. Нецадина: «Россия стала более конкурентной на мировых экономических и политических рынках, однако усиливается государственное участие во всех сферах жизни, вытесняется возможность участия в ней широкого круга общества». Или комментарий доктора технических наук С.В. Циреля: «Россия не нашла достойного места в мировом разделении труда, не создала национальной модели рынка, выборные институты полностью деградировали и т.д. Однако есть и успехи в трудовой мотивации и качестве труда, умении людей ориентироваться в современном мире, снижении экономической и психологической зависимости (при сохранении идеологической) большей части молодежи от государства и др.».

Почти половина участников опроса элиты развития склоняются к критической оценке развития страны в 2000-е годы отнюдь не из тяги к огульному очернительству. Их выбор вполне патриотичен, обусловлен же он тем, что они считают сложившуюся в стране систему управления неадекватной как вызовам современности, так и национальным возможностям.

Что касается первого варианта ответа, то отданные за него голоса не вполне корректно все записывать в актив сложившейся системы управления, как ее ни называй — «суверенной демократией» или еще красивей. Вполне вероятно, что не все респонденты, позитивно оценивающие национальное развитие в 2000-е годы, считают демиургом развития и позитива именно «систему» — ведь в опрашиваемых элитных группах много людей, которые сами, собственными силами обеспечивали восстановительный рост экономики, создавали действительно позитивные и впечатляющие «истории успеха». Это

предположение выглядит вполне уместным, например, в отношении предпринимателей.

В любом случае вопрос о вкладе в национальное развитие государственно-го управления нуждается в уточнении. С официальной точки зрения главным достижением в деле наведения государственного порядка, залогом и стержнем устойчивого национального развития стало воссоздание вертикали власти и постоянное ее укрепление. Мы измерили степень согласия российских элит с этим воистину основополагающим постулатом — основополагающим, поскольку данный постулат есть базовый элемент «формулы легитимности» сложившейся системы.

Полученный нами результат со всей определенностью показывает, что формулу легитимности пора менять. В то, что «мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге повысили эффективность управления в стране, сократили масштаб произвола и коррупции местных властей», верят 29% респондентов. В то время как 61% респондентов считают, что «мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность». Десять процентов респондентов опять же затруднились с ответом.

Единственной элитной группой, где мнения об эффективности существующей вертикали власти придерживается абсолютное большинство респондентов, оказались федеральные чиновники (56%). Их коллеги в регионах разделились во мнениях по этому вопросу практически на равные половины. Работники госбезопасности и охраны правопорядка — вторая после федеральных чиновников группа по уровню поддержки официального мнения: доля поддерживающих среди них достигает почти половины (49%), правда, и доля критиков здесь немногим меньше (46%). Во всех остальных группах элиты абсолютно преобладает критический взгляд на отечественную вертикаль власти, причем наиболее критично оценивают эту вертикаль люди, профессионально работающие с информацией (журналисты и эксперты), армейские офицеры и предприниматели. Другими словами, *только сами поставщики публичной услуги по перманентной вертикализации российской власти из числа федеральных чиновников и «чекистов» продолжают считать свою услугу полезной. Что же касается потребителей — причем главных потребителей, поскольку элитные группы более всех заинтересованы в государственном порядке и близки к власти, — то они этой услугой весьма недовольны.*

Теперь о том, как оценивают элитные группы исполнение сегодняшним российским государством своих главных функций. Полные данные по группам даны в приложении к книге. Для наглядности сведем средние оценки по массиву в одну таблицу.

Таблица 2. Оценки выполнения сегодняшним российским государством своих главных функций

Функция государства	Доля респондентов, выставивших соответствующую оценку, %			
	1	2	3	4
Обеспечение личной безопасности граждан	5	34	41	19
Обеспечение права на справедливый суд	4	22	41	29
Защита права частной собственности	5	32	45	15
Обеспечение свободы слова	11	39	26	23
Обеспечение свободы передвижения	40	41	12	4
Обеспечение свободы объединений	15	39	25	14
Обеспечение свободных выборов	10	26	27	33
Установление и поддержание единых рыночных правил	4	28	41	20
Реализация экономической стратегии	6	33	38	14
Развитие образования	5	30	41	22
Развитие здравоохранения	4	24	42	26
Решение проблемы доступного жилья	3	13	36	45
Уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными	4	8	32	54
Обеспечение обороноспособности страны	12	44	22	10
Повышение авторитета и влияния страны на международной арене	27	42	19	8

Примечание. Названия столбцов: 1 – «Хорошо: имеются серьезные достижения; 2 – «В целом удовлетворительно: достижения невелики, но есть позитивная динамика»; 3 – «Скорее неудовлетворительно: что-то делается, но упущений больше, чем достижений»; 4 – «Совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении».

Из приведенных данных следует, что есть две государственные функции, исполнение которых российские элитные группы воспринимают как отличное или весьма хорошее: *обеспечение свободы передвижения и повышение международного авторитета* страны. Свобода передвижения, которую российская элита ставит на первое место (более 80% позитивных оценок), является фундаментальным завоеванием демократических преобразований начала 1990-х годов и, кажется, единственным, которое никем не оспаривается¹¹. Стало быть, это не заслуга администрации, правившей с 2000 года и правящей после рокировки 2008-го. Зато *повышение международного авторитета России* — большое достижение администрации Путина, так полагает абсолютное большинство (почти 70%) опрошенных представителей элитных групп. В ак-

¹¹ В порядке самокритики должен отметить, что мы, к сожалению, не выделили свободу передвижения и отдельно свободу выбора местожительства, ситуация с которыми может существенно различаться, на что обратил внимание один из опрошенных нами правоведов. Кроме того, свободу передвижения в элитных группах, похоже, воспринимают главным образом как свободу заграничных поездок.

тиве правящей администрации это тоже единственное достижение, которое можно назвать если не бесспорным (все-таки около трети представителей элитных групп в этом сомневаются, а более четверти придерживаются противоположного мнения), то признанным.

Еще два пункта можно определить как сферы относительного благополучия: *обеспечение обороноспособности* страны (56% позитивных оценок) и *обеспечение свободы объединений* (54% позитивных оценок). Благополучие относительно, поскольку значительная часть элиты считает состояние дел в указанных сферах неудовлетворительным. В случае обороноспособности треть респондентов выставили отрицательные оценки, особенно настораживает, что 70% опрошенных офицеров российской армии считают обеспечение обороноспособности страны неудовлетворительным. Со свободой объединений благополучие вообще сомнительное, поскольку доля отрицательных оценок доходит до 40%. Тут скорее можно говорить об отсутствии в элитных группах определенного мнения в силу не слишком высокой для них актуальности вопроса.

Не особенно беспокоит российскую элиту и ситуация со свободой слова: позитивные и негативные оценки разделились поровну. Однако в этом вопросе общественное мнение не столько не определено, сколько расколото. Элиты властные (абсолютное большинство «чекистов» и чиновников, половина армейских офицеров) и экономические (большинство менеджеров, половина предпринимателей) склонны считать ситуацию благополучной, в то время как элиты общественные (юристы, работники медицины, образования и науки, журналисты и эксперты) воспринимает ее как неудовлетворительную и неприемлемую. Наибольшее неудовольствие выражают журналисты и эксперты, которые профессионально заняты поиском, анализом и распространением публичной информации: количество крайних негативных оценок в этой группе доходит до 40%, а общий уровень негативного восприятия превышает 70% респондентов.

Общее отношение элитных групп к обеспечению свободы слова можно лучше понять и существенно уточнить, выяснив, какими каналами публичной информации они пользуются. Элиты развития в отличие от массовой аудитории гораздо активнее ищут нужную им информацию и чаще находят ее на интернет-сайтах (наиболее популярны RBC.ru, «Газета.ру», Regnum.ru, Lenta.ru, а также «Компромат.ру», который активнее всех посещают федеральные чиновники, «чекисты» и юристы), в качественной прессе (тут однозначно лидирует газета «Коммерсант») и специализированных медиа (газета «Ведомости», журналы «Коммерсант—Власть» и «Эксперт», медиагруппа РБК). Популярным радиоканалом информации в элитных группах является радиостанция «Эхо Москвы», самыми активными слушателями которой являются эксперты и журналисты, федеральные чиновники, а также предприниматели. А вот

главные государственные телевизионные каналы — «Первый» и «Россия» — пользуются в элитных группах гораздо меньшей, чем в среднем по населению, популярностью. Рейтинг обоих госканалов колеблется на уровне 45% всех респондентов, только среди региональных чиновников и «чекистов» (канал «Россия», но не «Первый») приближаясь к привычным массовым показателям. Все элитные группы по-прежнему предпочитают смотреть НТВ. Поскольку информационная политика на этом канале давно усреднена, единственным объяснением такого предпочтения может быть то, что НТВ в отличие от двух госканалов не воспринимается как рупор официальной пропаганды. Вполне ожидаем повышенный рейтинг в рассматриваемых элитных аудиториях телеканала «Культура». А вот что менее очевидно и тем более заслуживает внимания, так это пятое место в рейтинге телеканала «Евроньюс». Новости на канале «Евроньюс» узнает каждый третий участник опроса, в том числе 36% респондентов в группе работников медицины, науки и образования, 36% — в группе предпринимателей (здесь он уже третий по популярности) и 41% — в группе журналистов и экспертов, для которых это самый популярный телевизионный источник новостей.

Итак, по поводу гражданских свобод, как мы видели, большинство российской элиты настроено благодушно либо безразлично. Но за одним исключением: по вопросу об *обеспечении свободных выборов* общественное мнение в элитных группах далеко от безразличия и тем более от благодушия. Показателен негативный рейтинг, который образуют ответы на открытый вопрос «Какое событие общественной жизни в последнее время произвело на Вас самое плохое впечатление?»¹². Этот рейтинг безоговорочно возглавляют главные выборы страны — ссылку на самое плохое впечатление от президентских и парламентских выборов содержит половина всех полученных ответов! Вопрос о порядке проведения выборов является одним из трех главных пунктов, вызывающих в элитных группах наиболее сильную негативную реакцию, проще говоря возмущение. Мнения о том, что в России обеспечиваются свободные выборы, придерживаются 36% респондентов, в то время как 60% респондентов считают положение дел с выборами неприемлемым и неудовлетворительным. Собственно, тем, как у нас проводятся выборы, удовлетворены только чиновники да работники госбезопасности и правоохранительных органов (не все, конечно, но большинство), а во всех остальных группах российской элиты явно преобладает отрицательное отношение к этим особенностям «суверенной демократии». Обратим внимание на ряд характерных тенденций. Сдержанные юристы обычно предпочитают сглаженные ответы «в целом» и «скорее», но в этом случае они оказались весьма категоричны: 33% респондентов-юристов выбрали ответ «скорее неудовлетворительно», а 38% — ответ

¹² На открытый вопрос респонденты отвечают без подсказок, самостоятельно.

«совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении». Если относительно свободы слова и свободы объединений большинство менеджеров и каждый второй предприниматель поддерживали официальную точку зрения, выражаемую чиновниками и «чекистами», а мнение армейских офицеров было расколотым и неопределенным, то в вопросе об обеспечении свободных выборов наблюдается резкое изменение настроений. В элитных группах растет и консолидируется негативное отношение к действиям власти, направленным отнюдь не на обеспечение свободы выборов. Даже среди чиновников пятая часть респондентов считает ситуацию неприемлемой, а общее количество негативных оценок достигает 40%.

Неудовлетворенность обеспечением свободных выборов не единственный пункт консолидации негативного мнения в российских элитах относительно функционирования государства. Негативный рейтинг возглавляют такие направления деятельности государства, как *уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными* (86% негативных оценок); *решение проблемы доступного жилья* (81% негативных оценок); *обеспечение права на справедливый суд* (70% негативных оценок); *развитие здравоохранения* (68% негативных оценок). Подобные результаты нельзя назвать иначе как функциональными провалами российского государства.

Вслед за очевидными для всей национальной элиты провалами идут те направления деятельности государства, которые можно определить как сферы явного неблагополучия: помимо уже упоминавшейся ситуации со свободой выборов сюда придется отнести *развитие образования* (63% негативных оценок); *установление и поддержание единых рыночных правил* (61% негативных оценок); *обеспечение личной безопасности граждан* (60% негативных оценок); *защиту права частной собственности* (60% негативных оценок). Замыкает негативный рейтинг исполнения государственных обязанностей *реализация экономической стратегии* (52% негативных оценок). Последний негативный результат не столь вопиющ, как предыдущие, однако в ситуации экономического роста, конечно, обиден, ибо указывает на упущенную национальную выгоду.

Оценка направлений деятельности государства, отнесенных к сфере неблагополучия, в разных элитных группах имеет характерные особенности и различия. Так, армейские офицеры склонны давать максимально негативные оценки деятельности государства по развитию социальной сферы (здравоохранение, образование, жилье, уменьшение разрыва между богатыми и бедными), поддержанию правопорядка (личная безопасность граждан, справедливый суд), проведению свободных выборов и — что ближе всего самим армейцам — обеспечению обороноспособности страны. За этим негативизмом явно чувствуется крайнее неудовольствие своим сегодняшним положением. Армейские офицеры не разделяют даже общей радости элитных групп по поводу

обеспечения свободы передвижения. Есть еще один вопрос, где их ответы резко выделяются на общем фоне, — это вопрос о защите государством частной собственности: чуть ли ни треть опрошенных армейцев отметили серьезные достижения государства именно на этом поприще! Явный сарказм этого ответа вновь обнаруживает чувство протеста и обиды.

В ответах на вопрос о защите частной собственности можно увидеть и другие характерные отличия между группами. Наиболее негативно деятельность государства по исполнению этой важнейшей функции оценивают эксперты/журналисты, предприниматели и юристы. Примечательно, что неудовлетворительное положение дел в этом фундаментальном для общественного порядка и национальной конкурентоспособности вопросе признает и большинство федеральных чиновников — только делают они это куда более отвлеченно, предпочитая сглаженную оценку ситуации. Наконец, есть три группы, где большинство респондентов считают государственную защиту права частной собственности хорошей и удовлетворительной, — это армейские офицеры, «чекисты» и региональные чиновники. Черный юмор армейского офицерства мы уже отметили. Теперь оценим бюрократический позитивизм «чекистов» и регионального чиновничества, которые в значительной степени оценивают свою собственную работу. Сарказм армейских офицеров идет от их ущемленности. Спокойная же удовлетворенность «чекистов» и чиновников на местах — показатель силы держателей административного ресурса: они-то знают, что право частной собственности под надежным контролем.

Не менее показательно распределение ответов на вопрос об установлении и поддержании единых рыночных правил. Это в первую очередь федеральная функция. Соответственно, именно федеральные чиновники являются той группой — причем единственной! — где большинство респондентов позитивно оценивают работу государства. Их чиновные коллеги в регионах настроены более скептически, равно как и «чекисты». Во всех остальных элитных группах заметно преобладают негативные оценки. Но и на этом фоне выделяется ответ, чтобы не сказать стон, предпринимателей — главных потребителей-исполнителей устанавливаемых государством «единых рыночных правил»: 80% негативных оценок, в том числе 33% оценок алармистских — ситуация развивается в неприемлемом направлении!

Существуют разные мнения о причинах негативных процессов и трудностей на пути развития России. Мы предложили респондентам указать главные, на их взгляд, негативные факторы¹³, то есть попробовать отыскать первопричину наших пробуксовок и неурядиц. Если такая первопричина существует, то ею, по всей видимости, следует признать «неразделенность власти и бизне-

¹³ Респондентам было предложено указывать не более двух вариантов ответа на этот вопрос.

са, которая создает порядок, когда держатели политических и экономических ресурсов приватизируют государственные институты и заинтересованы в сохранении закрытой монополизированной системы». Такого мнения придерживается абсолютное большинство — более 57% — представителей российской элиты развития. Особо отметим, что *неразделенность власти и бизнеса — эта фундаментальная, системная характеристика российского общественного устройства — признана главным негативным фактором во всех элитных группах*. Такое консолидированное экспертное мнение элитных групп, безусловно, заслуживает самого серьезного осмысления и учета при разработке государственной программы мер по борьбе с коррупцией — без адекватных институциональных решений этой системной проблемы любые контрольные и надзорные мероприятия могут оказаться недостаточно эффективными, если не напрасными.

Известное мнение о «слабой способности россиян к самоорганизации, а также к гражданской ответственности и дисциплине — особенно когда речь идет не о войне, а о мирной жизни» оказалось вторым по частоте упоминания — этот вариант ответа выбрали 46% всех респондентов. Такое объяснение российских невзгод, как «отсутствие национальной идеи, консолидирующей элиту и народ», устроило более 31% респондентов. На «целеустремленную и последовательную политику Запада, направленную на ослабление России» указали 19% респондентов, что довольно много, ведь эти респонденты не просто оценивают политику Запада, а возводят ее в ранг главной причины наших трудностей. Наконец, «отказ от государственной собственности на основные средства производства и, соответственно, от государственного планирования и управления развитием национальной экономики» считают главным негативным фактором 11% респондентов.

Можно заметить различную популярность в разных элитных группах тех или иных объяснений истоков российских бед. Так, неразделенность власти и бизнеса, ведущая к приватизации и монополизации публичной власти, рассматривается как фундаментальная причина российских безобразий в первую очередь юристами (73%). Такого же мнения придерживается абсолютное большинство опрошенных представителей медицины, образования и науки (69%), экспертов и журналистов (60%), предпринимателей (57%) и менеджеров (56%). Несколько меньше эта проблема заботит федеральных чиновников (53%) и «чекистов» (51%) и еще меньше — региональное чиновничество (45%). Тенденция убывания актуальности сама по себе вполне красноречива. Особо отметим, что в предпринимательском классе степень понимания фундаментальной деформации выше, чем среди «чекистов» и чиновников, особенно на местах. Что явно указывает на бюрократическо-силовой характер сегодняшней олигархии и разную массу ее реальных и потенциальных бенефициаров в упомянутых группах. Это, впрочем, не новость, а подтверждение уже

известного. Подчеркнуть следует другое: *монополизм держания ресурсов и извлечения сверхприбыли сегодня настолько высок и узок, социальные издержки олигархии настолько велики и очевидны, что даже в тех самых группах, где концентрируются власть и капитал, большинство понимает патологический характер такого развития.* Принципиального, непреодолимого раскола в позициях властных, экономических и социетальных элит по этому вопросу нет, скорее наблюдается консолидация критического и потенциально конструктивного общественного мнения.

Что касается слабой способности россиян к самоорганизации, гражданской ответственности и дисциплине, то менее всех такое объяснение используют юристы. Реже, чем в других группах, ссылаются на него чиновники и «чекисты», вероятно считая подобный ответ не совсем патриотичным. Повышенным спросом указанное объяснение пользуется среди представителей медицины, образования и науки, журналистов и экспертов. Самая же высокая частота выбора рассматриваемого ответа у предпринимателей и армейских офицеров. Получается, это именно что общественное, земское мнение — то ли самокритичное, то ли самоуничижительное. Известная установка: у нас, русских, порядка отродясь не бывало, поэтому нам воли не давать! — давно превратилась в комплекс неполноценности (сросшийся с манией величия), тем более вредный, что он настраивает нас не столько на учебу, использование передового опыта, институциональное созидание, сколько на коснеющий нигилизм. Эта нигилистическая тенденция явно сквозит в ответах многих опрошенных офицеров: русские поддаются только военной организации на время больших испытаний, а нормальное обустройство гражданского общества им никогда не дается, поэтому «гражданка» у нас всегда синоним бардака. Несколько более неожиданным и настораживающим выглядит то, что аналогичную позицию разделяет большинство предпринимателей.

Если рассуждать логично, то признание слабой способности россиян к самоорганизации, гражданской ответственности и дисциплине может и должно служить обоснованием необходимости авторитарного правления. Мечта о разумном, целеустремленном, преобразующем и развивающем авторитаризме, всегда сохранявшая актуальность в России, переживала новый взлет с конца 1990-х — начала 2000-х годов. Тогда в нее поверило большинство россиян, вскоре названное «путинским». В это большинство, похоже, входило и большинство российских предпринимателей, которое, как видим, до сих пор воспроизводит установку о врожденной, наследственной цивилизованной недостаточности россиян. Делать трагедию из этого, конечно, не стоит. Во-первых, применительно к управлению и развитию своих бизнесов многие предприниматели извлекают из такой установки и вполне полезные практические выгоды: обучение в западных школах бизнеса, приглашение зарубежных менеджеров, внедрение международных стандартов и передового опыта. При этом,

правда, постиндустриальные практики децентрализованного сотрудничества и ответственной самостоятельности персонала приживаются у нас очень трудно и медленно. Во-вторых, как мы увидим ниже, предпринимательский класс в абсолютном своем большинстве сегодня уже не питает иллюзий по поводу эффективности и развивающего потенциала режима «суверенно управляемой демократии» и вполне определенно поддерживает институциональные основы открытого правового и конкурентного общества. Тем не менее *доминирование в предпринимательской среде рассмотренной социально-психологической установки — это плохой фактор, не прибавляющий российскому бизнесу ни социального обаяния, ни мотивации к гражданской активности.*

Теперь обратим внимание на две другие элитные группы — региональных чиновников и «чекистов». Как уже говорилось, эти группы менее всех других склонны придавать значение олигархическому сращиванию власти и бизнеса. А на что же они более всего обращают внимание? Сначала заметим, что в этих группах в два раза чаще, чем в среднем по массиву, встречается наименее популярное в целом объяснение российских трудностей: «отказ от государственной собственности на основные средства производства». Чувствуется, что людей со старой закалкой в этих элитных группах заметно больше, чем в других. Но более всего работники органов госбезопасности и охраны правопорядка, как и региональные чиновники, озабочены отсутствием консолидирующей элиту и народ национальной идеи. Понятно, что в названных группах национальная идея понимается как идея государственной мобилизации. Это в широком смысле правильно: государство должно идейно сплачивать нацию, а сплочение нужно для энергичного коллективного действия. Но не менее важно, чтобы энергичные действия сплоченной нации были направлены на творческое социальное преобразование и человеческое развитие. Необходимым условием этого является поиск и создание адекватных такой задаче институтов, ибо известную максиму «человек таков, каким создал его Господь» надо бы дополнить: «...каким создал его Господь и каким делают его сложившиеся общественные порядки». Между тем большая часть «чекистов», да и чиновников, как видно на примере этого и других вопросов, озабочена не столько поиском развивающих институтов, сколько охраной существующего порядка власти и распределения ресурсов. Консервативное охранение — дело, конечно, нужное в любом государстве. Плохо, однако, если эта частичная и по определению не главная государственная функция приобретает гипертрофированное значение, а силовые органы и бюрократия сосредотачивают в своих руках избыточную власть, которую никто, кроме них самих, не разделяет и не контролирует.

Распределение по группам предпоследнего варианта ответа — «целеустремленная и последовательная политика Запада, направленная на ослабление России» — также имеет свои интересные особенности. Первостепенное зна-

чение враждебному влиянию Запада склонны придавать чаще всех отнюдь не силовики, как можно было бы предположить, а федеральные чиновники (36%). Это выглядит, пожалуй, уже как заявка на искомую национальную идею или, по меньшей мере, на новое идеологическое основание легитимности действующей администрации. Впрочем, можно усмотреть в этом и обычное бюрократическое перекалывание ответственности за неудовлетворительные результаты работы, ссылку на форс-мажор при невыполнении контрактных обязательств. Интересно, что у силовиков (как «чекистов», так и армейцев) и региональных чиновников тревожность в отношении Запада не превышает среднего уровня. Но есть еще одна группа, которая не столь сильно, как федеральные бюрократы, но все же заметно более других озабочена антироссийской политикой Запада. Речь, как ни странно, идет о предпринимателях (частота рассматриваемого ответа у них составляет 26% при 19% в среднем по массиву). Над этим стоит подумать. В условиях открытия российской экономики для глобальной конкуренции и кооперации именно предприниматели чаще многих других представителей элиты на практике взаимодействуют с западными экономическими контрагентами, государственными и межгосударственными (ЕС) регуляторами. Вероятно, далеко не всегда это взаимодействие бывает дружеским. Возможно также, что здесь сказывается боязнь появления и давления более сильных конкурентов. В любом случае *отношение к Западу у российских предпринимателей довольно настороженное и уж точно далеко от прекраснодушия*. Ведь 26% респондентов — это только те, кто усматривает в антироссийской политике Запада первопричину российских неурядиц. Тех же, кто считает, что политика Запада направлена на ослабление России, среди отечественных предпринимателей, конечно, намного больше. Если так, то нельзя не увидеть явного несоответствия между программными лозунгами либеральных партий 1990-х годов выделки, которые до сих пор претендовали на политическое представительство российского бизнеса, и мнением большей части предпринимателей по таким важным вопросам, как национальные интересы России и отношение к Западу. Думаю, это несоответствие сыграло пусть не главную, но значимую роль в массовой переориентации предпринимательского класса на партию власти и упадке либеральных партий.

Какие бы неурядицы ни обременяли страну, а элита остается элитой, то есть слоем успешных и благополучных людей. Поэтому помимо абстрагированного мнения о политике государства целесообразно выяснить, насколько люди элиты связывают с этой политикой свои собственные достижения. Анкета содержала такой вопрос: «Как соотносятся Ваши собственные успехи последних лет с политикой государства в сфере Вашей профессиональной деятельности?»

Статистика ответов подтверждает то естественное предположение, что более всех позитивное влияние политики государства должны отмечать люди государственной службы, то есть чиновники и силовики. Неожиданным оказался не столь уж высокий показатель позитивного влияния, точнее, восприятия такого влияния как позитивного: у чиновников — 51%, среди работников органов госбезопасности и охраны правопорядка — 46% респондентов. И опять мы видим глубокий раскол среди служилых людей в погонах: абсолютное большинство армейских офицеров отмечает отнюдь не позитивное, а негативное влияние политики государства на свою профессиональную деятельность.

После чиновников и правоохранной части силовиков уровень позитивного восприятия государственной политики резко падает: в экономической сфере его отмечают лишь до 25% менеджеров и 22% предпринимателей, а в социальной и публичной сферах — менее 20% респондентов.

Среди предпринимателей самым частым (38%) оказался ответ «Мои успехи достигнуты скорее не благодаря, а вопреки воздействию и результатам политики государства». По степени отстранения от государства и отторжения государственной политики в профессиональной «среде обитания» предприниматели оказались впереди всех других элитных групп, за исключением армейских офицеров, у большинства которых воздействие и результаты политики государства вызывают чувства, близкие к фрустрации.

Журналисты и эксперты приближаются к предпринимателям по степени негативной оценки воздействия государства на их профессиональную деятельность. В остальных же группах — представителей медицины, образования и науки, менеджеров и, как ни странно, юристов (причем у последних более всех) — наиболее популярен ответ «мою профессиональную деятельность политика государства никак не затрагивает». Именно эта позиция преобладает и по массиву в целом — ее заявили 39% всех респондентов.

В такой ситуации можно усмотреть позитивный момент — относительную независимость преобладающей части российской элиты от государства. Во всяком случае, есть ощущение такой независимости: абсолютное большинство (65%) респондентов считают, что их успехи не связаны с политикой государства. В то же время, с учетом объективно возросшей в последние годы бюрократизации и активного административного вмешательства во все рассматриваемые сферы, от экономики до средств массовой информации, скорее всего, мы наблюдаем психологический эффект «бегства от государства», явно нарастающий в большинстве элитных групп. В тех же группах, которым избежать государства трудно или невозможно — владельцы бизнесов, армейские офицеры, эксперты и аналитики, — относительное либо абсолютное большинство прямо говорит о том, что государство своей политикой им не помогает, а мешает.

Очертания нового курса

От оценки сложившегося положения дел пора перейти к рассмотрению перспектив и приоритетов национального развития. Начнем с наиболее общего вопроса: на каких основах должен зиждиться новый российский мир — общество и государство? Это и есть тот самый *цивилизационный выбор*, который был и остается предметом жарких споров. В официальной пропаганде и «пираре» по главным информационным каналам в последнее время весьма настойчиво проводится и популяризируется следующая установка: «Россия — особая цивилизация, принципиально несхожая ни с Европой (Западом), ни с Азией (Востоком). Нам необходимо отстаивать и развивать самобытность экономического и политического строя российской нации на основе безусловного примата государственной власти». Если отвлечься от различных идеологических нюансов и теоретических тонкостей и сосредоточиться на том главном, с чем нужно определиться при обустройстве России, то альтернативный вышеуказанному подход можно сформулировать так: «Для обеспечения социальной эффективности российского государства и конкурентоспособности страны в условиях глобализации нам необходимо развивать свои национальные системы жизнедеятельности на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике». Мы спросили у представителей российской элиты, какой вариант ответа представляется им более адекватным и полезным.

Заметим, что в первом варианте ответа концептуальное ядро составляет утверждение о безусловном примате государственной власти для экономического и политического строя российской нации. Без него бесконечный разговор о России как особой цивилизации превращается просто в любимую фразеологию без внятного содержания — по сути, в синоним культурной самобытности и национального своеобразия. Специалисты-пропагандисты используют этот устойчивый фразеологический оборот как хорошую, то есть хорошо проглатываемую, «подводку» к главному тезису. Полагая, что не стоит перечеркивать чужую работу, я оставил узнаваемую присказку в предлагаемом варианте ответа.

Результаты опроса оказались следующими: первый вариант ответа выбрали 27% респондентов, второй — 66%, а еще 7% затруднились с ответом. Таким образом, *абсолютное большинство опрошенных представителей элитных групп считают, что наши национальные системы жизнедеятельности необходимо развивать на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике.*

Такое абсолютное большинство наблюдается во всех элитных группах, за единственным исключением: среди российских силовиков — как «чекистов»,

так и армейцев — первый вариант ответа выбирает почти половина респондентов, в то время как второй — около 40%. Помимо силовиков первый вариант ответа оказался весьма популярным среди предпринимателей (41%). Что касается «чекистов», то в зафиксированном раскладе мнений неожиданным выглядит разве что высокая доля респондентов, декларирующих приверженность нормам правового государства и цивилизованной конкуренции (44%), лишь немного уступающая числу сторонников особой государственноцентричной цивилизации (49%). А вот частота выбора особого пути на основе примата государственной власти среди армейских офицеров и предпринимателей, притом что большинство в этих группах очень критично к власти настроены, несколько удивляет. Получается то ли нелогично, то ли очень уж идеологично: безусловный примат государственной власти сохранить, а власть негодную поменять. Похоже на «советы без коммунистов» — то есть опять же не логично, а утопично. Думаю, однако, что приведенные результаты свидетельствуют вовсе не о том, что среди армейцев и уж тем более среди предпринимателей так много сторонников последовательного огосударствления всей общественной жизни, — последующими ответами это никак не подтверждается. В значительной мере выбор первого варианта ответа в этих, а возможно, и в других элитных группах связан с тем, что «цивилизационный выбор» воспринимается частью респондентов как выбор геополитический, что-то типа «в каком идти, в каком сражаться стане?». То есть эта часть респондентов реагирует прежде всего на меседж о суверенности и самостоятельности России в отношениях с Западом. В том, что такой меседж особенно актуален для офицеров Российской армии и российских предпринимателей, нет ничего плохого. Кстати говоря, это еще раз подтверждает сделанный ранее вывод относительно существенного расхождения идеологии либеральных политических партий с настроениями значительной части российского предпринимательского класса.

Патриотизм — дело святое. И геополитика важна, что говорить. Но в меру. Поэтому очень хорошо, что *абсолютное большинство представителей российских элитных групп не сводят цивилизацию к геополитике и выбирают институциональные основы и принципы общественного обустройства не по «национальности», а по доказательствам пользы и эффективности.*

Теперь переведем наш разговор о приоритетах и вариантах развития страны с общих принципов на более конкретный уровень. Сначала, естественно, об экономике. Есть мнение (выразительно посмотрим вверх), что для прорывного роста и глобальной конкурентоспособности необходим государственный контроль над ключевыми отраслями и активами национальной экономики, что нужно делать ставку на «чемпионов» — мегакорпорации, как правило, с государственным участием, которые следует использовать для реализации экономических мегапроектов внутри страны и конкуренции на глобальных

рынках. Альтернативное мнение: нужно не усугублять монополизацию и концентрацию экономических выгод в узкой группе государственных компаний, а создавать благоприятные условия для всех национальных экономических игроков, формировать переговорные площадки (бизнес, потребители, федеральные и региональные власти), стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, по уровню и влиянию которых Россия сильно отстает от развитых стран. Какой же из двух обозначенных вариантов экономического развития более востребован в российских элитных группах?

Оказывается, совсем не тот, который сверху. С первым мнением выразили согласие лишь 20% респондентов, в то время как со вторым — более 70%. Работники органов госбезопасности и охраны правопорядка — это единственная элитная группа, где первое мнение не осталось в меньшинстве, собрав половину голосов. Что это означает? Первый вариант ответа является определением модели государственного капитализма, которую поддерживают и активно продвигают группы могущественных «верховников». Получается, *модель госкапитализма, к которой в последнее время склонялось высшее руководство и реальная экономическая политика государства, имеет весьма влиятельных лоббистов, но не имеет шансов стать предметом консенсуса элит. Российская элита развития в эффективность государственного, по сути же бюрократического, капитализма явно не верит и в своем абсолютном большинстве ориентирована на нормальный капитализм.*

Разброс представлений о норме, конечно, может быть весьма широким. Но из приведенных ответов прямо следует, что, по убеждению абсолютного большинства представителей элитных групп, *капитализм в России не должен быть олигархическим, о какой бы олигархии — банкирской, «чекистской» или еще какой — ни шла речь.* Что бы там ни говорили, у российских элитных групп есть вполне определенное, устойчивое, общераспространенное понимание нормы современного экономического развития: нормальное государство обязано поддерживать диалог и общие правила игры, которые благоприятствуют честной конкуренции и развитию всех национальных экономических игроков.

Норма необходима, но не достаточна. Кроме политэкономической нормы нужна еще экономическая политика. Поэтому ряд респондентов вполне справедливо подчеркивали недостаточность указанного выше второго варианта ответа для определения программы государственной экономической политики. Посредством анкетирования подобную программу, конечно, не сформируешь. Однако выяснить предпочтения элитных групп относительно общих приоритетов экономической политики можно и нужно.

Государство управляет постольку, поскольку оно управляет финансами. Мы задали вопрос относительно приоритетов такого управления, выделив несколько главных, активно дебатированных направлений *финансовой политики*

государства: ограничение роста денежной массы в целях борьбы с инфляцией; государственные инвестиции в человеческий капитал; государственные инвестиции в основной капитал; стимулирование бизнеса к инвестированию; финансирование госуправления, внутренней безопасности и правоохранительных органов.

Предпочтения элитных групп распределились следующим образом¹⁴. За сохранение приоритетного роста бюджетных расходов на государственное управление, внутреннюю безопасность и правоохранительные органы (в 2000-е годы именно эта статья бюджетного финансирования росла опережающими другими направлениями темпами) высказались только 7% всех респондентов. Чаще других за указанный приоритет выступают силовики: работники органов охраны правопорядка, национальной безопасности и офицеры армии — возможно, последние ошибочно принимают эту статью госбюджета за «свою», то есть за оборонные расходы. Даже чиновники (напомню, что это не рядовые чиновники, а начальники) не слишком озабочены сохранением опережающего роста управленческих расходов. Объяснить такое подчеркнутое самоограничение можно четырьмя способами. Во-первых, чувством социальной справедливости, на которое хочется надеяться. Во-вторых, пониманием социальных рисков, которое нельзя исключать. В-третьих, уверенностью в неизменности данного приоритета, которая тут же оправдалась: с первыми раскатами финансового кризиса осенью 2008 года правительство снова повысило должностные оклады чиновникам, одновременно с повышением налоговой нагрузки на бизнес (эффективной ставки ЕСН). И наконец, четвертое возможное объяснение — наличие у многих чиновников иных и более важных, чем должностные оклады, источников благополучия.

За последовательное ограничение роста денежной массы в целях борьбы с инфляцией высказались 11% респондентов. Причем наименьшей поддержкой указанный приоритет финансовой политики пользуется в среде хозяйственников — предпринимателей и менеджеров. Непопулярность тех или иных действий финансовых властей не означает, конечно, что финансовые власти не должны этим заниматься. Следует, однако, иметь в виду, что абсолютизация задачи ограничения роста денежной массы, тем более сведение к ней финансово-экономической политики государства обречены на непонимание и отторжение в российских элитных группах.

За устойчивое увеличение государственных инвестиций в основной капитал, прямое и косвенное субсидирование развития стратегически важных отраслей и инфраструктуры — в первую очередь через госкорпорации и компании с государственным участием — высказались 24% всех респондентов. Относительно большую заинтересованность в таком направлении финансово-

¹⁴ Респондентам было предложено указывать не более двух вариантов ответа на этот вопрос.

экономической политики государства проявляют армейские офицеры (очевидно, они понимают под стратегически важными отраслями и инфраструктурой в первую очередь ВПК, в котором они могут найти себе место), а также федеральные чиновники и менеджеры. Впрочем, в двух последних группах уровень поддержки государственного инвестирования и субсидирования экономики не превышает одной трети респондентов. Среди предпринимателей указанный вариант государственной политики имеет еще менее высокий уровень поддержки (26%).

За создание налоговых, таможенных и иных стимулов для бизнеса увеличивать инвестиции в основной капитал и ускорять технологическую модернизацию высказались 54% всех респондентов. Самая большая поддержка такому направлению финансово-экономической политики государства обеспечена в экспертном сообществе и СМИ (70%), среди предпринимателей (69%), юристов (58%) и менеджеров (58%).

Наконец, за устойчивое увеличение государственных инвестиций в человеческий капитал, опережающий рост бюджетных расходов на здравоохранение, образование и профессиональное обучение, науку, информатизацию, высказываются 70% респондентов. Этот финансово-экономический приоритет пользуется поддержкой абсолютного большинства респондентов во всех элитных группах.

Таким образом, выступая против перехода к госкапитализму, российские элитные группы отнюдь не разделяют идею государства — ночного сторожа. Наоборот, национальная элита ждет от государства стратегически выверенной и активной хозяйственной политики. Опрос выявил *два направления финансово-экономической политики, которые имеют все основания стать предметом консенсуса элит и действительно общими целям*. Это, во-первых, государственные инвестиции в развитие человеческого капитала и, во-вторых, государственное стимулирование частных и корпоративных инвестиций в основной капитал и технологическое перевооружение. Вряд ли этот перечень полон¹⁵. Но приоритетный запрос российских элитных групп на действия государства в двух указанных направлениях подтвержден с полной определенностью.

Чего не скажешь о действиях, предпринимаемых государством в другом направлении — создании *государственных корпораций*. Только 31% респондентов согласились с тем, что «создание государственных корпораций, позво-

¹⁵ Респонденты называли и другие важные хозяйственные задачи, которые требуют сегодня активного участия государства: прогнозирование народнохозяйственного развития, публичный контроль над стратегическими отраслями, косвенное субсидирование и стимулирование внутреннего спроса на продукцию критически важных отраслей (наукоемкие производства, нанотехнологии, биотехнологии АПК, разработки НИОКР), развитие предпринимательства всех форм собственности и частно-государственного партнерства.

ляющее сконцентрировать ресурсы и усилить роль президента в экономическом управлении, оправданно и полезно для модернизации национальной экономики, реализации больших проектов и конкуренции на глобальных рынках». Между тем каждый второй респондент придерживается другого мнения: «Госкорпорации создаются по индивидуальным законам, выводящим их из-под действия общего корпоративного, бюджетно-финансового и прочего законодательства, то есть формируется некая экономическая "опричнина", проверить эффективность которой невозможно. Поэтому за исключением специфических случаев вроде ГК "Банк развития", создание госкорпораций неоправданно и вредно для модернизации национальной экономики». Более 20% респондентов затруднились с ответом на этот вопрос.

В наибольшей степени поддерживают создание госкорпораций силовики — «чекисты» и армейцы. Оно и понятно, ведь самая известная и агрессивно расширяющаяся государственная корпорация называется Росвооружение. Если среди силовиков сторонники такой политики составляют абсолютное большинство, то мнения чиновников, особенно федеральных, серьезно разошлись: создание госкорпораций поддерживают менее половины опрошенных федеральных и региональных чиновников (при этом 36% респондентов в федеральной группе поддержали второй вариант ответа). Особый интерес представляет мнение тех элитных групп, которые более других компетентны в поставленном вопросе, — это экспертное сообщество, предприниматели и менеджеры. Показательно, что в этих трех группах абсолютное большинство респондентов — от 60 до 70% — не поддерживают создания государственных корпораций.

Одним из ключевых вопросов модернизации экономики и развития общества в России является *проблема ЖКХ*. В настоящее время идет реформирование этой сферы в соответствии с принятой правительством программой. Наш опрос выявил чрезвычайно скептическое отношение российских элитных групп к текущей реформе. Только 14% респондентов разделяют мнение правительственных реформаторов, которое гласит: «Для успешного решения проблемы ЖКХ необходимо и достаточно выполнять принятую программу реформы ЖКХ, то есть решить три программные задачи: поэтапный переход к 100%-й оплате населением жилья и коммунальных услуг; предоставление жилищных субсидий семьям, у которых платежи за ЖКУ превышают 22% семейного бюджета; формирование конкурентного рынка ЖКУ».

Почти столько же — 13% респондентов — полагают, что «начатая реформа ЖКХ вредна и ее следует свернуть; государство должно обеспечивать низкие цены на ЖКУ, электроэнергию, газ, а также жилье для очередников, льготы и жилищные субсидии».

Наиболее же интересным результатом является *согласие абсолютного большинства респондентов во всех элитных группах с экспертным мнением*

Е.Г. Ясина относительно необходимой коррекции реформы ЖКХ¹⁶. Указанное мнение было представлено участникам опроса в следующей формулировке: «Реформа ЖКХ нуждается в существенном дополнении. Для того чтобы привести в равновесие цены на рынке ЖКУ и доходы собственников и арендаторов жилья, необходимо повысить зарплаты бюджетникам и пенсии до уровня, покрывающего стоимость воспроизводства рабочей силы, включая расходы на содержание жилья и ЖКУ, медицинское и пенсионное страхование, образование. Это позволит повысить до нормального уровень монетизации экономики и расширить цепь проблем либерализации рынков электроэнергии, газа и ЖКУ». В поддержку этой позиции высказались 63% всех респондентов.

От экономических вопросов перейдем к общественно-политическим. В каком направлении следует развивать *политическую систему* России? Мнения российских элитных групп по этому принципиальному вопросу распределились следующим образом. Около четверти респондентов полагают, что нужно и дальше «укреплять вертикаль власти во главе с президентом». В то время как абсолютное большинство — 68% всех респондентов — считает, что нужно «перестраивать систему так, чтобы реально обеспечить политическую конкуренцию, разделение властей, открытость и подотчетность власти обществу». Этот феноменальный, одновременно неожиданный и очевидный результат обнаруживает новый поворот настроений в элитных группах. В то время как власть и пропаганда твердят о политической преемственности, российские элитные группы полны ожиданием политических перемен.

Показательно, что «партия старого курса» сохраняет большинство только среди работников органов госбезопасности и охраны правопорядка (51%) и среди федеральных чиновников (47%). К политической модернизации склоняется даже региональное чиновничество (53% за перестройку политической системы), а в остальных элитных группах, включая армейский офицерский корпус, сторонники нового курса составляют абсолютное большинство (не менее 65% респондентов). Отдельно отметим, что запрос на новый политический курс предельно ясно выражен у российских предпринимателей: 20% респондентов — за укрепление «вертикали власти», 73% — за политическую конкуренцию и разделение властей.

Посмотрим, насколько подтверждается и как реализуется общий обновленческий посыл в более конкретных вопросах устройства и функционирования важнейших политических институтов. Ключевой вопрос: как целесообразно формировать *правительство*?

¹⁶ Подробнее см.: Ясин Е.Г. Политическая экономия реформы ЖКХ. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2006.

«Следует сохранить действующий порядок, когда правительство фактически формируется президентом, а участие Государственной Думы сводится к одобрению предложенной президентом кандидатуры председателя правительства». На этой позиции стоят более половины (56%) «чекистов» и половина (49%) федеральных чиновников, но лишь около 40% чиновников региональных. Получается, что даже в оплотах сегодняшней власти — «чекистской» среде и бюрократии, — по определению лояльных и не склонных к политическим инновациям, нет полной уверенности в том, что действующий порядок формирования правительства хорош и не требует изменений. Более того, половина федеральных чиновников и 60% региональных с этим не согласны. Уже один этот факт ставит под сомнение институциональную эффективность и легитимность используемой сегодня технологии правления. Особенно показателен расклад мнений в региональном чиновничестве, который явно показывает неудовлетворенность региональных элит сегодняшним положением дел, одним из результатов которого, как можно понять, является недоучет интересов и мнения регионов на правительственном уровне. Региональные элиты в таком недовольстве далеко не одиноки. Ни в одной из рассматриваемых нами элитных групп, помимо трех уже упомянутых, доля сторонников неизменности действующего порядка формирования правительства не превышает 20–23%, в целом же по массиву она составляет немногим более четверти респондентов. Думаю, что помимо них социальную базу «партии старого курса» объективно составляют и те 12% респондентов, которые уклонились от ответа (не только на этот, но и на другие политические вопросы — см. приложение к книге). Те и другие вместе составляют 38% всех респондентов. Напомню, что примерно столько же — 36% респондентов дали положительную и удовлетворительную оценки обеспечению государством свободных выборов. Однако все остальные склоняются к тому, что порядок и практику формирования национального правительства нужно менять.

«Следует изменить конституцию и установить порядок, когда президент официально является главой исполнительной власти и формирует правящую администрацию». Такого мнения придерживаются 9% респондентов. С учетом того, что согласно конституции и сложившейся практике российский президент, формально не являясь главой исполнительной власти, фактически назначает правительство и возглавляет всю административную вертикаль, практического смысла в подобном изменении было бы мало. Неслучайно меньше всего сторонников у этого варианта среди предпринимателей и менеджеров, которые мыслят конкретно и практично. Можно предположить, что сторонники такого шага желают более ясно определить политическую ответственность президента за правительственный курс и его результаты — образцом такой модели, как известно, является институт президента в США. В ситуации начала третьего российского президентства, которую либеральные оптимисты

окрестили «диархией» (обозначая тенденцию к монополизации власти), а критики — «техническим президентством» (подчеркивая логику номенклатурной эволюции), — в такой ситуации актуальность вопроса о ясном разделении властных полномочий и политической ответственности, конечно, возрастает. Неслучайно модель президентской республики вызывает несколько больший интерес среди юристов (15%) и среди армейских офицеров (16%). Такой процент среди офицеров явно компенсирует самое малое (лишь 9%) согласие в этой группе с предложением оставить все как есть — сторонники президентского единоначалия, раздраженные общим неустройством, предпочитают проголосовать за такое вот изменение.

При желании можно даже увидеть в рассматриваемом предложении известную фронду: хотя во время проведения опроса состав нового правительства не был известен, всем было ясно, что это будет не кабинет президента Д.А. Медведева, а кабинет экс-президента В.В. Путина. Впрочем, какой смысл в подобной фронде? Если новому президенту что-то мешает контролировать правительство, то это никак не действующая конституция, изменение же конституции едва ли не самый длинный и ненадежный путь к установлению или восстановлению прямого контроля президента над правительством. Так что респондентов, выбравших вариант «президент — глава правительства», вряд ли стоит записывать в какую-то суб-, тем более *контр*- партию власти. Просто в сравнении с тем, что есть, такая политическая модель представляется этим респондентам предпочтительной. Нужно только иметь в виду: конституционный «ребрендинг» с провозглашением президента главой исполнительной власти без фундаментального усиления парламента и реальной конкуренции партий за власть стал бы еще одной политико-правовой фикцией. В российских элитах развития это хорошо понимают, о чем и свидетельствует низкий рейтинг рассмотренного варианта ответа.

«Следует изменить конституцию и установить порядок формирования правительства партией или партиями, которые по итогам выборов получили большинство мест в Государственной Думе». Так считают 35% опрошенных армейских офицеров, 23% предпринимателей, в других группах — меньше, ну а среди чиновников и «чекистов» таких, естественно, совсем мало. Офицеры — люди решительного действия, и те из них, кому не нравится модель правления (которая без формальных теоретических тонкостей понимается как президентская), выбирают альтернативную — парламентскую. Насколько обдуман ими и целесообразен сегодня такой выбор — это вопрос отдельный. Как бы то ни было, следует подчеркнуть, что *среди офицерства (в большей степени) и предпринимателей (в меньшей, но тоже заметной степени) сегодня существует определенный запрос на решительное, радикальное обновление политической модели*. Впрочем, в целом по массиву за переход к парламентскому правлению высказались только 16% респондентов. Прямо

скажем, немного. Возникает вопрос, почему классическая модель парламентской ответственности кабинета оказалась мало востребованной — и это при большой неудовлетворенности существующим порядком формирования правительства? Дело, как можно понять, не в модели, а в отечественных реалиях. Действительно, введение формальной юридической нормы о правительстве парламентского большинства мало что может изменить в существующем порядке. Все кабинеты при президенте Путине опирались на парламентское большинство, теперь же сам В.В. Путин возглавил и правительство, и «Единую Россию», так что при желании его правительство можно назвать партийным, а «Единая Россия» и так считается правящей партией. Для чего тогда огород городить и вносить конституционные изменения? Само по себе подобное изменение конституционной формы не создаст сегодня ни реальной политической конкуренции, ни реальной публичной ответственности — кабинета перед парламентом, а партии парламентского большинства перед избирателями.

Понимание того, что мы оказались в институциональной ловушке, похоже, обратило большое число респондентов к еще одному варианту ответа: «Целесообразно ввести в практику конкурсное представление правительственных программ не менее чем двумя конкурирующими командами политиков в Государственной Думе, которая после обязательного обсуждения проводит рейтинговое голосование, а президент, предлагая Думе кандидатуру на пост председателя правительства, может учесть расклад мнений в палате. (Введение такой практики не требует изменения конституции)». С таким предложением выразили согласие 37% всех респондентов, в том числе заметная часть федеральных чиновников (22%) и «чекистов» (26%), более трети региональных чиновников (35%), армейских офицеров (35%) и относительное большинство респондентов в остальных группах (33–45%). Привлекательность этого варианта ответа, если не для всех, то для части выбравших его респондентов, состоит в осторожности, отказе от излишнего радикализма и оппозиционности. Однако этим его смысл и преимущества не исчерпываются. В отсутствие нормальной партийной системы и конкуренции введение подобного порядка позволило бы сделать шаг вперед: обязательный публичный конкурс в парламенте программ и лидеров команд, претендующих стать правящим кабинетом, — это лучше, чем замена вывески «Тихо! Президент думает» вывеской «Тихо! Партия думает» на одном и том же черном ящике. А далее выигравшая и проигравшая (проигравшие) политические команды, превратившись в правящий и теневой (теневые) кабинеты, могут стать центрами консолидации новых партий. Конечно, смена В.В. Путиным президентского кресла на премьерское показала, что время институциональных инноваций не пришло. Тем не менее описанный вариант запуска механизма конкурентного отбора внутри правящего истеблишмента — даже при доминировании одной партии — существу-

ет, и в определенных условиях он может быть задействован. О том, что это отнюдь не отвлеченный, а вполне актуальный вопрос, свидетельствуют результаты нашего исследования: *более 60% всех участников опроса считают, что существующий порядок формирования Правительства Российской Федерации нужно менять. Общий смысл желаемых изменений следующий: сделать процесс утверждения главы и членов правительства конкурентным и открытым, обеспечив при этом публичное обсуждение альтернативных правительственных программ и выбор из них лучшей.*

Важным политическим элементом национальной жизни и государственного устройства должна бы являться *партийная система*. Нужно ли нам что-то делать с нашей партийной системой и если да, то что?

«Сложившаяся партийная система не нуждается в принципиальных изменениях» — так считают 19% всех респондентов. А еще 5% респондентов полагают, что «нужно подкрепить руководящую роль "Единой России" правом партии парламентского большинства формировать правительство». Сумма этих процентов близка — как и в вопросе о сохранении действующего порядка формирования правительства — к четверти целевой аудитории (в данном случае уже не чуть больше, а чуть меньше четверти). Странники неизменности существующей системы и сторонники укрепления руководящей роли «Единой России» составляют большинство только среди «чекистов» (44%), даже среди региональных и федеральных чиновников они не дотягивают до относительного большинства (40 и 36% соответственно), а во всех остальных элитных группах их число не превышает четверти респондентов. *Такой уровень поддержки предельно ясно указывает на тот факт, что сегодняшняя партийная система если и выполняет какие-то политические функции, то уж точно не функцию адекватного представительства интересов элитных групп и не функцию обеспечения легитимности существующего политического порядка.*

Не менее показателен *мизерный уровень поддержки предложения подкрепить руководящую роль «Единой России» правом партии парламентского большинства формировать правительство*. Здесь нужно отметить два момента. Те респонденты, которые не выразили твердой поддержки существующей партийной системы — а это большинство респондентов во всех группах, — вообще не рассматривают такую меру как инновацию, сколько-нибудь заметно меняющую сложившийся политический порядок. Но и внутри «партии старого порядка» подобное изменение политического дизайна считает полезным крайне малое меньшинство. Обратим внимание на армейское офицерство: доля членов партии (вполне понятно какой) в этой группе близка к максимуму — 23% (более высокий показатель только у региональных чиновников — 28%), а доля сторонников закрепления за «Единой Россией»

прерогативы формировать правительственный кабинет, наоборот, минимальна — 2%! Соотношение этих показателей весьма красноречиво — оно говорит о «добровольно-принудительном» характере партийной принадлежности и лишний раз подтверждает хорошо известную всем россиянам примету: чем выше уровень партийности, тем ниже уровень доверия.

Теперь обратимся к альтернативному мнению: «Нужно проводить свободные конкурентные выборы и, внося изменение в конституцию, закрепить право победившей на свободных выборах партии формировать правительство». За принципиальное изменение партийной системы высказались 21% всех респондентов — не намного меньше, чем за ее принципиальную неизменность. Заметим, что предложение формировать правительство по итогам парламентских выборов уже фигурировало в предыдущем вопросе, и там оно собрало 16%. Теперь это же предложение прозвучало альтернативно тезису о формировании кабинета «Единой Россией» и с условием проведения свободных конкурентных выборов — как видим, рейтинг модели «правительство парламентского большинства» вырос на пять пунктов. В большинстве элитных групп, в том числе даже у «чекистов» и региональных чиновников, идею парламентского правления поддерживает примерно пятая часть респондентов. Лишь в федеральном чиновничестве ее рейтинг заметно ниже — 11%. В то же время есть две группы, где предложение круто изменить партийную систему, вызывает более дружный, чем у других, отклик, — это предприниматели (28%) и офицеры армии (40%).

Как видим, модель парламентского правления имеет немало сторонников во всех элитных группах, тем не менее степень ее востребованности российской элитой развития нельзя назвать высокой. Объясняется это не столько органической приверженностью российских элитных групп президентскому правлению (не стоит уж так сильно ее переоценивать), сколько глубоким недоверием к политическим партиям. Последние воспринимаются исключительно как чьи-то частные политические предприятия, преследующие корыстные личные и групповые, но никак не общественные интересы. Большинство в элитных группах, как и большинство рядовых избирателей, просто не видят реальной и вдохновляющей альтернативы нынешней правящей партии.

Почему же тогда среди офицерства и предпринимательства частота выбора рассматриваемого варианта ответа заметно выше? Вряд ли офицеры и предприниматели яснее других видят искомую партийную альтернативу. Выбор ответа опрошенными офицерами больше похож на форму протеста — декларацию о готовности проголосовать за любую или почти любую сильную оппозицию (подтверждение такой декларации зависит от многих факторов, не в последнюю очередь от предложенного партийного «меню»). Выбор предпринимателей менее эмоционален и более функционален: многим из них

почти все равно, о каких партиях идет речь, они готовы рассматривать любые предложения, использовать разные варианты. Следующие из такого подхода практические решения и действия часто весьма циничны. Но именно поэтому в них можно увидеть реальный классовый интерес. *Абсолютное большинство предпринимателей выступает за либерализацию партийной системы и выборов, причем значительная их часть — за формирование правительства парламентского большинства.* (Заметим, что 28% респондентов-предпринимателей, высказавшихся за введение парламентской формы правления, — это больше, чем 18% сторонников неизменности сегодняшней партийной системы плюс 4% сторонников оформления правительственной роли «Единой России».) Сегодня это отнюдь не абстрактно-идеологическое предпочтение, а сугубо прагматический выбор, поскольку конкуренция партий за формирование правительства дает бизнесу больше возможностей для влияния на повестку и решения государственной власти.

Наибольшим спросом в элитных группах, как выяснилось, пользуется следующий тезис: «Необходимо освободить регистрацию и допуск политических партий к выборам от порождающих административный произвол и коррупцию ограничений и проводить свободные конкурентные выборы». Это мнение поддержали 43% всех респондентов, в том числе почти четверть «чекистов», четверть региональных чиновников и более трети (36%) федеральных чиновников. Логику этого предпочтения можно понять так: парламентские выборы должны быть действительными выборами, а способ формирования и подотчетности правительства нужно рассматривать, обсуждать и определять отдельно. В сравнении с идеей перехода к парламентскому правлению этот подход более консервативен — он сфокусирован не на конституционной модели, а лишь на практике выборов. Кому-то это может показаться недалеким. Лично мне осторожность в этом вопросе кажется совсем не лишней: если мы не имеем сегодня нормальной партийной системы и не знаем, какой она будет завтра, то стоит ли спешить с передачей власти партии парламентского большинства? Хочу обратить внимание читателей на то, что либерально-консервативная позиция — немедленная либерализация выборов без немедленной передачи исполнительной власти парламентскому большинству — наиболее широко представлена среди таких компетентных в данном вопросе групп, как юристы (55%) и эксперты/журналисты (63%).

Итак, в элитных группах мало кто (четверть респондентов) удовлетворен сегодняшним состоянием российской партийной системы. Большинство — относительно среди федеральных и региональных чиновников и абсолютное среди предпринимателей, менеджеров, армейских офицеров, в социальной и публичной элитах (64% всех респондентов) — выступает за политическое обновление и приведение партийной системы в состояние, достойное граждан свободной и цивилизованной страны.

Следующий важный вопрос функционирования государства: нужно ли усилить *парламентский контроль* над органами исполнительной власти? Распределение мнений в элитных группах по этому вопросу таково: 30% всех респондентов, в том числе большинство силовиков и федеральных чиновников, считают, что на сегодняшний день Государственная Дума обладает достаточными контрольными прерогативами и их дополнительное расширение нецелесообразно; 54% всех респондентов выступают за то, чтобы расширить контрольные прерогативы Госудумы в части проведения парламентских расследований деятельности органов исполнительной власти, государственных должностных лиц и организаций в случаях, вызывающих большую общественную озабоченность.

Это, может быть, самый неожиданный и самый показательный пример поддержки российской элитой развития принципа разделения властей. Считается, что россияне не понимают и недолюбливают парламентаризм, не слишком доверяют своим региональным и федеральным представительным органам. Считается, что российская элита в этом отношении не далеко ушла от своего народа, если даже не опережает его по части безразличия к институциональному устройству политики. И ведь действительно, российское недоверие к политическому представительству — депутатам, партиям, палатам Федерального Собрания — это не поклеп, а многожды подтвержденный социологический факт. Как же должна разочаровать и достать российские элитные группы любимая «президентская вертикаль», чтобы так продвинуть их в сторону политического просвещения и прогрессизма?!

Факт есть факт: не в начале 1990-х, а в конце 2000-х, на пике бюрократической централизации, *абсолютное большинство российских предпринимателей (55%), менеджеров (53%), юристов (69%), работников здравоохранения, образования и науки (58%), экспертов и журналистов (66%) и даже большая часть региональных чиновников (46%) выступают за усиление парламентского контроля над исполнительной властью*. Следует заметить, что этот сегодняшний выбор элитных групп основан не на абстрактных прогрессистских идеологемах, а на их разнообразном практическом опыте (уже есть что сравнивать) и прагматических интересах. Это верно по отношению ко всем элитным группам, но особенно очевидно применительно к позиции предпринимателей и региональных чиновников: *для них парламентский контроль над исполнительной властью не демократический лозунг, а институциональный способ усиления своего политического представительства и влияния на правительство*.

Один из главных функциональных провалов российского государства связан с реальной необеспеченностью права на *справедливый суд* — как свидетельствуют данные нашего исследования, эта проблема остро переживается

в том числе и элитными группами. В каком направлении следует действовать, чтобы исправить эту ситуацию?

Начнем, как всегда, с тех, кто считает положение дел нормальным. На этот раз таковых оказалось совсем мало: лишь 5% респондентов считают, что «судебная реформа в основных направлениях завершена, сегодня судебная власть нуждается не в перестройке, а в устойчивом финансировании и повышении авторитета». Среди юристов тех, кто разделяет процитированное мнение одного из главных руководителей судебной власти, понятно, больше, но и здесь их набралось немногим более 10% респондентов (хотя если бы в нашей выборке оказалось больше судей, возможно, процент был бы выше).

«Необходимо укреплять судебную вертикаль и государственный контроль над работой судей. Для борьбы с коррупцией и вредным корпоративизмом нужно упростить процесс привлечения судей к административной и уголовной ответственности, закрепить за президентом России право в определенных законом случаях досрочно прекращать полномочия федеральных судей». За такой подход выступают 27% всех респондентов, в том числе большинство «чекистов» (67%) и около половины (46%) федеральных чиновников. Интересно, что среди региональных чиновников сторонников вертикального централизма существенно меньше (29%) — такое количественное различие явно указывает на конфликт интересов «федералов» и «регионалов», ревниво взвешивающих возможности друг друга влиять на суд.

Альтернативный подход к судебной реформе таков. Нужны отнюдь не усиление власти председателей судов, которая и без того излишне велика, и влияния на суды президентской администрации, которое по определению неоправданно и реально вредно — особенно в отсутствие в российском законодательстве нормы о том, что попытка и факт влияния на суд являются преступлениями, влекущими за собой уголовную либо административную ответственность. Вместо этого необходимо обеспечить общественный внекорпоративный контроль за работой судей, а также объективировать критерии и процедуру корпоративной ответственности.

Интересное решение этой задачи предлагали в журнале «Эксперт» Александр Привалов и Александр Волков: следует законодательно обязать квалификационные коллегии судей (ККС) рассматривать жалобы граждан (а не представления председателей судов, как сейчас) и фиксировать все процессуальные нарушения, допущенные тем или иным судьей. Тогда при определенном количестве нарушений решение о досрочном прекращении полномочий судьи принимается ККС автоматически, притом ККС не вправе прекратить полномочий судьи ни по какой другой причине¹⁷.

¹⁷ См.: Волков А., Привалов А. Судиллия // Эксперт. 2005. № 5.

Указанный механизм был представлен нами в третьем варианте ответа на вопрос анкеты о путях реформирования судебной власти. Результат тестирования следующий: за этот вариант ответа высказались 53% всех респондентов в элитных группах, в том числе абсолютное большинство опрошенных адвокатов и других юристов, предпринимателей, менеджеров, работников здравоохранения, образования и науки, экспертов и журналистов, почти половина армейских офицеров, около половины (45%) региональных чиновников и около 40% федеральных чиновников.

Конечно, как бы привлекательно ни выглядела та или иная процедура, она наверняка будет недостаточной. Как отмечали некоторые весьма квалифицированные респонденты, сработать может только комплекс мер¹⁸. В любом случае, однако, *судебную власть необходимо реформировать* — с этим в российских элитах развития согласны почти все. *Выстраивание судей и судов в более жесткую вертикаль встречает дружную поддержку только среди «чекистов»,* даже федеральное чиновничество далеко не единодушно в этом вопросе, большинство региональных чиновников — против (из них многие, вероятно, против федеральной централизации, но не против того, чтобы встроить суды в свою региональную вертикаль). По мнению абсолютного большинства опрошенных юристов, предпринимателей, менеджеров, элиты социетальной и публичной сферы, а также относительного большинства армейских офицеров и региональных чиновников, алгоритм судебной реформы должен быть иной: *внекорпоративный контроль граждан (потребителей) плюс честные критерии и процедуры корпоративной ответственности судей. Это еще одна важная точка консолидации конструктивного общественного мнения в российских элитных группах.*

Традиционно актуальный для россиян вопрос: каким образом лучше отбирать *руководителей для регионов* нашей большой страны? Идеального способа тут, похоже, вообще нет — у каждого есть свои плюсы и минусы. В 2004 году верховная российская власть считала, что порядок прямых выборов глав субъектов Российской Федерации плох, а порядок фактического назначения их президентом гораздо лучше. Опросы общественного мнения тогда показывали, что это было одно из самых непопулярных решений администрации президента В.В. Путина.

По прошествии нескольких лет практика назначений региональных руководителей и ее последствия для социально-экономического развития регионов

¹⁸ Назывались следующие меры: ясно сформулировать основания ответственности судьи и создать дисциплинарные суды из судей, не состоящих в общих судах, то есть не встроенных в судебную вертикаль; пересмотреть административные полномочия и порядок назначения председателей судов; ликвидировать трехлетний «испытательный срок» для начинающего судьи; провести люстрацию судей, опозоривших честь судьи участием в заказных процессах; изменить географию судебной юрисдикции (суды должны располагаться по окружному принципу при несовпадении с границами субъекта РФ).

так и не убедили россиян в верности и полезности того решения. Как показывают результаты нашего исследования, представители элитных групп в этом вопросе настроены еще более критично. Так, только 19% респондентов считают целесообразным действующий порядок, когда кандидатуру на пост главы субъекта Федерации определяет президент России и предлагает ее на одобрение региональному законодательному собранию, при этом президент России вправе распустить региональное законодательное собрание в случае упорного несогласия последнего одобрить предложенную кандидатуру. Даже среди чиновников — как федеральных, так и региональных — действующий порядок поддерживают менее одной трети респондентов!

Около трети всех участников опроса считают более целесообразным «конкурсный выбор главного должностного лица субъекта Федерации — не менее чем из двух претендентов и с обязательным обсуждением их программ — региональным законодательным собранием с закреплением за президентом России права "вето"». А почти половина респондентов выступают за прямые выборы главы субъекта Федерации населением. Оказывается, *в элитных группах уровень поддержки отмененных прямых выборов по-прежнему весьма высок: за прямые выборы глав регионов выступает относительное большинство респондентов во всех элитных группах, за исключением «чекистов»* (это единственная группа, где за действующий порядок назначений респонденты высказываются чаще, чем за прямые выборы: 37 и 33% соответственно).

Обратим внимание на тот факт, что даже среди региональных и федеральных чиновников относительное большинство (42% регионалов и 46% федералов) выступает не за компромиссный порядок — конкурсный выбор главы региона региональным парламентом с правом президента наложить «вето» на такое решение — а за прямые выборы. Это предпочтение, на первый взгляд, может показаться признаком последовательного демократизма — довольно удивительным в случае государственной бюрократии. Думаю, однако, что *логика предпочтения прямых выборов конкурсу в парламенте не столько демократична, сколько консервативна*. С одной стороны, контрольный пакет президентских прерогатив (назначение судей и главных силовиков в регионе, возможность приостанавливать решения главы региона и отстранять самого его от должности при возбуждении уголовного дела, сильные бюджетные рычаги) и до отмены губернаторских выборов вполне обеспечивал президенту возможность оказывать решающее воздействие на политическую ситуацию в регионах. С другой стороны, конкурсный выбор главного должностного лица субъекта Федерации законодательным собранием означал бы куда более радикальное изменение институциональной модели — замену на региональном уровне губернаторского (президентского в республиках) единоначалия на парламентское правление. Подобное изменение привычного порядка, как видно по ре-

результатам опроса, привлекает менее четверти федеральных и менее трети региональных госчиновников.

С учетом сделанных уточнений более понятным и совсем не удивительным является абсолютный перевес сторонников прямых выборов глав регионов среди армейских офицеров (58%). Отвечая на вопрос о государственной организации на региональном уровне, офицерское большинство вновь выражает свое недовольство верховной властью и делает противоположный ей выбор: губернаторские выборы отменили — да здравствуют губернаторские выборы! Тем более что модель единоначалия армейским офицерам по определению понятнее и ближе, чем парламентское правление.

Более неожиданным выглядит то, что однозначное предпочтение прямым выборам глав регионов отдают юристы. В этой группе доля сторонников недавно введенного порядка назначений оказалась наименьшей (10%), доля тех, кто выступает за введение конкурсного выбора в парламенте, невелика (23%), абсолютное же большинство поддерживает прямые выборы (65%). В известном смысле юристы выступили наиболее консервативно: против резких шагов и нововведений, за восстановление уже апробированной и обоснованной (они же и обосновывали!) системы разделения и легитимации власти на региональном уровне — по образу и подобию власти федеральной.

Несколько большую заинтересованность в конкурсном замещении должностей глав регионов путем голосования в законодательных собраниях проявили журналисты и эксперты (31%), а также предприниматели (29%). Что касается предпринимателей, то с учетом того статистического факта, что бизнесмены занимают большое число мест в региональных легислатурах, именно эта элитная группа могла бы более других выиграть от введения нового порядка и усиления роли региональных парламентов. В связи с чем зафиксированная опросом степень поддержки предпринимателями соответствующего институционального решения выглядит скорее неадекватно низкой. *Это несоответствие еще раз обнаруживает политическую слабость и разобщенность национального бизнеса (и региональных бизнес-сообществ). Многочисленные депутаты-бизнесмены в региональных легислатурах представляют главным образом свои частные интересы, такая парламентская деятельность не воспринимается их «одноклассниками» как общественная миссия и представительство классовых интересов.*

Больше всего сторонников варианта выборов глав регионов в законодательных собраниях оказалось среди менеджеров (39%) и специалистов здравоохранения, образования и науки (35%). Думаю, за таким предпочтением стоит не столько классовая заинтересованность в усилении регионального парламентаризма, сколько общее соответствие образу мысли указанных групп идеи конкурсной проверки профессиональных достоинств и достижений.

Как бы то ни было, действующий порядок назначения глав регионов России президентом совершенно не устраивает российскую элиту развития — абсолютное большинство респондентов во всех без исключения элитных группах (78% всех респондентов) высказываются за переход от назначений к иному порядку, основанному на выявлении общественного мнения и воли народа в регионах страны.

Вполне определенно элитные группы настроены и относительно развития местного самоуправления. В сегодняшней России местное самоуправление — это не институт, а идея; точнее, эклектическая идеология, собравшая воедино разноплеменные былины, русскую литературу и конституционную фикцию. Есть два пути преодоления такого разрыва между словом и делом: первый — сменить неадекватную идеологию, второй — изменить неразумную действительность. Верховная российская власть в 1990-е годы практиковала третий способ поведения — стояла на распутье. В 2000-е годы она двинулась по легкому пути. Но движение по любому пути предполагает последовательность. Значит, если мы не хотим больше толковать о каких-то сообществах и занялись привычным масштабированием административного пространства, то, закончив ранжировать местную власть, ее следует вернуть обратно — на нижнюю полку единой бюрократической иерархии. Загвоздка в том, что замахи-вающимися на местное самоуправление руководителям гарантированы историческое поражение и, что еще страшнее, порча имиджа. Ведь они хотят погубить не институт, а идею! До институтов россиянам обычно мало дела, но вот за идею всегда обидно. Результаты опроса элитных групп вполне подтвердили этот прогноз.

Только 8% всех респондентов полагают, что «сложившаяся система местного самоуправления в России не нуждается в принципиальных изменениях». И только 17% респондентов являются сторонниками бюрократического реваншизма (тот, кому «реваншизм» не нравится, может заменить его «реконкистой»), придерживаясь мнения, что «органы местного самоуправления необходимо встроить в единую вертикаль власти, возглавляемую президентом России». Таким образом, социальная база старого курса по земскому вопросу очень узка — она не превышает 25% всех респондентов и даже в группах федеральных и региональных чиновников не дотягивает до одной трети опрошенных.

Абсолютное же большинство российской элиты развития (причем во всех группах, за исключением «чекистов») — 63% от всего массива — выступает за то, чтобы «развивать самостоятельность местного самоуправления и дать ему возможность формировать свои доходы, включая установление собственных налогов и сборов по решению местных представительных органов». Наиболее последовательными сторонниками развития самостоятельнос-

ти местных сообществ являются эксперты и журналисты (81%), представители медицины, образования и науки (71%) и, что следует особо подчеркнуть, предприниматели (68%).

Существенной и нередко определяющей стороной жизни современного общества является информация. Поэтому порядок функционирования *средств массовой информации* — это важный общественный и политический вопрос. По этому вопросу в российских элитных группах есть разные мнения. Около четверти всех участников опроса полагают, что «в интересах социальной и политической стабильности целесообразно сохранять контроль государства над информационной политикой главных СМИ». При этом за государственный контроль над информационной политикой СМИ выступает каждый третий чиновник (27% у федералов, 33% у регионалов) и каждый второй силовик (44% у армейцев, 58% у «чекистов»). Частота выбора нелиберального охранительного ответа среди армейских офицеров сближает их с «чекистами», но в отличие от последних армейцы в этом вопросе раскололись на два почти равновеликих лагеря.

В два раза меньше респондентов — 12% от числа всех опрошенных — придерживаются того мнения, что «большинство СМИ нужно просто выставить на рынок — это заставит их соответствовать потребительскому спросу и обеспечит необходимую альтернативность информации». Чаще других такой ответ выбирают менеджеры (21%) и региональные чиновники (18%). Видимо, этих респондентов не пугают ни рождаемые потребительским спросом чудовища, ни опыт 1990-х годов, когда два общероссийских телеканала превратились в рупоры частных интересов и даже использовались владельцами для информационных атак на правительство. Показательно, что у *предпринимателей* этот «чисто рыночный» подход к сфере массовой информации сегодня не вызывает большого энтузиазма (13%), как и у абсолютного большинства респондентов в других элитных группах.

Абсолютное большинство — 56% всех респондентов выбрали иной ответ: «Чтобы свобода слова и право на информацию были действительной нормой, необходимо исключить политическую цензуру на главных телеканалах, а также обеспечить существование ряда СМИ с общественным или автономным статусом, то есть неподконтрольных ни власти, ни крупному капиталу». Такой подход поддержали абсолютное большинство опрошенных журналистов и экспертов (79%), представителей медицины, образования и науки (67%), юристов (65%), менеджеров (60%) и предпринимателей (59%), относительное большинство чиновников (40% федеральных и 35% региональных), большая часть армейских офицеров (40%) и около четверти «чекистов» (23%).

Следует специально отметить, что многих респондентов волновали культурно-гуманитарные аспекты и эффекты функционирования СМИ, которые

делают остроактуальным вопрос о контроле массовой информации со стороны общества, и в первую очередь его просвещенной элиты. Прочитав характерное мнение: «Целесообразно создать общественный контроль над вещательной политикой крупных СМИ для сокращения пропаганды насилия, секса, вредных привычек, без контроля за политическими взглядами и высказываниями, разработать систему поддержки детских, образовательных, культурных и народных программ».

Итак, *в национальной элите развития мало кто поддерживает сегодняшнюю практику контроля властей над информационной политикой СМИ и верит в его общественную полезность. Абсолютное большинство представителей элитных групп не желают политической цензуры в СМИ и выступают за их независимость при контроле за соблюдением общественных интересов в сфере массовой информации.* Согласно подходу, разделяемому большинством опрошенных во всех элитных группах, кроме силовиков, такой контроль должен быть не бюрократическим, а общественным. Наряду с государством, которое обязано законодательно регулировать сферу массовой информации и поддерживать общественно значимые информационные каналы и программы, заинтересованными участниками общественного контроля в сфере массовой информации должны выступать само медийное сообщество, потребители информации и культурная элита.

Как видим, результаты социологического исследования не подтвердили тиражируемые утверждения о полной поддержке российскими элитами правящего режима и «преемственности курса». Более того, данные опроса фиксируют *широко распространенные в российских элитах развития ожидания качественных перемен — запрос на новый курс государственной власти.*

Однако широкое признание российскими элитными группами принципов права и конкуренции на фоне окружающей действительности, по правде сказать, не только радует, но и настораживает: хороши принципы! Установленный нами социологический факт преобладания в российских элитах развития либеральных взглядов явно противоречит известным особенностям национальной элиты: совсем не либеральное поведение + политический конформизм. Такой *разрыв между преобладающими общественными взглядами и преобладающим общественным поведением* требует осмысления.

Стремление к счастью и социальный цинизм

Предметом социологического анализа должны быть не только данные, но и процесс их получения. Вот, например, руководители Левада-Центра в своей книге о российской элите приводят сопутствующую статистику: пред-

ложение принять участие в исследовании после 18–25 приглашений и напоминаний принимал один из 35–40 приглашенных «больших людей». Такой процедурный факт, согласитесь, вполне *социологичен* и не менее красноречив, чем полученные ответы.

Мы не тревожили уважаемых людей более пяти раз (обычно трижды), а общее число получивших приглашение поучаствовать в «Опросе российской элиты развития» составило около 2000 человек. То есть представители целевых групп отвечали через одного. В сравнении с опытом Левада-Центра наше общение на VIP-уровне, пожалуй, можно признать благодарным. Но не стоит спешить и делать вывод, что российская элита более открыта и отзывчива, чем показалось некоторым социологам.

С самого начала мы делали ставку на личные связи, свои плюс связи наших друзей, родственников, коллег, знакомых. Опрос в значительной степени строился и развивался по сетевому принципу личных отношений. Приятно, конечно, ощутить себя «человеком элиты», однако если ты не олигарх и не поп-звезда, то уже скоро и остро почувствуешь границы диапазона своего обаяния. Поэтому мы старались говорить на универсальном языке связей с VIP-общественностью, хорошо понимаемом во всех целевых группах, — на языке обмена услугами. Собственно, там, где наш язык был внятен, мы и получали отклик. Когда же мы вели разговор о российском общественном знании, ответ часто был уклончив, а порой неличеприятен.

Таким образом, еще не заглядывая в ответы и таблички, можно было сделать первый важный вывод по итогам проекта. *Социологическое исследование российских элитных групп с большим объемом выборки (тысяча респондентов) было тем не менее построено на коротких радиусах доверия, и иначе оно вряд ли могло бы быть выполнено.*

Коли так, следует разобраться в причинах недоверчивости и закрытости «лучших людей» российских. Бог весть, доберемся ли мы до причин, но поставим вопрос феноменологически: что включала в себя нерасположенность представителей целевой аудитории отвечать на вопросы социологической анкеты?

В порядке самокритики начну с предположения, что такая нерасположенность определялась реакцией на саму анкету, то есть на вопросы и предлагаемые «подсказки». Мы действительно зафиксировали несколько претензий методологического характера либо претендующих на то, чтобы выглядеть таковыми. Однако отказов с таким основанием в общем объеме отказов было немного. Как уже говорилось, в ходе опроса тестировались известные программные тезисы и проекты решений, поэтому, боясь упустить какую-то значимую позицию, я предлагал опрашиваемым формулировать свое особое мнение, когда им будет решительно тесно в рамках уже предложенных вариантов ответа. Увы, лишь немногие откликнулись на этот призыв. Есть все основания

полагать, что и в тех случаях, когда уклонисты толковали о «несогласии с предложенными ответами», их нежелание участвовать в опросе имело, как правило, не методологические причины. Если человек отказывается и оценить предложенные позиции, и сформулировать собственную, то дело не в формулировках, а в нежелании выбирать и самоопределяться.

Готовность откликнуться на вопрос типа «С кем вы, мастера культуры?» не в последнюю очередь зависит от отношения опрашиваемых к тому, кто вопрошает. В целом ряде случаев нежелание участвовать в опросе — у кого-то преодоленное, а у кого непреодолимое — было обусловлено реакцией на идеологический бренд «Либеральная миссия». И без того догадываясь, что любая миссия кому бренд, кому жупел, мы совсем не афишировали наш мандат.

Довольно часто получившие приглашение участвовать в опросе представители целевых групп объясняли свои колебания или отказ не зависящими от них объективными обстоятельствами. Так, многие чиновники ссылались на существование прямого запрета государственным должностным лицам участвовать в опросах общественного мнения. О подобных запретах, включаемых даже в контракт, приходилось слышать и от менеджеров крупных компаний. Впрочем, и без ссылок на формальный запрет люди убежденно говорили о неприятностях, которыми для них обернется участие в социологическом исследовании. Обоснованность таких опасений можно оспаривать, но их распространенность является социологическим фактом: не менее чем трое из каждых четырех респондентов настаивали на полной анонимности, требуя исключить упоминания не только собственного имени, но и организации/компании, а некоторые — даже региона! Вполне ли мы понимаем значение этого факта? Столь сильную и почти всеобщую озабоченность сохранением анонимности иначе как пугливостью не назовешь. *Пугливость российской элиты если и не судьба ее, то уж точно фундаментальная социальная характеристика, определяющая слабость ее мнения и общественной роли.*

Только что нарисованная картина узнаваема, в целом верна, и все же она не вполне выражает сущность рассматриваемого социального явления. Более того, если позволить себе увлечься этой картиной, то описание, пожалуй, получится в значительной степени искаженным. Опыт многочисленных коммуникаций, анализ конкретных, причем наиболее чувствительных, отказов, когда отказывали люди, обладавшие гарантированным выходом и влиянием на важные для нас аудитории, заставляет снова задуматься. Нет, не всегда страх сквозил в их лицах и голосе — наоборот, ссылки на режимные обстоятельства зачастую были больше похожи на отговорки.

Тут было другое: устойчивое нежелание участвовать не в своем деле, пусть не коммерческом, а исследовательском, научном, общественном, и все же чужом предприятии, предполагающем чей-то интерес и успех. Мысль же о том, что можно безвозмездно поучаствовать в реализации чужого интереса и пос-

пособствовать чужому успеху, вызывает у абсолютного большинства «лучших людей» неприятие, грозящее перейти в возмущение. Толковать тут об общественном интересе — значит сделать возмущение неизбежным: грубая «разводка для лохов». Даже если исследователь элиты сам сойдет за «полного лоха», это не гарантирует ему ни сочувствия, ни результата. Чудаки бывают всякие, умному же человеку не пристало тратить время на занятие, которое не приносит выгоды или хотя бы удовольствия.

Кажется, мы нащупали главный фактор — ментальную основу большей части сомнений, уклонений, торга и отказов по вопросам участия в социологическом опросе. Теперь следует завершить наше описание в категориальном определении. Еще в первой половине 1990-х И.М. Клямкин и Б.Г. Капустин прослеживали эволюцию (и сосуществование) потребительски-приватного индивидуализма советского человека в последовательный индивидуализм «свободного» россиянина. Эту эволюцию, по точному определению названных авторов, определяло «резкое усиление потребительских акцентов при столь же резком освобождении от уравнилельных»¹⁹. В нижних стратах нового российского социума такой образ мысли и деятельности предстает, как формулировал Г.Г. Дилигенский, «адаптационным индивидуализмом слабого человека»²⁰. А как с теми, кто пожинает и защищает от конкурентов плоды своей успешной адаптации? Их индивидуализм бронзовеет в победительном потребительстве: обрастает набором правил, приличий и понятий, окончательно становясь легитимным и доминирующим поведенческим этосом. *Потребительский индивидуализм, культивирующий свободу реализации собственного интереса, которая ограничена не правом, а силой других людей или обстоятельств, — вот модус вивенди, норма мысли и жизни успешных людей новой России.*

Сущностным проявлением потребительского индивидуализма новой русской элиты выступает ее выраженный, порой демонстративный *социальный цинизм*. В кросскультурной психологии вслед за М. Бондом и К. Леунгом под социальным цинизмом принято понимать культурный комплекс, отражающий предполагаемую ненависть и зловредность социальной системы по отношению к своим членам. «По мнению членов культур с высоким уровнем "социального цинизма", социум приносит людям только беды. Они уверены в том, что окружены враждебными, эгоистичными и властными индивидами, группами и институтами, притесняющими и подавляющими их»²¹. Подпиты-

¹⁹ Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян // Полис. 1994. № 1. С. 74.

²⁰ Дилигенский Г.Г. К проблеме социального актора в России // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высшая школа социал. и эконом. наук, 2000. С. 412.

²¹ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ, 2007. С. 91.

ваемый многими обстоятельствами новейшей российской истории и глубоко укоренившийся в сознании россиян социальный цинизм как раз и обусловил ту «нелиберальность» постсоветского потребительского индивидуализма, которую отметили И.М. Клямкин и Б.Г. Капустин. В 1994 году они писали: «Этот тип сознания и его эволюция чрезвычайно важны... Одно дело, если он будет эволюционировать в направлении либерализма, хотя никто не может сегодня сказать, способны ли его носители выбрать подобный маршрут. И совсем другое дело, если он будет развиваться, как говорится, на своей собственной основе. Тогда мы обречены на десятилетия криминального беспредела»²².

Полтора десятилетия уже прошло. В этой книге мы еще будем разбираться с признаками и возможностями либеральной эволюции нелиберального, социально циничного, потребительского индивидуализма людей, составляющих сегодняшнюю российскую элиту. Но сначала разглядим ту самую основу, на которой такой тип сознания развивается (а в том, что он развивался и развивается на своей собственной основе, сомнений уже нет). *Наследственная пугливость наших «лучших людей» и рассчитанный на нее стиль верховной власти лишь усугубляют социальный цинизм российской элиты, однако основой его расширенного воспроизводства является сам дух, main stream сегодняшней российской действительности.* Этот дух и main stream можно выразить словами определения Верховного суда США, который в XIX веке истолковал «стремление к счастью» как «свободу накопления собственности». Только наши устремления к счастью-собственности реализуются в существенно ином социальном контексте: при слабой общественной связности, при хилости низового — местного, общинного, кооперативного — взаимодействия, при неразвитых и неразвивающихся публичных институтах.

Применяясь к социальным и политическим реалиям, стремящиеся к личному благополучию россияне избегают общественной активности. Большинство успешных людей в России полагают целесообразным как можно меньше «заморачиваться» по поводу не касающихся их лично общественных вопросов. Это хорошо видно и на материалах нашего исследования. В анкете, например, были два открытых вопроса о событиях общественной жизни: какое из них произвело на респондента самое хорошее впечатление и какое — самое плохое. Так вот, из 1003 элитных респондентов лишь немногим более 500 захотели и смогли назвать то или иное общественное событие, причем 112 из них отметили российские достижения в области спорта, а 32 человека и вовсе поведали об обстоятельствах личной жизни.

²² Капустин Б.Г., Клямкин И.М. Либеральные ценности в сознании россиян. С. 74.

Пора, пожалуй, задать себе вопрос: ну и что? Что с того, что потребительский индивидуализм определяет мышление и поведение российских элитных групп? Не коммунизм ведь строим! В эпоху массового производства массовое потребление есть фактор экономического роста. А разве фактор экономического роста может быть порочным? Поэтому «потребительство» совсем не порок, но универсальный язык, искусство жить, сам вкус жизни и все такое прочее, культивируемое и тиражируемое всепроникающей рекламой. Индивидуализм же и вовсе святой источник модерна, одно из имен духа капитализма, разгаданное и запечатленное в многотомной социальной теории. Получается, недавно обретенный потребительский индивидуализм нам нужно не хулить, а холить. Есть, конечно, и отдельные недостатки, связанные с объективными трудностями, но за ними нужно уметь видеть перспективу. Перспектива же сегодня такова: обеспечивайте экономический рост, остальное приложится.

Столь востребованному у нас «прагматизму» можно найти респектабельное научное обоснование. Хорошим обоснованием, совмещающим эмпирическую фактуру с теоретическим обобщением, являются, например, работы Р. Инглхарта, опирающиеся на массив данных WVS. Инглхарт, который вслед за К. Марксом, похоже, видит смысл истории в последовательном изживании социальных структур подавления и отчуждения человеческой индивидуальности, говорит о двух фундаментальных культурных сдвигах. На этапе индустриализации вместе с неподвижно-устойчивой аграрной экономикой уходят в прошлое связанные с нею традиции: неприятие социальной мобильности, наследуемый статус, обязательства перед общиной, подкрепляемые абсолютными религиозными нормами. Их сменило мироотношение, поощрявшее экономические достижения, индивидуализм и инновации, — при социальных нормах, все более становившихся светскими. Однако иерархические организации современного общества — бюрократическое государство, олигархическая политическая партия, сборочная линия массового производства, профсоюз старого образца и иерархическая корпорация — также приблизились к пределам своей функциональной эффективности. Не рассматривая специально структурные инновации, Р. Инглхарт сосредотачивает внимание на очередной смене ценностей, которая, по его свидетельству, происходит «в передовых индустриальных обществах». В результате беспрецедентного экономического подъема и обеспечения массового благополучия в развитых странах «материалистические» приоритеты экономической и физической безопасности начинают уступать место «постматериальным» приоритетам индивидуального самовыражения и качества жизни.

Следуя Инглхарту, в современном мире можно выделить не то чтобы три типа обществ, но три стадии их развития: а) доиндустриальные традиционалистские общества, озабоченные экономическим и демографическим выживанием; б) общества, проходящие тот или иной этап модернизации и сосредото-

ченные на экономическом росте; в) общества постмодерна, в которых «нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения»²³. Сдвиг к ценностям постмодерна сопряжен с ростом политического участия, терпимости и доверия между индивидами, значимости для них постматериальных ценностей и субъективного благополучия. То есть Инглхарт сообщает хорошую новость развивающимся странам: по мере экономического развития у них, как это уже произошло в передовых обществах, будет формироваться новая элита — поколение «постмодернистов», которое исповедует ценности индивидуального самовыражения и социально-экологического активизма.

Эта идеология «новых людей» вызывает, по правде сказать, больше сомнений, чем энтузиазма. Прежде всего, мне решительно непонятно, чему тут, собственно, можно радоваться. С одной стороны, Р. Инглхарт признает, что ценности постмодерна формируются в условиях массового благополучия, обеспеченного в развитых индустриальных обществах, и в случае экономического упадка они могут захиреть вместе с всеобщим благосостоянием. С другой стороны, он же указывает, что сдвиг от ценностей модерна к ценностям постмодерна ведет к постепенному разрушению многих из ключевых институтов индустриального общества. В таком случае хорошо бы понимать, чем будут обеспечиваться экономическая эффективность и социальное благосостояние, к которым постмодернисты привыкли с детства так, что уже не воспринимают их как главные ценности. По Инглхарту, многое пора менять: и государство, и корпорации, и полную гетеросексуальную семью. Но чем их следует заменить? И все ли такие замены поведут к новому подъему, а не к новому упадку?

По этим вопросам ясности нет никакой. Более того, многое в аргументации Р. Инглхартастораживает. Например, кризис института семьи он объясняет, в частности, тем, что воспитание детей во многом взяло на себя общество — общество, заметим, индустриальное, то есть то самое государство всеобщего благосостояния, бюрократическая организация которого исчерпала себя. Так, может быть, не стоит торопиться хоронить сразу все худо-бедно работающие институты? Впрочем, автор теории культурных сдвигов толкует не столько об институтах, сколько о динамике ценностей. Посмотрим, что же представляют собой вожделенные ценности постмодерна.

В условиях безопасности, при восприятии перспективы выживания как гарантированной формируется система ценностей, для которой, согласно классификации Инглхарта, характерны высшая приоритетность качества жизни

²³ *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. (Статья, опубликованная в журнале «Полис», доступна по адресу <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>).

и субъективного благополучия; снижение авторитета как частной, так и государственной собственности; меньшая значимость политического авторитета при актуализации самовыражения и политического участия; сексуальное удовлетворение в соответствии с индивидуальным выбором; рост доверия, акцент на смысле и назначении жизни при меньшей значимости религиозного авторитета; снижение потребности в абсолютных правилах, ситуационная этика.

В перечне изменяющихся ценностей и культурных трендов, который приводит Р. Инглхарт, я вижу три группы разных явлений. Первая группа — это тенденции, действительность и полезность которых для меня очевидны. Например, сдвиг в мотивации людей к труду: с максимизации получаемого дохода и с обеспеченности работой в сторону более настоятельного запроса на интересную и осмысленную работу — усиливающийся акцент на придании менеджменту большей коллегиальности и демократичности — рост самостоятельности и автономной ответственности исполнителей.

Вторая группа — это тенденции, в действительности которых сомневаться не приходится, а вот социальная польза и исторические последствия их совсем не очевидны. Речь идет об упадке традиционных религиозных и сексуальных норм, росте числа аборт и разводов. Да взять хоть составляющую ядро концепции Инглхарта абсолютизацию ценностей индивидуального самовыражения, признания и благополучия: разве не сделали из нее культа? Разве не несет вред абсолютизация субъективного блага и чувства без роста и даже в ущерб личностной и социальной ответственности?

Третью группу составляют явления очевидно полезные, зато их социальное распространение и прямая связь с экономическим развитием как раз вызывают большие вопросы. Возьмем, к примеру, *межличностное доверие и политическое участие*.

В докладе на международном гарвардском симпозиуме в 1999 году «Культурные ценности и прогресс человечества» Р. Инглхарт привел показатели межличностного доверия большого числа стран в сопоставлении с их культурными традициями и уровнем экономического развития. Воспроизведем его диаграмму по книге «Культура имеет значение»²⁴ (рис. 3). По горизонтали (ось абсцисс) отмечены показатели доли ВВП на душу населения, а по вертикали (ось ординат) — доля респондентов, полагающих, что большинству людей можно доверять. Оставим пока в стороне вопрос, насколько адекватными являются измерения и сравнение межличностного доверия в разных странах по частоте выбора респондентами одного (первого) из двух высказываний: «большинству людей можно доверять» и «со всеми людьми следует быть очень

²⁴ См.: *Инглхарт Р. Культура и демократия // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. (Lawrence Harrison, Samuel Huntington (eds.) Culture Matters: How Values Shape Human Progress. New York: Basic Books, 2000). М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 120.*

осторожным». Если на Филиппинах, в Бразилии и Турции первый ответ выбирает менее 10% респондентов, а в Норвегии, Дании и Канаде — более 50%, то это что-нибудь да значит. Так что внимательно изучим диаграмму с данными WVS.

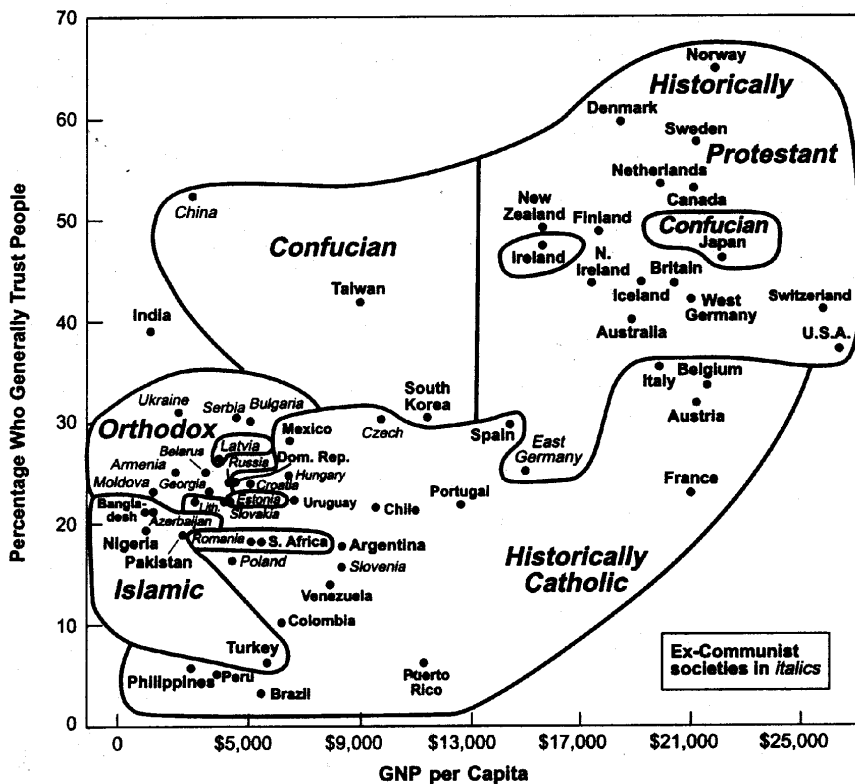

Рис. 3. Сопоставление разных стран по показателям межличностного доверия и доли в ВВП на душу населения

На мой взгляд, в приведенных данных можно найти подтверждения тезису о важности культурных традиций, но никак не тезису о росте межличностного доверия вместе с ростом экономики. Примеры Индии и Китая, с одной стороны, и Франции — с другой, обрушивают эту схему. А можно еще сравнить показатели Китая с показателями Тайваня и Южной Кореи, показатели Словении с показателями Белоруссии, Сербии и Украины, показатели Новой Зеландии и Канады с показателями США. К этому следует добавить, что дина-

мика рассматриваемого показателя у США и Китая — и у мирового экономического лидера, и у его растущего конкурента — отрицательная.

Что же получается? Согласимся с тем, что межличностное доверие является ценностью постмодерна. Не вижу причин возражать: должны же и в постмодерне остаться какие-то вечные ценности. Но в таком случае в пору бить тревогу, поскольку мы наблюдаем не столько рост межличностного доверия, сколько его растущий дефицит! Ровно так же, если не хуже, обстоят дела с политическим участием. Западная политологическая литература буквально переполнена свидетельствами того, что партии теряют доверие, электоральная активность граждан падает, да и другие формы их общественно-политического участия в местных и национальных делах также, скорее, деградируют. *Увы, рост глобальной экономики и даже пришествие постмодерна совсем не гарантируют нам ни доверия между людьми, ни компетентного участия в местной, национальной и глобальной политике.*

Рассмотрение взглядов и аргументов такого влиятельного теоретика модернизации, как Р. Инглхарт, помогает четче определить собственные концептуальные позиции. В противоположность Инглхарту я не считаю буйный рост индивидуализма во всех его духовных, эстетических, сексуальных и социальных проявлениях исключительно благодатным явлением. Далее, я не разделяю того представления, что индустриальные общества менее разнообразны, чем традиционные, а постиндустриальные общества будут и вовсе однородны. Наконец, я не считаю доказанной популярную гипотезу о том, что экономическое развитие (которое к тому же может быть типологически различным!) неизбежно и само по себе ведет к развитию качества общественной жизни.

Российские социологи и социальные психологи собрали большой массив эмпирических данных, анализ которых свидетельствует о внутренне противоречивом характере нашего общественного развития. Интересный фактический материал и опыт использования сразу нескольких влиятельных теорий представлен недавно в книге исследователей ГУ—ВШЭ Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко «Ценности культуры и развитие общества». Методика авторов — параллельные опросы студентов и их учителей — интересна, помимо прочего, тем, что она коррелируется с теорией межгенерационной перемены ценностей Р. Инглхарта. Главные выводы исследователей можно кратко выразить в следующих тезисах. На рубеже XX–XXI веков и в поколении отцов, и в поколении детей усиливались индивидуалистические ориентации и ценности. Результатом этого дрейфа стало преобладание комплекса социально-психологических установок, который авторы назвали «вертикальной самореализацией». Люди, разделяющие установки такого типа, ценят *власть, статус, удовольствие, интересную жизнь, авторитетность, влияние, потакание себе* — они готовы к конкуренции, готовы использовать других в своих

целях, для них характерен низкий уровень толерантности. Особое значение имеют социальные установки и представления молодежи. По свидетельству авторов, «молодое поколение россиян готово "зарабатывать деньги своим собственным умом" и к социальному неравенству в доходах, т.е. стремится к индивидуальному богатству. Следовательно, России в ближайшее время предстоит пройти искушение богатством и неравенством»²⁵.

Н.М. Лебедева и А.Н. Татарко полагают, даже настаивают на том, что «вертикальная самореализация» в настоящее время «больше способствует» экономическому развитию России. Совершенно напрасно, на мой взгляд, настаивают. Сами же авторы где-то в сноске оговариваются, что множественный регрессионный анализ выявляет лишь взаимосвязь переменных друг с другом и что они понимают условность своего термина «влияние». Читатели, пропустившие ту сноску, ни за что об этом не догадаются, поэтому они могут воспринимать многократно повторяемое утверждение «такой-то культурный комплекс способствует экономическому развитию» не как условность, а именно как концептуальное высказывание. Я же оказываюсь в затруднительном положении: стоит ли, понимая условность обсуждаемого тезиса, задавать дальнейшие вопросы?

Все же пренебрегу условностями. Корректным и верным, на мой взгляд, было бы следующее утверждение: «вертикальная самореализация» больше *соответствует* экономическому развитию России в настоящее время. Но главное ведь не в этой констатации, а в том вопросе, который надо бы задать вслед за ней: *какому же именно* экономическому развитию России соответствуют, возможно, даже способствуют преобладающие в активных социальных группах установки «вертикальной самореализации» и *какому иному* развитию такое социальное поведение мало соответствует, возможно, даже его блокирует?

Мысль социальных психологов о том, что России предстоит пройти искушение богатством и неравенством, представляется мне очень верной и точной. Есть в российском обществе группы, для которых такое искушение не будущая возможность, а сегодняшняя, вполне конкретная действительность. Посмотрим, как российские элитные группы справляются с внеочередным историческим искушением.

Важным направлением анализа является сфера трудовых предпочтений и ценностей. Благодаря использованию в нашей анкете вопросов, которые ранее использовались в нескольких международных, в том числе и российских, замерах, проведенных в рамках WVS, у нас появилась возможность сравнить данные о трудовых ценностях российских элитных групп с международной статистикой. Но сначала рассмотрим общероссийский фон.

²⁵ Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. С. 139.

Признанный авторитет в изучении трансформации трудовых предпочтений россиян В.С. Магун, проанализировав собранные за последние 15 лет данные, пришел к следующим выводам²⁶. В 1991–1999 годах произошло сближение трудовых предпочтений россиян с предпочтениями жителей развитых стран по ряду направлений: значимость гарантий занятости (выросла) и большого отпуска (снизилась) стала мало отличаться от значимости этих характеристик в странах «семерки». Однако в «достижительных» аспектах труда между Россией и мировыми лидерами сохранялись заметные различия: рейтинг «возможности чего-то достичь» и «возможности инициативы» в России ниже почти в два раза. То есть догнать страны «семерки» по значимости страха безработицы нам оказалось гораздо легче, чем приблизиться к ним по таким параметрам, как стремление к достижениям и новациям. В условиях экономического роста с 1999 по 2004 год продолжился рост значимости заработка и надежного места работы — это сегодня абсолютно приоритетные для россиян трудовые ценности. Рейтинг «возможности чего-то достичь» не изменился (при этом другое исследование показало, что вырос рейтинг «хороших возможностей для продвижения»). Зато заметно меньше стало тех, кто считает важным для себя соответствие работы способностям; снизились также рейтинги уважения работы со стороны окружающих, инициативы и ответственности. То есть ради возможности «нормально» зарабатывать россияне готовы пожертвовать работой по специальности (отсюда резкое падение рейтинга «соответствия работы способностям»), социальным признанием и содержанием работы. Неизменной осталась лишь ценность «интересной работы», на которой теперь у большинства работников сфокусированы все содержательные требования к труду²⁷. В ценностной повестке россиян, таким образом, доминируют базовые, «материалистические» потребности. Инициатива в работе и ответственное к ней отношение остаются пока явно на периферии трудовых предпочтений. Слабая выраженность этих ценностей резко отличает россиян от работников экономически развитых стран.

Следует иметь в виду, что в замере WVS 1990/91 года респондентам для выбора давался список из 15 позиций, а в последующие годы этот список был сокращен до 11 пунктов. Смысл этого секвестра не вполне понятен. Выброшены были 2, 5, 9 и 11-й пункты из первоначального списка: «хорошие товарищи по работе» (Pleasant people to work with); «хорошие возможности для продвижения» (Good chances for promotion); «полезность для общества» (A useful job for society); «возможность общения с людьми» (Meeting people).

²⁶ См.: Магун В.С. Как меняются российские трудовые ценности // Отечественные записки. 2007. № 3. Статья опубликована также на сайте «Полит.ру».

²⁷ Как верно отмечает В.С. Магун, для человека, не готового тратить лишние силы, преимущество «интересности» в том, что она этого и не требует, чего не скажешь об инициативе или ответственности.

Все четыре позиции являются концептуально значимыми маркерами: *возможности продвижения* — ярко выраженный показатель иерархически ориентированного, «вертикального достижения», в то время как *товарищи по работе, общение с людьми, общественная полезность* — показатели нематериальных предпочтений, ориентированных социально: от ближнего общения к более широкому общему делу. Тот факт, что в исторический момент «демократического подъема» и «геополитической катастрофы» в России как раз последние показатели были весьма высокими, отнюдь не самое плохое социальное обстоятельство, которым мы распорядились не лучшим образом.

Будучи уверен, что исключенные из последних обзоров WVS четыре позиции совсем не перекрываются оставшимися пунктами, я включил в анкету для исследования российской элиты полный перечень из 15 пунктов. Анализ полученных результатов подтвердил верность этого методологического предположения. Для более четкой концептуализации и лучшего понимания в целевой аудитории (в частности, чтобы не возникла уж очень советская коннотация в случае с «общественно полезной работой») четыре упомянутые позиции были даны в следующей редакции: «хорошие отношения с людьми на работе», «хорошие возможности для продвижения», «общественный смысл, миссия», «новые знакомства, коммуникации».

Для удобства сравнения сведем имеющиеся данные в таблицу (табл. 3). В двух левых столбцах с цифрами — данные В.С. Магуна за 1991 год²⁸: средние показатели WVS по 32 странам и показатели по России (по всем 15 позициям). В двух правых столбцах — данные В.С. Магуна из цитированной недавней статьи: показатели по России за 2004 год и средние показатели WVS по странам «большой восьмерки» без России за 1999–2000 годы (по 11 позициям). В центральном столбце — данные нашего опроса российских элит. В перечне ценностей курсивом выделена редакция соответствующих позиций, предложенная в нашей анкете.

Как видим, приоритеты в трудовых предпочтениях у элитных групп и у населения России не совпадают. Для населения важнее всего заработок и стабильность, желательно при этом, чтобы работа была интересной и с удобным графиком. У элиты картина предпочтений более разнообразна: вслед за *заработком* следуют *интересная работа, хорошие отношения с людьми на работе и ощущение, что ты можешь чего-то достичь*. И только на пятом месте *стабильность работы*.

Почти для каждого второго представителя элитных групп важна *возможность проявить инициативу*. Весомое значение в элитных группах имеют *воз-*

²⁸ См.: Магун В.С. Трудовые ценности российского населения: социалистическая модель и постсоциалистическая реальность // Куда идет Россия? Власть, общество, личность / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Моск. высшая школа социал. и эконом. наук, 1996.

Таблица 3. Трудовые ценности российских элит в сравнении с населением России и международной статистикой

Ценности	Частота выбора, %				
	32 страны 1990/91	Россия 1991	Элиты 2008	Россия 2004	G-7 1999/2000
Хороший заработок	77	85	86	96	82
Хорошие товарищи по работе / Хорошие отношения с людьми на работе	71	74	62,5	–	–
Отсутствие чрезмерного давления / Не слишком большая напряженность	34	20	13	18	38
Надежное место работы / Стабильная работа	60	40	54	80	70
Возможность продвижения / Хорошие возможности для продвижения	56	28	44	–	–
Работа, уважаемая широким кругом людей	40	39	44	36	39
Удобный график работы	48	49	39,5	57	56
Возможность инициативы / Возможность проявить инициативу	50	30	46	24	54
Полезность для общества / Общественный смысл, миссия	44	48	42	–	–
Большой отпуск	46	29	18	32	38
Возможность общения с людьми / Новые знакомства, коммуникации	46	27	36	–	–
Возможность чего-то достичь / Работа, дающая ощущение, что ты можешь чего-то достичь	37	17	60	44	67
Ответственная работа	45	21	40	20	53
Интересная работа	61	68	72	72	72
Соответствие работы способностям / Работа по способностям	58	57	20	34	61

можности для продвижения, а также показатели престижа и статуса: уважение окружающих, общественная миссия, ответственная работа. Частота выбора указанных карьерных, престижных и статусных ценностей в элитных группах заметно превышает аналогичные показатели у россиян в целом. Отметим и тот немаловажный факт, что внутреннее, личное ощущение *общественного смысла* своей работы в российских элитных группах востребовано не менее, чем внешние престижно-статусные характеристики уважения и ответственности.

Удобный график работы для представителей элиты имеет значение, но гораздо меньшее, чем для российского населения в целом. В элитах явно больше трудоголиков: значение *большого отпуска* и *небольшой напряженности* в элитных группах невелико. Зато в этих группах довольно выражен интерес к *новым знакомствам, коммуникациям*.

Данные по отдельным элитным группам можно посмотреть в приложении к книге. Отмечу наиболее значимые отличия и особенности. По тому значению, которое придается *хорошему заработку*, среди российских элитных групп лидируют отнюдь не предприниматели, а адвокаты, журналисты, врачи и «чекисты». Аномально же низкое значение заработка в армейской среде, по всей видимости, показывает, с одной стороны, остро переживаемое российскими офицерами несоответствие заработка их статусу, с другой стороны, их отчасти искреннее, отчасти компенсаторное убеждение в том, что служба в русской армии — это не способ заработка.

Ориентация на *интересную работу* наиболее характерна для профессиональной элиты социетальной и публичной сферы. У работников науки и образования рейтинг интересной работы и вовсе сравнивается с рейтингом хорошего заработка! То есть известная шутка про науку как удовлетворение любопытства за казенный счет исполнена большим социальным смыслом. Обращает на себя внимание и аномально низкая ценность интересной работы для сотрудников органов безопасности и охраны правопорядка.

Сравним достижительные ценности. *Работа, дающая ощущение, что ты можешь чего-то достичь*, наиболее важна для адвокатов, врачей и предпринимателей, а также для чиновников, особенно федеральных. Что же касается именно карьерных достижений, *хороших возможностей для продвижения*, то они наиболее востребованы среди тех же адвокатов, чиновников, особенно региональных, а также среди сотрудников органов безопасности и охраны правопорядка.

Как уже указывалось, элитные группы отличает повышенная ценность престижно-статусных характеристик работы. Наибольшую потребность в том, чтобы работа вызвала *уважение со стороны широкого круга людей*, испытывают региональные чиновники, работники образования и науки, врачи. *Ответственная работа* также является в первую очередь статусной характеристикой, во всяком случае в российском контексте. Это следует подчеркнуть, поскольку в отечественной научной литературе наблюдается склонность толковать эту позицию на европейский манер — как показатель социальной ответственности. И зря, поскольку россияне воспринимают «ответственность» иначе, то есть наоборот: как знак обладания определенным влиянием, властью над контрагентом. Если совсем просто, «ответственность» по-русски — это то, за что «нужно платить». В полном соответствии с таким пониманием ценность (так и хочется сказать рента) «ответственной работы» оказалась монополизирована тремя группами российской элиты: чиновниками, в первую очередь федеральными, сотрудниками органов безопасности и охраны правопорядка, а также врачами.

Элитные группы от остального населения отличает также более высокая ценность инициативы. *Возможность проявить инициативу* оказалась наибо-

лее важной для профессиональных элит в социетальной и публичной сферах, а также для предпринимателей. А вот кто менее всего заинтересован в проявлении инициативы либо очень тщательно такой интерес скрывает, так это сотрудники органов безопасности и охраны правопорядка.

Общественный смысл, миссия выполняемой работы волнуют в первую очередь профессиональную элиту в публичной сфере, региональных чиновников (федеральных — заметно меньше), работников образования и науки. Менее всего профессиональная миссия актуальна сегодня для армейских офицеров, а также, между прочим, для российских адвокатов²⁹. В случае с офицерским корпусом мы, очевидно, наблюдаем ментальный и психологический кризис, связанный с резким снижением социального статуса и в значительной мере утратой смысла служения. В целом невысокая актуальность для респондентов общественного смысла, миссии выполняемой работы является наглядным выражением социального цинизма, распространенного в верхах российского общества.

Теперь сравним данные по российским элитным группам с международной статистикой трудовых ценностей. Если судить по частоте выбора таких ценностей, как *хороший заработок* (на десять пунктов меньше, чем у российского населения в целом), *работа, дающее ощущение того, что ты можешь чего-то достичь, возможность проявить инициативу и ответственная работа*, то российские элитные группы оказываются ближе не к российскому населению, а к населению развитых стран. Частота таких предпочтений, как *хорошие возможности для продвижения и новые знакомства, коммуникации*, в российских элитных группах также ближе к показателям международной статистики.

Отмеченная статистическая тенденция свидетельствует о продвинутости, более высокой степени развития элитных групп по сравнению с остальным населением России. В то же время *ни по одному из упомянутых показателей, свидетельствующих о достижительном динамизме, личностной самостоятельности и социальной ответственности, российские элиты развития не вышли на уровень средних показателей работающего населения развитых стран*.

Как оказалось, представители российской элиты еще реже, чем россияне в целом, выбирают такую популярную у населения развитых стран позицию, как *работа по способностям*. Не исключено, что здесь мы опять сталкиваемся с «трудностями перевода», некими ментальными различиями. Можно попробовать объяснить столь явное несходство трудовых предпочтений *русским азартом*, о котором так интересно пишут в своей книге Лебедева и Татарко

²⁹ В данных, приведенных в таблице 6 приложения, низкий показатель адвокатов — 27,5% — скрыт в более высоком среднем показателе для всех юристов.

и который, надо полагать, должен быть сконцентрирован именно в русской элите. Примечательно, что «работа по способностям» менее всех заинтересовала российских предпринимателей и адвокатов — как раз тех «лучших людей», у кого наиболее сильна достигательная ориентация, кто постоянно испытывает свои способности и мерится ими с конкурентами.

Отметим и более частое в российских элитных группах предпочтение *работы, уважаемой широким кругом людей*. На мой взгляд, этот показатель свидетельствует лишь о более выраженной в элитах ориентации на социальный престиж. А вот частоту выбора такой трудовой ценности, как *общественный смысл, миссия*, к сожалению, почти не с чем сравнивать. Количественный показатель этой ценности у сегодняшних российских элит примерно равен среднему показателю по массе работающего населения 32 развитых и развивающихся стран за 1990/91 год. Но куда важнее то, что *этот показатель сегодня у российских элит развития меньше, чем у всех россиян на переломном рубеже 1991 года*.

Общественный капитал российских элит развития

Если все, что мы узнали и выяснили в предыдущей главе, выразить предельно кратко, получится три тезиса. Во-первых, социальное сознание и поведение абсолютного большинства представителей российской элиты сегодня определяется *потребительским индивидуализмом*. Во-вторых, социальное воспроизводство элиты под знаком потребительского индивидуализма сопряжено с развитием *личной инициативы* и «*достижизма*», но отнюдь не с общественной открытостью и активностью. В-третьих, нет оснований полагать, что развитие капитализма и связанных с ним индивидуалистических ценностей само собой перевоспитает российскую элиту и продвинет российское общество к большему равноправию и справедливости. Из сказанного следует, что главные проблемы развития России, особенно развития национальной элиты, сосредоточены именно в нашей *общественной жизни*, которая отличается слабой интенсивностью и малой полезностью живых общественных связей.

Социальные науки представили множество свидетельств того, насколько для успешного хозяйственного, социального и шире — человеческого развития важны такие факторы, как опыт, привычка, обычаи, культура горизонтального взаимодействия людей при решении ими общих задач. Горизонтальное взаимодействие может происходить на разных социальных этажах: от низовой кооперации «у корней травы» до элитного компанейства «избранных». Когда общие задачи индивидов превращаются в общее дело, дело, которое делается сообща, их успех более вероятен. К тому же люди получают дополнительную пользу и психологическое удовлетворение от способа

достижения успеха — от самого делания сообща. Именно этот приобретаемый индивидами *опыт совместной организации и деятельности*, а точнее, *общая польза* от воспроизводства такого опыта составляют предмет концепции социального капитала, которую разработали социолог Дж. Колмен и политолог Р. Патнэм.

Кроссрегиональные исследования Р. Патнэма³⁰, на итальянском и американском материале показавшего, как социальный капитал способствует хозяйственным инновациям, институциональной эффективности, гражданской культуре и человеческому благополучию, подняли волну бурных дебатов. Надо сказать, что дебаты эти не только способствовали популярности переосмысленного Дж. Колменом термина «социальный капитал», но и обернулись изрядной путаницей. Поэтому перед тем, как применить расхожий уже концепт для изучения российской элиты, придется сделать несколько теоретических и методологических уточнений — не для того, чтобы сказать «последнее слово науки», но для того, чтобы высказывание было внятным, удерживало и выражало нужный смысл.

Заметим, что Дж. Колмен³¹ выступает в роли оценщика, который определяет капитализацию предприятий и целых национальных хозяйств. Размышляя над методологией такой оценки, он выделяет капитал *физический* и *человеческий* (выражаясь в античном стиле, можно сказать «капитал неодушевленный» и «капитал одушевленный»), а затем добавляет еще *социальный капитал*. Последний, поясняет Колмен, включен в структуру отношений между индивидами, а не сосредоточен непосредственно у них или в средствах производства.

Развивая эту оценочную методологию, эконом-социолог В. Радаев выделяет уже восемь форм капитала: экономический, физиологический, культурный, человеческий, социальный, административный, политический, символический. При этом социальный капитал В. Радаев определяет как «совокупность отношений, которые связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций»³². Строго говоря, трудно представить социальные отношения, абсолютно свободные от принуждения, и выделить социальную сферу, где санкции вовсе не применяются и не предполагаются. Тем не менее разница между *кооперативной* и *вертикально организованной* деятельностью индивидов достаточно очевидна. Предложенная В. Радаевым смысловая диверсификация как раз и помогает разли-

³⁰ См.: Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М., 1996. (Putnam R. Social capital: measurement and consequences // Canadian Journal of Policy Research. Spring 2001. Vol. 2. N 1).

³¹ См.: Колмен Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3.

³² Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Изд. дом ГУ — ВШЭ, 2005. С. 129.

чить пользу, прибавочную стоимость, создаваемую политическим управлением и администрированием, с одной стороны, и пользу, прибавочную стоимость, создаваемую социальной кооперацией, — с другой.

Предложение не валить все в одну кучу всегда актуально, предложение же не называть социальным капиталом все «социальное» своей своевременностью может сравниться только со спасательным кругом, брошенным утопающему. Хороший концепт действительно тонет! Вот, например, коллеги, тоже доказывающие, что «культура имеет значение», просто переименовывают всю национальную да и мировую культуру в социальный капитал, с которым нам следует хорошенько разобраться³³. Не берусь судить о культуре — вся культура очень велика, но со своим социальным капиталом при таком обращении с терминами нам разобраться будет очень трудно. Тем более что трудности не только у нас! Все принялись толковать-измерять социальный капитал и делают это так по-разному, что можно прийти в отчаяние. Попробуем все же прояснить себе предмет, а затем метод оценки. Сначала ответим на вопрос: *что?* То есть определим, что следует и что не следует относить к предмету нашего изучения и измерения.

Начинать надо с главного, а главным сегодня является нестыковка, чтобы не сказать сильнее, между концепцией социального капитала Колмена — Патнэма и концепцией социального капитала П. Бурдьё. Социологическая литература по этому вопросу сильно напоминает школьный лист с металлическими опилками, красиво обрисовывающими два магнитных полюса. Кто-то придумал назвать один полюс «концепцией группового социального капитала», а другой — «концепцией индивидуального социального капитала». Казалось бы, понятно: и там и там речь идет о полезных социальных связях. Ничего подобного! На самом деле «там и там» речь идет о принципиально разных социальных отношениях и социальных эффектах.

Дж. Колмен и Р. Патнэм ищут социальные ресурсы и факторы максимизации валового — местного, регионального или национального — продукта. П. Бурдьё интересуют социальные ресурсы и факторы воспроизводства верхнего статуса индивида и верхнего класса общества. Да, обе заинтересованные стороны рассматривают «более или менее институционализированные отношения взаимного знакомства и признания», причем понимают эти отношения как воспроизводимый и накапливаемый ресурс для извлечения пользы. Однако Колмен и Патнэм толкуют о социальном отношенческом ресурсе, который не сосредоточен непосредственно ни у одного из членов сообщества, — попросту говоря, об общем ресурсе и общей пользе. А Бурдьё выделяет социальный отношенческий ресурс, используемый индивидом для вертикального продвижения и концентрируемый в его персональном и всегда классовом ста-

³³ См.: Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. С. 422–423.

туса. Если коротко, Колмен и Патнэм раскрывают секрет социальной кооперации, Бурдьё — секрет социального господства.

Конечно, человек есть ансамбль его отношений, в том числе отношений по Колмену — Патнэму и отношений по Бурдьё. Отслеживая последние, мы обязательно придем к *государству*. Ибо государство — это кульминация процесса концентрации разных типов капитала: силового (армия, полиция), экономического, культурного, информационного и символического. Государство способно применять власть к различным формам капитала и устанавливать «курс» обмена этих капиталов³⁴. Между тем Колмен и Патнэм следуют в другом направлении — к «корням травы», по-русски говоря, к *земству*. Социум есть власть! — утверждает Бурдьё. Социум есть братство! — отвечает Патнэм, переходя на французский.

Что ж, социологу при любом выборе ответа хватит работы. Уже потому, что социум и человек вмещают в себя и власть, и братство. Можно рассматривать «Наших», можно — волонтеров Красного Креста. Ведь и то и другое — значимые, более того, типологически значимые феномены социальной связи, причем надо бы уточнить: социальной организованности в первом случае и социальной связности во втором. Мы вольны изучать организованность либо спонтанную связность, желательно только при этом не путаться самим и не запутать других. Однако хождение двух разных концепций под одним именем совсем не облегчает эту задачу.

К счастью у нас есть возможность корректно, не нарушая ничье авторское право, терминологически развести два концепта. Для того чтобы это сделать, нужно по-разному в разных случаях переводить на русский язык термин *social capital*. Социальный капитал по Бурдьё может и должен оставаться социальным капиталом. *Social capital* по Колмену и Патнэму следует переводить и трактовать как *общественный капитал*. Такой перевод точно выражает аутентичный смысл их термина: *включенный в структуру отношений между индивидами общий ресурс, используемый к общей выгоде*. То есть такой перевод не вопрос вкуса — он более точен, концептуален и к тому же необходим для терминологического различения двух рядов социальных явлений и значений. В одном случае речь идет о социальном капитале — отношенческом ресурсе вертикального продвижения и воспроизводства господствующего статуса, факторе воспроизводства господствующего социального класса, господствующей элиты. В другом случае речь идет об общественном капитале — отношенческом ресурсе максимизации общей выгоды, факторе воспроизводства спонтанной общественной связности.

Тут мы подходим к очередной методологической проблеме. Общественный капитал воплощен и воспроизводится в социальных связях и объединениях. Од-

³⁴ См.: Bourdieu P. *Acts of Resistance: Against the New Myths of Our Time*. Cambridge, 1998. P. 41.

нако не все социальные связи и объединения воспроизводят общественный капитал. И вовсе не потому, что у части социальных объединений могут оказаться «ложные ценности», как указывает Ф. Фукуяма³⁵. Отделять зерна от плевел и указывать людям истину — дело благородное, но задача социолога скромнее: изучать социальные эффекты. Мы не можем составить закрытый список коллективов-участников. Дело в том, что социальные связи текучи и противоречивы. Пример мафии, который обычно приводят, как раз не самый интересный в силу его очевидности: мафия, как и государство, не подходит под цитированное выше определение В. Радаева, ибо представляет собой институт недоверия и зиждется на санкциях. А вот, к примеру, ватаги греческих героев и скандинавских варягов — они действительно оставили значимый общественный капитал в своих метрополиях и колониях, но походя растоптали не одно сообщество. Этнические объединения и церковные приходы по всему миру оказывают братскую помощь «своим», но нередко, склоняясь к агрессии в отношении «чужих», разрушают добрососедство и мирную жизнь в целых странах и регионах.

Поэтому, кстати, понятие «радиуса доверия», которое часто используют, чтобы указать длину социальной связи, обнаруживает не только ограниченность общественного капитала, но и его внутреннюю противоречивость. Поскольку на границах и пересечениях этих «радиусов» постоянно возникают напряжения, порой доходящие до конфликтов. Решать проблему социальных границ и противоречий, собственно, и призвано государство. В то же время разумное государство, то есть государство с умными руководителями и элитой, не разбрасывает, а собирает, ценит и использует к общему благу общественный капитал сограждан.

Но все же общественный капитал — это не перечень активов. Общественный капитал — это экспертная оценка социального эффекта, а именно оценка общественной пользы и общественно полезной спонтанной социальной связности. Поэтому странно читать некоторые социологические рапорты, а то и рекламации (в адрес Патнэма, вероятно?) о том, что «общественный капитал недостаточно влияет» либо того хуже — «не работает»! Работать следует все-таки не общественному капиталу, а специалистам.

Еще одну методологическую проблему обнаруживает профессиональная страсть социологов измерять доверие. Исходя из многократно цитированных метафор о доверии-«смазке» и доверии-«клею», многие коллеги предлагают оценивать общественный капитал, измеряя социальное доверие в разных его формах. Действительно, доверие взаимодействующих людей является имманентной характеристикой общественного капитала. Но из этого совсем не следует, что всякое социальное доверие порождено именно общественным капиталом и выступает его составляющей.

³⁵ См.: Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. М., 2002. С. 129.

Между тем к оценке общественного капитала приспособили уже всевозможные замеры политического доверия, в частности доверия к государственным институтам, замеры гражданской идентичности (на самом деле патриотической гордости)³⁶. Рассмотрим этот вопрос на известном историческом примере. Русская летопись запротоколировала ситуацию острого дефицита общественного капитала: «Страна наша богата, а порядка в ней нет; приходите к нам править». Таково было обращение славян к варягу Рюрику. Теперь представим, что через несколько лет воссевший княжить в Киеве Олег решил измерить общественное доверие к дому Рюриковичей и уровень патриотизма в созданной им Руси — провел мониторинг общественного мнения, скажем, до похода на Константинополь и после. Полученные данные были бы весьма интересны, но корректно ли было бы судить по таким замерам о динамике общественного капитала славян? А представьте, что волнующий момент прибавания русских щитов на ворота Царьграда транслировался бы по русским и международным каналам телевидения! Показатели политического доверия и «русской» лояльности в Киеве, Новгороде, может быть даже и в Коростене, наверняка повысились бы. Разве от этого повысился бы общественный капитал киевлян, новгородцев и древлян?

Доверие к официальным институтам, национальная идентичность и патриотическое чувство, безусловно, являются важнейшими характеристиками жизни наций. Падение показателя институционального доверия свидетельствует о низкой эффективности и легитимности институциональной системы. А очень низкий уровень национальной идентичности и вовсе сигнализирует о том, что государственная целостность того или иного политического сообщества стоит под вопросом. Институциональное доверие и национальная идентичность наверняка связаны и с общественным капиталом рассматриваемых сообществ. Но, во-первых, это не одно и то же, это разные стороны и аспекты социальной жизни. Во-вторых, связь между ними отнюдь не прямая, притом разная в зависимости от институционального устройства общественной жизни. Например, в демократических государствах Р. Патнэм зафиксировал связь между повышением уровня общественного капитала и понижением уровня уклонения от налогов, то есть эффективностью налоговой системы, а вот, скажем, эффективность «полюдь» русских князей вряд ли позитивно коррелируется с общественным капиталом их подданных. В-третьих, показатели политического доверия и лояльности, как мы знаем, весьма лабильны и подвержены влиянию многих ситуативных факторов, в том числе государственной пропаганды. И было бы весьма опрометчиво судить по динамике этих показателей о динамике общественного капитала.

³⁶ Обзор таких начинаний см., напр., в: *Демкив О.* Концепция группового социального капитала и ее адаптация к отечественным условиям // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. Пример противоречивости суждений об общественном капитале, основанных на показателях доверия к официальным институтам и уровня российского патриотизма, см.: *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества.

Итак, мы разобрали негодность попыток трактовать общественный капитал как совокупность любых социальных ресурсов, которые могут быть полезными для индивидов и их сообществ (негодность таких попыток заключается в том, что они обесмысливают концепт общественного капитала, обнуляют его эвристическую ценность). Мы условились, что под общественным капиталом следует понимать социальный, отношенческий ресурс максимизации общей выгоды и воспроизводства общественно полезной спонтанной социальной связности. Теперь можно приступить непосредственно к оцениванию общественного капитала российской элиты. Из всего сказанного выше должно быть ясно, что социологический опрос, тем более один социологический опрос, не в состоянии обеспечить полноту подобной оценки. Однако некоторые существенные моменты, надеюсь, нам удастся прояснить.

Социальной материей общественного капитала выступают ассоциативные связи людей, интенсивность которых проявляется в числе и численности самых разнообразных общественных объединений: от обществ совместного проведения досуга до общественно-политических союзов. Зафиксировать и измерить эту социальную материю нелегко. Официальные сведения об общественных объединениях чересчур формальны, всегда неточны и всегда опаздывают за изменчивой действительностью. «Приблизительность» же отечественной статистики в этой сфере делает обращение к ней совершенно бессмысленным. Кроме того, есть объединения совсем не формальные, без фиксируемого членства, причем в последнее время именно таких неформальных объединений становится все больше.

Участникам нашего исследования российской элиты был задан следующий вопрос: «Считаете ли Вы себя членом какого-либо сообщества, будь оно формальным или неформальным?» Респондентам было предложено меню из 24 пунктов, в которых перечислялись самые разные объединения; 25-й пункт был зарезервирован под «Другое», а 26-й звучал так: «Не состою и не считаю себя членом какого-либо сообщества». Данные в целом по массиву и по отдельным элитным группам приведены в приложении к книге.

Каждая из поименованных в анкете категорий общественных объединений оказалась востребованной респондентами. В пункте «Другое» указывали чаще всего различные формальные и неформальные ассоциации коллег по профессии, научные общества, ассоциации выпускников вуза. Общее число респондентов, назвавшихся членами того или иного общественного объединения, составило 623 человека, или 62,1% от общего числа респондентов.

Самыми распространенными в сегодняшней российской элите оказались профессиональные объединения, причем лидерство принадлежит не *профсоюзам* (6,9%), а иным *профессиональным ассоциациям*: 14,6% ответов, с учетом же профессиональных объединений, названных в пункте «Другое», — 15,5% ответов. Несмотря на определенные изменения и диверсификацию,

профсоюзы в России до сих пор выглядят наследием советских времен, то есть скорее придатком администрации, который озабочен не вопросами коллективного договора или участия в управлении, а путевками в дома отдыха, подарками на 23 Февраля и 8 Марта да детскими елками на Новый год. Характерно, что больше всего членов профсоюза оказалось среди чиновников, работников бюджетных медицинских и образовательных учреждений, а также работников органов государственной безопасности и охраны правопорядка. Профессиональные ассоциации наиболее распространены — притом уже гораздо больше, чем профсоюзы, — среди той же медицинской и научно-образовательной элиты, среди предпринимателей, в экспертном сообществе и у юристов.

Новая и весьма значимая тенденция выражается в том, что второе место по частоте упоминаний общественных объединений в российских элитных группах заняли *товарищества собственников жилья* (13,4%), к которым примыкают *иные соседские объединения* (2%). Наиболее активны по части ТСЖ сегодня юристы, федеральные чиновники и научно-образовательные работники.

Ярким проявлением специфики целевой аудитории опроса выступает частота указаний на членство в *политической партии* (11,2%), которая многократно выше, чем среди российского населения в целом. Однако указанная специфика не исчерпывается относительно высоким числом партийцев. Еще более важно то обстоятельство, что абсолютное большинство партийных респондентов в элитных группах являются членами одной политической партии, которая действительно выступает партией общероссийского начальства. В полном соответствии с государственной ролью и титулом больше всего членов «политической партии» оказалось среди чиновников, силовиков и бизнесменов. Общественный капитал такой, по сути, бюрократической, политической организации довольно сомнителен. Зато она выступает важным политическим — организационным и отношенческим — ресурсом повышения персонального статуса и капитализации для ее членов, то есть социальным капиталом по П. Бурдьё. При этом уровня *социального цинизма*, отмеченного нами ранее в российских элитных группах, членство в государственной партии отнюдь не снижает и, судя по всему, иногда даже выступает его концентрированным выражением. Ярким примером социального цинизма победившего, то есть манифестируемого и возведенного в кредо правильного образа жизни, может служить веселый вопрос одного из весьма солидных респондентов: «Как будем отвечать: по-партийному или по совести?»

Вслед за политической партией по числу упоминаний идет членство в *спортивном клубе, сообществе для занятий спортом* (9,3%). По этому показателю, как мы убедимся ниже, российские элитные группы значительно

опережают остальное российское население, однако сильно отстают от показателей членства в добровольных спортивных объединениях среди населения развитых стран. Наибольшей спортивной активностью среди российских элитных групп отличаются предприниматели.

Отдельно следует сказать об особенностях национальной благотворительности. Социальные реалии, стоящие за таким пунктом нашей анкеты, как «*Благотворительное сообщество для оказания социальной помощи*», далеко не совпадает с тем, о чем говорится, скажем, в анкете WVS в пункте «Участие в социально-благотворительных объединениях, помогающих престарелым и людям с ограниченной дееспособностью». Дело в том, что в России благотворительные организации очень часто используются в коррупционных целях, в частности для «крышевания» тех или иных бизнесов силовыми структурами, услуги которых оплачиваются под видом благотворительной помощи. Масштаб явления стал настолько велик, что обратить внимание на него пришлось президенту Д.А. Медведеву, объявившему борьбу с коррупцией своей приоритетной задачей. С учетом сказанного уже не приходится удивляться тому обстоятельству, что популярность благотворительных объединений среди работников госбезопасности и охраны правопорядка оказалась в два раза выше, чем в среднем по массиву.

Российские силовики заметно отличаются от других элитных групп вниманием не только к благотворительным объединениям: среди них гораздо больше членов *ветеранских организаций, братств и ассоциаций взаимопомощи*. Обратим внимание на то, что указанные объединения отличаются явно коротким радиусом доверия, очерчивающим «свой» круг и четко отделяющим его от остального, «чужого» социального пространства. Силовики, таким образом, обладают относительно большей *сплоченностью и связностью*, то есть своим общественным капиталом, вполне выраженным и важным, но весьма специфическим и не всегда полезным для общества в целом. Сегодня в России связи в среде силовиков выступают особо ценным ресурсом вертикального продвижения и успешного бизнеса. Такой социальный капитал (в том смысле, который вкладывал в это определение П. Бурдьё) для его держателей воистину «дороже денег».

Собранные данные позволяют увидеть и другую примечательную, но уже куда более позитивную тенденцию. Речь идет о неожиданно высоких показателях общественной активности предпринимателей. Высоки они, конечно, относительно: во-первых, относительно распространенного мнения о том, что российские предприниматели сплошь социальные циники и абсентеисты, во-вторых, относительно показателей других российских элитных групп. Для большей наглядности сведу в табличку сравнительные данные об участии в общественных объединениях по предпринимателям и по массиву в целом.

Таблица 4. Участие российских предпринимателей в общественных объединениях

Вариант ответа	В целом по массиву, %	Предприниматели, %
Церковная община	2,6	3,5
Иное религиозное общество	0,7	0,7
Политическая партия	11,2	13,3
Общественно-политическая организация	3,1	3,5
Профсоюз	6,9	2,1
Иное профессиональное объединение	14,6	25,2
Правозащитная организация	1,2	1,4
Общественное движение, объединение людей, защищающих свои интересы и права	3,8	6,3
Товарищество собственников жилья	13,4	10,5
Иное соседское объединение	2,0	0,0
Школьная или клубная ассоциация родителей	1,3	2,1
Сообщество для занятий с детьми, молодежью	1,5	2,8
Благотворительное сообщество для оказания социальной помощи	2,3	2,8
Ветеранская организация	1,9	2,1
Братство, ассоциация взаимопомощи	1,9	1,4
Экологическое объединение	1,0	2,1
Объединение любителей животных	2,9	1,4
Спортивный клуб, сообщество для занятий спортом	9,3	18,2
Объединение болельщиков спортивной команды	2,1	2,8
Литературное, музыкальное или иные культурные объединения	3,3	5,6
Клуб с фиксированным членством	5,0	11,2
Объединение по интересам	5,5	5,6
Другое	3,1	3,5

Как видим, по большинству позиций показатели участия в общественных объединениях и добровольных ассоциациях у предпринимателей превышают средние показатели по элитным группам. И если в отношении закрытых клубов это вполне предсказуемо, а в отношении спортивных обществ неудивительно, то лидерство предпринимателей по участию в целом ряде других объединений — это действительно хорошая новость. Так, предприниматели являются наиболее активными создателями и участниками различных профессиональных ассоциаций. Главные из них — Российский союз промышленников и предпринимателей и торгово-промышленные палаты — широко представлены в регионах и выступают респектабельными статусными объединениями бизнесменов, имеющими, как правило, налаженные отношения во властных структурах. То есть этот общественный ресурс в значительной мере вертикально ориентирован, а местами и вовсе носит по-советски

номенклатурный характер. Но как бы то ни было, развитие профессиональных объединений российских предпринимателей на местном, региональном и общенациональном уровнях имеет значение и серьезный общественный потенциал.

Меньшую активность проявляют предприниматели в создании и деятельности другой важнейшей категории общественных объединений — товариществ собственников жилья. Это объясняется характером поселения большинства российских бизнесменов — в дорогих городских комплексах, охрану и эксплуатацию которых осуществляют специализированные управляющие компании, либо в индивидуальных усадьбах. Тем не менее и на этом направлении участие предпринимателей заметно, и они входят в число социальных лидеров развития новых для России соседских сообществ.

Особый интерес представляет факт более активного в сравнении с другими элитными группами участия предпринимателей в деятельности объединений, защищающих свои интересы и права граждан (автолюбители, потребители, обманутые дольщики и т.д.), литературных, музыкальных и иных культурных объединений, объединений по интересам (художественное или техническое творчество, туризм, коллекционирование и другие формы организации досуга), религиозных объединений, объединений для работы с детьми и молодежью, школьных родительских объединений.

Теперь сравним полученные данные со статистикой WVS. Возьмем для сравнения данные WVS за 1999–2001 годы по Швеции, которая считается образцом страны с высоким общественным капиталом, США, Китаю, России и наши данные по российским элитам. Поскольку перечень общественных объединений в нашей анкете не совпадает с классификатором добровольных ассоциаций, использованным в вопроснике WVS, мы соединим оба перечня, взяв за основу классификатор WVS (табл. 5).

Уже при первом взгляде на приведенные социологические данные видно, насколько мала общественная связность и активность в России. Что касается формально высокой численности профсоюзов, сохранявшейся до сих пор скорее по исторической инерции, то ее несоответствие действительному социальному содержанию вполне очевидно. По всем остальным категориям общественных объединений общероссийские показатели не только разительно отличаются от показателей развитых странах, но и уступают аналогичным показателям в Китае — попросту говоря, они стремятся к нулю.

В российском обществе, при всех разговорах о русской духовности и западном бездушном прагматизме, нет ничего подобного тому широкому добровольному движению солидарности и помощи людям с ограниченной дееспособностью, которое есть на Западе. Нет явления — нет и понятия: в современном русском языке отсутствует аналог англоязычного, но вполне переводимого на другие европейские языки выражения: *social welfare service*

Таблица 5. Сравнительные данные по участию в общественных объединениях

Общественные объединения	Доля респондентов, участвующих в объединениях, %				
	Швеция	США	Китай	Россия	Российская элита
Благотворительные объединения, помогающие престарелым и людям с ограниченной дееспособностью	20,8	16,8	2,9	1,5	–
Благотворительное сообщество для оказания социальной помощи	–	–	–	–	2,3
Религиозные общества	71,4	57,1	3,6	2,3	3,3
Образовательные, художественные, музыкальные и культурные общества	26,3	37,3	2,2	1,3	3,3
Профсоюзы	63,9	13,6	6,9	23,6	6,9
Политические партии и группы	10,5	19,2	8,3	0,7	11,2
Общественно-политическая организация	–	–	–	–	3,1
Деятельность местных сообществ	9,4	12,9	1,5	0,8	–
ТСЖ и иные соседские объединения	–	–	–	–	15,4
Движения за развитие третьего мира и права человека	15	5,5	0,4	0,1	–
Правозащитная организация	–	–	–	–	1,2
Общественное движение, объединение людей, защищающих свои интересы и права	–	–	–	–	3,8
Экологические группы и движения за права животных	11,3	15,6	1,2	0,7	3,9
Профессиональные ассоциации	14,4	28,0	1,2	0,9	14,6
Объединения для работы с детьми и молодежью	6,9	26,3	1,1	0,7	2,8
Объединение для спорта и рекреации	37,0	36,0	3,2	4,1	9,3
Женское движение	0	14,3	3,3	0,5	–
Движение за мир	1,5	4,5	0,9	0,1	–
Ветеранская организация	–	–	–	–	1,9
Братство, ассоциация взаимопомощи	–	–	–	–	1,9
Объединения для заботы о здоровье	6,7	16,7	2,7	0,7	–
Объединение болельщиков спортивной команды	–	–	–	–	2,1
Клуб с фиксированным членством	–	–	–	–	5,0
Другие объединения	24,9	21,8	0	1,2	8,6

for elderly, handicapped or deprived people. «Благотворительность» сегодня понимается как удел богатых и знатных, чуть ли не как статусная характеристика. Ну а «социальное обеспечение», или, по-старинному, «призрение», — это уж как бы по определению забота не «рядовых граждан», а государства. Между тем, чтобы положение с социальной адаптацией и обеспечением тех же ин-

валидов в России действительно улучшилось, оно должно стать не «национальным проектом», а общественным делом.

Другой важной формой общественной связи и общественного капитала являются школьные ассоциации родителей и учителей, которые весьма распространены, например, в США. У нас же такой общественный капитал — большая редкость. Наши родительские комитеты и попечительские советы, как правило, не являются устойчивыми и активными ассоциациями и совсем плохо выполняют задачу социального и педагогического взаимодействия родителей с учителями. Другими словами, как минимум две важнейшие общественные функции — забота о стариках и недееспособных и воспитание подрастающих поколений — являются в России сферой социального отчуждения, а вовсе не широкого общественного участия и взаимодействия граждан.

Национальная специфика проявится еще больше, если рассмотреть данные WVS по вопросу о том, *приходилось ли респондентам в последнее время выполнять неоплачиваемую работу в рамках упомянутых добровольных объединений*. Тут выясняется, что прагматичные шведы и сверхпрагматичные американцы не просто числятся в каких-то ассоциациях, не только сообщая проводят свободное время, но и довольно активно занимаются общественной работой. Например, 14% американцев в 1999 году приходилось выполнять неоплачиваемую работу по социальному обеспечению людей с ограниченной дееспособностью, 38% респондентов занимались общественной работой в религиозных организациях, 22% — неоплачиваемой работой с молодежью. В России же таких «тимуровцев» сегодня днем с огнем не найдешь, неоплачиваемая общественная работа — это не для нас.

Не менее интересно сравнить западные и российские показатели бескорыстной общественной активности с китайскими. Тут выясняется весьма любопытная тенденция: при очень скромных показателях численности добровольных гражданских объединений китайцы, как оказалось, очень часто выполняют бесплатную работу, связанную с соответствующими общественными вопросами. Так, 56% китайских респондентов указали в 2001 году, что им приходилось выполнять неоплачиваемую работу по социальному обеспечению людей с ограниченной дееспособностью, около 28% выполняли экологическую работу, 10% работали с молодежью. На первый взгляд, удивительное несоответствие между численностью добровольных объединений и показателями общественной активности граждан обнаруживает несхожесть социальных структур на Западе и в Китае. Возникшие относительно недавно гражданские ассоциации не единственно возможная форма проявления общественной солидарности и взаимодействия, которые существуют столько же времени, сколько существует человек. Достаточно сказать, что множество китайцев живут сельскими общинами либо связаны с ними узами землячества. Труднее сказать, что китайские респонденты подразумевали под неопла-

чиваемой работой в целях борьбы за мир или за права человека. Однако об этом это свидетельствует наверняка: китайцы воспринимают указание на участие в бескорыстной общественной деятельности как социально одобряемый ответ.

Рассмотренный пример показывает существенную неточность распространенных в западной социологии утверждений о превосходстве индивидуалистических культур над коллективистскими, в том числе и по части создаваемого в них общественного капитала³⁷. Тот, кто смотрит лишь на показатели распространенности и численности гражданских ассоциаций, просто не заметит значительного общественного капитала, который существует в непохожем на западный китайском мире. Определение европейских культур как индивидуалистических также грешит исторической и социологической неточностью и не столько проясняет, сколько затемняет суть дела. В европейских культурах кооперативные начала и принципы не менее важны, чем индивидуалистические. Всемирно значимым их достижением является отнюдь не разрушение, а творческая переработка традиционного коллективизма в современные формы кооперации и гражданства. Китайцам же еще предстоит найти ответы на вызовы, связанные с весьма противоречивыми процессами разрушения традиционных основ и неизбежного роста индивидуализма.

В России традиционные устои взорваны, а гражданские связи и принципы слабы. Поэтому общественная активность, включающая безвозмездную работу на общее благо, в столь разных контекстах западной и китайской цивилизаций представляется правильной и нормальной, а в России очень многими воспринимается как «дикость какая-то». Сказанное относится и к массовой аудитории, и к российским элитным группам. Показатели ассоциированности даже наиболее продвинутой части россиян значительно ниже средних показателей по населению в развитых странах. В то же время нельзя не видеть существенного продвижения вперед: показатели участия в общественных объединениях по российским элитным группам уже не похожи на чистый лист общероссийской гражданской статистики, оставленный опросом WVS за 1999 год.

В полном соответствии с доминирующими «ценностями выживания» по Инглхарту и установками потребительского индивидуализма российская элита обрастает социальными связями в первую очередь по осям *работа* и *жилье*, а также *продвижение вверх*. При этом для большинства российских общественно-политических, профессиональных, ветеранских, земляческих, религиозных и иных общественных объединений характерны «вертикализация» и ориентация на власть. Другими словами, «общественные связи» инте-

³⁷ См., напр.: *Лебедева Н.М., Татарко А.Н.* Ценности культуры и развитие общества. С. 161; *Allie J., Reallo A.* Individualism-Collectivism and Social Capital // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2004. Vol. 35. N 1.

ресуют представителей российских элитных групп прежде всего как социальный капитал — связи, которыми прирастает власть, влияние, карьера и богатство.

То, что социальный капитал концентрируется в социальных верхах, не новость. Интереснее другое: *является ли российская элита только держателем социального капитала власти или еще и создателем общественного капитала гражданского взаимодействия и кооперации?* На мой взгляд, есть основания для осторожного оптимизма.

Российская элита развития довольно общительна. Правда, человек элиты обычно реже встречается со своими друзьями, чем средний россиянин (а россияне в целом встречаются с друзьями гораздо реже, чем те же шведы и американцы), зато он чаще проводит свободное время с коллегами по работе. Данные WVS по России дают следующую частоту ответов на вопрос о неформальном общении с коллегами: 10,2% — «еженедельно», 14,6% — «один или два раза в месяц». Данные нашего опроса элитных групп таковы: 12,3% — «каждую неделю», 20,3% — «примерно раз в месяц».

Товарищеские отношения на работе, как уже отмечалось, весьма важны для представителей российских элитных групп, составляя одну из их приоритетных трудовых ценностей (62,5%). А на вопрос «Считаете ли Вы себя членом какого-либо сообщества, будь оно формальным или неформальным?» самым популярным ответом оказался следующий: «Сообщество коллег, "своя команда" по месту работы». Такой ответ выбрали 35,5% респондентов! Причем в ряде профессиональных групп этот показатель был еще выше: региональные чиновники — 37,7% (в то время как у федеральных чиновников лишь 17,8%!), предприниматели — 35,7%, журналисты — 41%, работники образования и науки — 53,9%, эксперты — 64,4%. Похоже, мы видим здесь подтверждение рабочей гипотезы Р. Патнэма о возможном росте общественного капитала на рабочем месте в противовес спаду гражданской активности³⁸.

Тот же Патнэм обращает внимание на такую важную форму общественно-го капитала, как отношения между соседями. По его данным, процент американцев, которые общаются со своими соседями чаще одного раза в год, медленно, но неуклонно уменьшался в течение последних 20 лет: от 72% в 1974 году до 61% в 1993 году. К сожалению, у нас нет общероссийских данных. Что же касается элитных групп, то на вопрос нашей анкеты «Как часто Вы встречаетесь для обсуждения совместных дел или просто ради общения со своими соседями?» были получены такие ответы: 10,6% — «каждую неделю»; 15,9% — «примерно раз в месяц»; 34,3% — «несколько раз в год»;

³⁸ См.: Патнэм Р. Игра в гольф в одиночку: размывание общественного капитала Америки. Первоначально текст опубликован в: *Journal of Democracy*. 1995. Vol. 6. N 1. P. 65–78. Интернет-версия данной статьи находится по адресу http://www.situation.ru/app/j_art_542.htm.

15,3% — «не чаще одного раза в год»; 23,9% — «вообще не встречаюсь». Таким образом, интенсивность соседского общения в российских элитах развития достигает средних американских показателей.

Новыми, значимыми и перспективными тенденциями нашей социальной жизни выступают создание и деятельность таких общественных объединений, как многочисленные профессиональные ассоциации, товарищества собственников жилья и другие соседские объединения, объединения людей в защиту своих прав и интересов, экологические группы и движения за права животных, сообщества для занятий с детьми и молодежью. Примечательно, что *показатели участия во всех перечисленных объединениях у элитных групп заметно выше, чем в среднем у населения, а в случае новых профессиональных ассоциаций и соседских сообществ элитные группы явно выступают их главными организаторами и участниками.*

Индикатором общественного капитала принято считать уровень межличностного доверия. Сравним произведенные за 1999–2001 годы в рамках WVS замеры уровня межличностного доверия в Швеции, США, Китае, России и наши данные по российским элитным группам.

Таблица 6. Сравнительные данные по уровню межличностного доверия

Вариант ответа	Доля респондентов, %				
	Швеция	США	Китай	Россия	Российская элита
Большинству людей можно доверять	63,7	35,5	52,5	22,9	35,2
Со всеми людьми следует быть очень осторожным	32,4	63,6	43,8	73,7	35,4
Затрудняюсь ответить	3,9	0,9	3,6	3,2	29,5

В отличие от данных WVS, в российских элитных группах зафиксирован высокий уровень затруднившихся с выбором между представленными альтернативными утверждениями. Что же касается частоты ответа «большинству людей можно доверять», то она в российской элите развития сравнялась с показателем доверия у населения США, который в последнее время заметно снизился.

Можно делать предварительные выводы. Наш общественный капитал даже в элитных группах невелик, он заметно уступает живому опыту общественно-го участия и взаимодействия как европейцев и американцев, так и китайцев. В то же время есть позитивная динамика. А первые шаги важны не потому, что коротки. В России тихо, не очень заметно идет генерирование и формирова-

ние новой социальной ткани. С учетом приведенных социологических данных, можно констатировать, что участие в этом процессе элитных групп развития является определяющим, можно сказать обществообразующим.

Итоговые выводы

Относительно российской элиты сложилось вполне определенное представление, которое тиражируется и в самих элитных группах, и в массовых аудиториях, а также за рубежом. Дело не в том, что это представление скорее плохое, чем хорошее. Предлагаю на время отвлечься от того, что такое хорошо и что такое плохо, и сосредоточиться на *социологическом содержании* тех характеристик, которые обычно приписываются российской элите теми или иными ее представителями. С разных точек зрения — скажем, правящей администрации или оппозиции, той или другой идеологической платформы — эти характеристики нередко оцениваются с противоположным знаком. Однако с «объективным» содержанием главных характеристик, похоже, все согласны. Сведу это содержание в четыре пункта.

1. Российская элита очень тесно связана с государственной властью. Она благодарна нынешней власти за возможность пользоваться благами экономического роста, дорожит своим положением и расположением власти, боится их потерять и потому не только не имеет, но и не хочет иметь своего собственного мнения, отличного от мнения власти.

2. Российская элита исповедует последовательный мировоззренческий релятивизм, ей чужды нормативно-ценностные подходы к оценкам действительности и собственной деятельности. Успешных людей в сегодняшней России интересует исключительно их личное преуспеяние, поэтому их поведение вполне предсказуемо и управляемо посредством главных стимулов: денег, статусных привилегий и наслаждений.

3. Российская элита приняла западный образ жизни и бытовые стандарты, но не принимает западные правила гражданской ответственности, публичной открытости и подотчетности.

4. Российская элита не заинтересована в построении общества, основанного на открытой конкуренции, а не на регулируемых сверху деятельностных, доходных и статусных привилегиях. Она вполне поддерживает правящий режим и преемственность его курса («План Путина») на сведение политической системы к административной вертикали власти плюс контроль правящей администрации над ключевыми экономическими активами страны.

Результаты проведенного нами опроса российских элитных групп опровергают по ряду существенных моментов вышеприведенные утверждения и заставляют подвергнуть их основательной ревизии.

При всей своей культурной ограниченности и общественной слабости российская элита обладает потенциалом общественного развития. Именно элитные группы выступают той средой, где в первую очередь происходит генерация новых социальных тканей, создание и рост *общественного капитала*. Проявление этой позитивной тенденции можно увидеть в росте числа и численности новых общественных объединений: разнообразных профессиональных ассоциаций, товариществ собственников жилья и других соседских объединений, объединений людей в защиту своих прав и интересов, добровольных групп для занятий с детьми и молодежью. Показатели участия во всех таких объединениях у элитных групп заметно выше, чем в среднем у населения. В целом 68% россиян, по данным WVS, не входят ни в одно общественное объединение. По данным нашего опроса, 62% респондентов из элитных групп воспринимают себя членами той или иной добровольной ассоциации (это не считая «своей команды» по месту работы).

Как оказалось, большинство успешных людей, составляющих российскую элиту развития — на государственной, гражданской и военной службе, в юриспруденции, в бизнесе и корпоративном управлении, в здравоохранении, науке и образовании, в массовой информации и публичной экспертизе, — *не связывают свои личные успехи с позитивным влиянием государственной политики и склонны скорее дистанцироваться от государства*.

В элитах развития явно преобладает критический взгляд на сложившуюся в стране систему управления и ее результативность. Как известно, правящая администрация рассматривает выстроенную в 2000-е годы вертикаль власти в качестве своего главного достижения и залога социальной стабильности. Но как раз в этом центральном пункте мнение правящей администрации резко расходится с мнением национальной элиты: абсолютное большинство участников опроса считают, что мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность. Такой разворот общественного мнения в элитных группах со всей очевидностью обнаруживает новые и важные социальные обстоятельства.

Во-первых, *укрепление вертикали власти более не воспринимается продвинутой частью* (и вряд ли только этой частью) *российского общества в качестве перспективной государственной идеи*; эффективность этого постулата — как для мобилизации воли нации, так и для легитимации правящего режима — сегодня крайне низка.

Во-вторых, *главным пунктом социальной и политической повестки национального развития отныне становится качество государства*.

Как видно из результатов опроса, российские элитные группы еще докризисной весной 2008 года фиксировали *функциональные провалы сегодняшне-*

го государства на жизненно важных направлениях социального развития: уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными; решение проблемы доступного жилья; обеспечение права на справедливый суд; развитие здравоохранения. Кроме того, преобладание негативных и крайне негативных оценок обнаруживает сферы явного неблагополучия в таких государственных делах, как обеспечение свободных выборов, развитие образования, установление и поддержание единых рыночных правил, обеспечение личной безопасности граждан и защита права частной собственности. Также велико в элитных группах недовольство тем, как государство определяет и реализует национальную экономическую стратегию.

Вопреки распространенным утверждениям, абсолютное большинство опрошенных представителей элитных групп (причем абсолютное большинство во всех группах, за исключением силовиков) не разделяет представления о том, что развитие российской нации должно зиждиться на безусловном примате государства в общественной и хозяйственной жизни. *Российская элита развития определилась с цивилизационным выбором*, если под таковым понимать выбор институциональных основ развития страны. Элитные группы практически едины в понимании того, что национальные системы жизнедеятельности необходимо развивать на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике.

В сознании российских элитных групп *укоренились вполне определенные представления о норме развития* в экономике, политике и социальной сфере, то есть о том, как должна развиваться страна, чтобы быть успешной, привлекательной для своих наиболее динамичных и продвинутых граждан, конкурентоспособной на мировых рынках. Как выясняется, лоббируемая и частично уже реализуемая на высшем уровне модель «государственного капитализма» *отнюдь не имеет широкой поддержки в российских элитах развития*. В своем абсолютном большинстве элиты ориентированы на нормальный капитализм с общими, действительно государственными, правилами игры, которые благоприятствуют честной конкуренции и широкому развитию предпринимательства.

Анализ полученных социологических данных позволяет выявить и сформулировать *актуальный запрос российских элитных групп* к государственному руководству страны на новый курс государственного управления и национального развития. В первую очередь следует выделить *точки элитного консенсуса*, то есть приоритеты развития, поддерживаемые абсолютным большинством во всех элитных группах. К таковым относятся:

- 1) приоритетность государственных инвестиций в развитие человеческого капитала;
- 2) коррекция стратегии реформы ЖКХ;

- 3) реальное обеспечение политической конкуренции, разделения властей, открытости и подотчетности власти обществу;
- 4) приведение партийной системы в состояние, достойное граждан свободной и цивилизованной страны;
- 5) переход от назначения глав регионов России президентом к иному порядку, основанному на выявлении общественного мнения и воли народа в регионах страны;
- 6) развитие самостоятельности местного самоуправления с закреплением за ним собственности и части налогов, которые могут обеспечить выполнение функций местного самоуправления.

Помимо указанных точек элитного консенсуса можно выделить *преобладающие мнения* по следующему ряду важных вопросов национального развития:

- необходимо системное государственное стимулирование частных и корпоративных инвестиций в основной капитал и технологическое перевооружение;
- нужно сделать порядок формирования правительства России более открытым, конкурентным, обеспечивающим реальное обсуждение альтернативных правительственных программ и выбор из них лучшей;
- следует усиливать парламентский контроль над исполнительной властью;
- необходимо реформировать судебную власть, обеспечив внекорпоративный контроль граждан (потребителей) плюс честные критерии и процедуры корпоративной ответственности судей;
- следует прекратить сегодняшнюю практику контроля властей над информационной политикой СМИ, но обеспечить действенный — общественный, а не бюрократический — контроль соблюдения общественных интересов в сфере массовой информации.

Судя по количеству противоположно направленных ответов, *«партия старого курса» составляет отнюдь не большинство, а меньшинство* — к ней можно отнести от одной четверти до одной трети всех опрошенных представителей элитных групп. Даже если прибавить к сторонникам «вертикалей» и госкорпораций людей, постоянно воздерживающихся от изъяснения своего мнения по общественно-политическим вопросам, «партию старого курса» удастся растянуть самое большее до 40% участников опроса. *«Чекисты»* — главные бенефициары сложившегося в 2000-е годы режима — по сути дела, единственная элитная группа, где «партия старого курса» абсолютно доминирует. При этом другая часть силовиков — *армейские офицеры* — не считают нынешний режим своим, настроены к нему негативно и хотят вовсе не преемственности, а изменений. Бюрократия в отличие от «чекистов» не только не едина, но, наоборот, сильно расколота. Даже в *федеральном чиновничестве* сторонники прежнего курса составляют не многим более половины, а *региональное чиновничество*,

недовольное степенью своего влияния на федеральные и региональные дела, еще более склонно поддержать институциональные изменения, направленные в сторону либерализации системы. Во всех остальных элитных группах число сторонников старого курса совсем не велико, не достигая ни в одной из групп и четверти респондентов. У *«партии старого курса»*, похоже, нет консолидирующих идей. Вертикаль власти уже не вдохновляет. Создание госкорпораций лишь увеличивает раскол и вражду. Западная угроза не очевидна и не достаточна. При этом *институциональная недостаточность самой системы очевидна почти всем* — даже во властных элитных группах, не говоря уже об экономических и общественных. Мало кто считает состояние действующих механизмов государственной власти и управления — будь то способ формирования правительства, назначение глав регионов, судебная или партийно-электоральная система — удовлетворительным и не требующим серьезных изменений.

Особое внимание следует обратить на позицию *бизнес-сообщества*, в первую очередь *предпринимательства*, как держателя экономических ресурсов и агента хозяйственного развития страны. В бизнес-среде довольно распространено представление о малой способности россиян к гражданской самоорганизации и дисциплине. В то же время многие российские предприниматели настороженно относятся к Западу, точнее, к политике Запада в отношении России. Обе эти установки, вполне вероятно, актуализировали в российском бизнес-сообществе идеи о желательности или даже необходимости для России *развивающего авторитаризма*. Если такая тенденция и имела место (у нас нет сравнимых данных), то сегодня она уже изжита. Крайне негативно оценивая результаты правящей администрации в «установлении и поддержании единых рыночных правил», *абсолютное большинство российских предпринимателей дружно возражают против концентрации экономических выгод в узкой группе государственных компаний, выступают за либерализацию общественно-политической жизни и развитие самостоятельности местного самоуправления*.

Похоже, это касается не только отечественного предпринимательства: *российские элиты пережили за 2000-е годы важный этап национального и классового развития*. Наше исследование зафиксировало те взгляды, ориентации и предпочтения, с которыми элитные группы вышли из «путинского периода», суть которого можно определить как попытку лечить слабость общественных институтов дедовским способом — бюрократическим централизмом — при растущей маркетизации и олигархизации государства. Удивительно или закономерно, но абсолютное большинство в экономических и общественных элитах, значительная часть бюрократии и изрядная часть силовиков (относительное большинство армейских офицеров и совсем не мизерное меньшинство «чекистов») сегодня готовы поддержать укрепление институтов разделения властей, верховенства закона, конкуренции, публичной прозрачности и подот-

четности. Необходимо подчеркнуть, что *сегодняшний институциональный выбор элитных групп основан не на абстрактных прогрессистских идеологиях, а на их практическом опыте (уже есть что сравнить) и прагматических, если угодно классовых, интересах.*

Результаты проведенного исследования показывают, что доля либералов, то есть тех, кто последовательно выступает за соблюдение принципов верховенства права и конкуренции, в российских элитных группах приближается к половине: 45,5% от числа всех участников опроса. Либеральные взгляды в российской элите разделяет почти каждый пятый силовик (чаще армейский офицер, реже сотрудник правоохранительных органов), каждый третий чиновник, около половины предпринимателей, менеджеров, юристов, врачей, абсолютное большинство элиты науки и образования, массовой информации и публичной экспертизы. Примечательно, что российские либералы отличаются более активным участием в общественных объединениях и создают ассоциации с более широким радиусом доверия: профессиональные, соседские, правозащитные, школьно-родительские, спортивные, культурные — другими словами, они активнее других создают национальный *общественный капитал.*

Что же следует из столь очевидных, судя по проведенным социологическим данным, тенденций? При более открытом и чутком к общественному мнению государственном устройстве консолидация либеральных предпочтений в экономических, гражданских, а в значительной мере и властных, элитных группах наверняка бы завершилась сменой правящей администрации и (или) политического курса. Для подобной — желательнее менее революционной и более процедурной — коррекции государственного курса, собственно, и существуют политические системы. Но в России сегодня политическая система не работает. Вертикаль власти отстраивалась все 2000-е годы с прямо противоположной целью — сколь можно уменьшить, а лучше вовсе исключить зависимость правящей администрации от воли и мнений управляемых, в том числе и элитных групп. Многие эксперты не раз предупреждали, что правящие верхи загоняют и себя и общество в институциональную ловушку, поскольку бюрократические механизмы полной стабильности на поверку могут оказаться механизмами заглупления кризиса и системной неадекватности.

Наша институциональная ловушка — это трудноизменяемый порядок функционирования государственных и политических учреждений. Но не только. Ведь заведенный порядок отношений в значительной степени определяет, формирует, рихтует общественное поведение людей. Поэтому, когда мы говорим о преобладающих сегодня в российских элитах мнениях и желании перемен, нужно делать существенные оговорки.

С одной стороны, *российские элиты в своем большинстве разделяют программный тезис президента Д.А. Медведева о том, что «свобода лучше несвободы», и готовы принять его за идейную основу национальной консоли-*

дации. Это крайне важный социологический факт, поскольку он составляет необходимое условие для начала преобразований и их возможного успеха.

С другой стороны, отечественные элитные группы не готовы к тому, чтобы самим начать общественные преобразования, ибо воспринимают они себя и действуют «как положено», то есть как объекты управления, им не хватает «субъектности» — способности к коллективным действиям и воли к определению государственной политики. Успешные люди новой России практикуют главным образом *стратегии индивидуального приспособления*, чужаются общественной активности и часто склонны к *социальному цинизму*. *Востребованная системой и доведенная до совершенства индивидуальная приспособляемость превратила российскую элиту в элиту приспособленцев*.

Дело не только в страхе перед властью. Люди, исповедующие *потребительский индивидуализм*, сосредоточенные на индивидуальном выживании, приспособлении и личной конкуренции, по определению не доверяют друг другу. «Горизонтальное» недоверие внутри элитных групп очень глубоко и едва ли не превышает недоверие к официальным учреждениям и начальству. Ревнивое недоверие друг к другу более всего подрывает способность «лучших людей» к гражданскому взаимодействию вообще и коллективному влиянию на власть в особенности — причем не только по «глобальным» вопросам, но и в ситуациях, непосредственно затрагивающих их жизненные интересы. В этом и проявляется *фундаментальная ограниченность, недостаточность общественно-го капитала у россиян — даже на уровне элитных групп развития*.

Итак, потребительский приспособленческий индивидуализм и взаимное недоверие в элитах вкупе с особенностями «суверенной демократии» сильно затрудняют нормальный политический выход из кризиса — через образование реальных обновленческих партий либо фракций внутри партии власти. Но затрудняют — не значит исключают. Как долго еще могла бы копиться разница потенциалов между довольно либеральными российскими элитами и олигархической системой бюрократического капитализма? Неизвестно, да уже и неважно. Поскольку *экономический кризис, начавшийся осенью 2008 года, перевел смену государственного курса из разряда благих пожеланий в вопрос жизненно важного выбора*. Резкое сокращение сырьевой и монополистической ренты, обострение конкуренции за ресурсы в элитных группах вообще и в элите господства в особенности обещают быстрые похороны приторного консенсуса. Той части государственных верхов, которая возьмется за системное обновление, и заинтересованным в таком обновлении российским элитным группам в отсутствие адекватных механизмов коррекции государственного курса придется искать выходы из институциональных ловушек. Общие приоритеты востребованных изменений и некоторые конкретные институциональные решения протестированы в проведенном и представленном нами исследовании.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ДАННЫЕ ОПРОСА «ЭЛИТА РАЗВИТИЯ — 2008»

1. С какой из оценок развития нашей страны в 2000-е годы Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Россия поднялась с колен, доказала свою глобальную конкурентоспособность. Во внутренних делах стало больше порядка, повысилась управляемость трудноуправляемой страны. Государство, компенсируя невысокий уровень самоорганизации российского населения, в целом успешно определяет и реализует стратегию национального развития	43,0	64	61	9	70	44	47	36	37	24
Российская элита не использовала внутренние и внешние возможности диверсифицировать экономику и обеспечить качество развития, адекватное вызовам глобальной конкуренции. Вместо модернизации происходит деградация институтов, примитивизация экономики и государственного управления	47,7	31	31	79	23	48	45	51	53	68
Затрудняюсь ответить	9,3	4	8	12	7	8	8	13	10	8

2. Как Вы оцениваете выполнение сегодняшним Российским государством своих главных функций?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)											
		Чиновники		Армия		«Чекисты»		Юристы		Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Юристы	Предприниматели						
2.1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГРАЖДАН:													
хорошо: имеются серьезные достижения	5,2	4	5	14	3,5	0	4	10	3	4			
в целом удовлетворительно	34,0	40	50	12	49	28	34	29	39	16			
скорее неудовлетворительно	40,6	40	31	14	37	44	42	43	44	53			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	18,6	16	13	61	7	26	20	15	14	23			
затрудняюсь ответить	1,6	0	1	0	4	2	0	2,5	1	3			
2.2. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД:													
хорошо: имеются серьезные достижения	3,7	2	2	16	7	1	3	6	2	2,5			
в целом удовлетворительно	22,4	29	31	0	26	20	25	27	20	11			
скорее неудовлетворительно	41,1	40	47	33	46	46	35	39	44	37,5			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	29,4	27	16	49	14	32	35	25	29	47			
затрудняюсь ответить	3,4	2	4	2	7	1	2	2,5	5	2,5			
2.3. ЗАЩИТА ПРАВА ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:													
хорошо: имеются серьезные достижения	5,0	2	4	30	7	1	2	7	2	6			
в целом удовлетворительно	32,4	36	50	23	46	28	27	31,5	30	18			
скорее неудовлетворительно	44,8	51	35	35	35	49	46	44	51	49			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	14,9	9	9	9	9	19	22	12	13	24			
затрудняюсь ответить	2,9	2	1	2	3	2	3	5	3	3			

2. Как Вы оцениваете выполнение сегодняшним Российским государством своих главных функций? (Продолжение)

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)											
		Чиновники		Армия		«Чекисты»		Юристы		Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Юристы	Предприниматели						
2.4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА:													
хорошо: имеются серьезные достижения	10,9	18	14	16	23	3	8	15	7	6			
в целом удовлетворительно	38,7	42	46	35	54	39	43	40	36	19			
скорее неудовлетворительно	25,9	24	25	26	12	38	22	23,5	25,5	33			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	22,5	16	14	21	9	17	23	18,5	31	39			
затрудняюсь ответить	2,0	0	1	2	2	2	4	3	0,5	3			
2.5. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЙ:													
хорошо: имеются серьезные достижения	40,1	44	48	7	56	43	56	38	42	28			
в целом удовлетворительно	41,2	36	37	44	32	36	32	47	42	47			
скорее неудовлетворительно	12,0	16	13	40	7	17	7	8	9	12			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	4,1	2	1	2	0	3	0	6	4	12			
затрудняюсь ответить	2,6	2	1	7	5	1	5	2	3	2			
2.6. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ ОБЪЕДИНЕНИЙ:													
хорошо: имеются серьезные достижения	14,9	18	25	5	28	8	9	18	12,5	9			
в целом удовлетворительно	39,1	49	43	40	54	36	49	37	35	23			
скорее неудовлетворительно	25,3	20	21	28	9	37	18	26	28	34			
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	13,9	7	8	14	2	16	16	8	17	30			
затрудняюсь ответить	6,9	7	3	14	7	3	8	11	7,5	4			

2. Как Вы оцениваете выполнение сегодняшним Российским государством своих главных функций? (Продолжение)

Ответы	Данные по массову в целом (%)	Данные по элитным группам (%)										
		Чиновники		Армия		«Чекисты»		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»							
2.7. ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДНЫХ ВЫБОРОВ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	10,3	9	15	19	21	3	5	15	8	5		
в целом удовлетворительно	25,8	47	40	12	49	24	19	23	26	8		
скорее неудовлетворительно	27,4	18	24	19	14	34	43	25	29	22		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	33,2	20	20	47	9	38	31	32	36	60		
затрудняюсь ответить	3,2	7	1	4	7	1	2	5	1	5		
2.8. УСТАНОВЛЕНИЕ И ПОДДЕРЖАНИЕ ЕДИНЫХ РЫНОЧНЫХ ПРАВИЛ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	3,9	2	3	12	7	0	1	9	3	3		
в целом удовлетворительно	27,8	51	44	26	33	15	19	27	25,5	21		
скорее неудовлетворительно	41,1	33	33	14	42	56	46	37	43,5	49		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	20,3	4	15	30	9	20	33	22	19	21		
затрудняюсь ответить	6,9	9	5	18	9	9	1	5	9	6		
2.9. РЕАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	5,8	9	8	2	9	5	3	9	5	4,		
в целом удовлетворительно	32,6	53	47	14	44	35	29	31	28	22		
скорее неудовлетворительно	38,1	24	30	44	32	43	48	35	40	50		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	14,4	9	9	21	11	8	15	18	14	17		
затрудняюсь ответить	9,2	4	6	19	4	9	4	8	13	7		

2. Как Вы оцениваете выполнение сегодняшним Российским государством своих главных функций? (Продолжение)

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)										
		Чиновники		Армия		«Чекисты»		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»							
2.10. РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	4,7	2	5	0	5	2	4	10	4	3		
в целом удовлетворительно	30,1	36	39	12	44	18	40	30	23	24		
скорее неудовлетворительно	40,8	33	42	42	32	52	34	34	46	48		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	21,7	29	13	47	19	26	18	22	25	21		
затрудняюсь ответить	2,7	0	1	0	0	2	4	4	2	4		
2.11. РАЗВИТИЕ ЗАРОВОХРАНЕНИЯ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	3,8	4	6	2	2	1	1	9	2	3		
в целом удовлетворительно	24,0	36	35	12	26	18	23	22	24	18		
скорее неудовлетворительно	42,4	33	41	23	42	49	48	39	48	39		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	25,7	27	16	54	26	28	22	26	23	33		
затрудняюсь ответить	4,1	0	2	9	4	3	6	4	3	7		
2.12. РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПНОГО ЖИЛЬЯ:												
хорошо: имеются серьезные достижения	2,8	2	2	14	2	0	1	6	2	3		
в целом удовлетворительно	12,8	20	17	2	16	11	11	18	9	9		
скорее неудовлетворительно	35,9	33	47	2	39	36	47	23	42	29		
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	44,5	40	33	72	44	47	36	49	45	54		
затрудняюсь ответить	4,1	4	1	9	0	6	5	6	2	4		

2. Как Вы оцениваете выполнение сегодняшним Российским государством своих главных функций? (Продолжение)

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)												
		Чиновники		Армия		«Чекисты»		Юристы		Предприниматели		Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Юристы	Предприниматели							
2.13. УМЕНЬШЕНИЕ РАЗРЫВА В ДОХОДАХ МЕЖДУ БОГАТЫМИ И БЕДНЫМИ:														
хорошо: имеются серьезные достижения	3,5	2	1	14	4	1	1	9	2	3				
в целом удовлетворительно	7,5	7	10	0	5	3	7	13	7	5				
скорее неудовлетворительно	31,5	40	35	2	42	35	41	25	29	28				
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	53,7	47	52	84	46	56	44	50	59	58				
затрудняюсь ответить	3,8	4	2	0	3	5	6	3	2	6				
2.14. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ:														
хорошо: имеются серьезные достижения	11,5	13	13	2	19	8	11	18	8	8				
в целом удовлетворительно	44,1	58	58	26	51	42	35	38	46	43				
скорее неудовлетворительно	22,4	18	15	23	18	20	32	24	22	26				
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	10,0	4	4	47	7	6	13	8	6	17				
затрудняюсь ответить	12,1	7	10	2	5	24	9	12	18	6				
2.15. ПОВЫШЕНИЕ АВТОРИТЕТА И ВЛИЯНИЯ СТРАНЫ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ:														
хорошо: имеются серьезные достижения	26,5	44	40	5	39	30	20	26	24	15				
в целом удовлетворительно	42,4	40	46	49	47	37	41	41	45	38				
скорее неудовлетворительно	19,0	9	10	26	9	21	25	24	17	25				
совершенно неудовлетворительно: ситуация развивается в неприемлемом направлении	8,4	4	3	16	0	3	13	5	11	18				
затрудняюсь ответить	3,7	2	2	5	5	9	1	4	3	6				

3. С какой из оценок вертикали власти, укрепившейся в 2000-е годы, Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге повысили эффективность управления в стране, сократили масштаб произвола и коррупции местных властей	29,2	56	46	19	49	25	23	27	23	14
Мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность	60,7	33	43	70	46	65	67	63	64	79
Затрудняюсь ответить	10,1	11	11	11	5	10	10	10	13	7

4. Существуют разные мнения о причинах негативных процессов и трудностей на пути развития России. С каким мнением Вы согласны?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»						
Отказ от государственной собственности на основные средства производства и, соответственно, от государственного планирования и управления развитием национальной экономики	10,9	9	21	12	19	8	7	11	10	2	
Отсутствие национальной идеи, консолидирующей элиту и народ. Доминирующий образ жизни и мысли выгоден для 10-15 млн человек, но лишает нацию главного – идеальных тяготений и готовности жертвовать, без чего само существование государства немислимо	31,4	31	42	30	47	23	27	35	22	32	
Целеустремленная и последовательная политика Запада, направленная на ослабление России	19,2	36	21	23	21	12	26	18	17	10	
Слабая способность россиян к самоорганизации, а также к гражданской ответственности и дисциплине – особенно когда речь идет не о войне, а о мирной жизни	45,8	40	42	56	30	34	58	45	50	47	
Неразделенность власти и бизнеса создает порядок, когда держатели политических и экономических ресурсов приватизируют государственные институты и заинтересованы в сохранении закрытой монополизированной системы	57,2	53	45	30	51	73	57	56,	69	60	
Другое	4,7	4	5	0	0,0	4,5	2	1	5	14	
Затрудняюсь ответить	1,5	0	1	0	2	1	2	1	1	3	

5. Как соотносятся Ваши собственные успехи последних лет с политикой государства в сфере Вашей профессиональной деятельности?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
На моей профессиональной деятельности политика государства оказалась позитивно	27,1	51	51	5	46	14	22	25	19	19
Мою профессиональную деятельность политика государства никак не затрагивает	39,0	22	15	33	32	61	36	49	53	34
Мои успехи достигнуты скорее не благодаря, а вопреки воздействию и результатам политики государства	25,8	18	21	54	14	19	38	18	23	36
Затрудняюсь ответить	8,1	9	12	8	8	7	4	8	5	11

6. Ниже перечислены некоторые стороны трудовой деятельности, которые обычно считаются важными. Выберите те из них, которые важны лично для Вас

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)											
		Чиновники		Силовики		Юристы		Предприниматели		Менеджеры		Медицина, наука, образование	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экстериза			
Хороший заработок	86,2	80	87	54	90	90	87	88	90	86			
Хорошие отношения с людьми на работе	62,5	58	60	65	58	52	53	63	76	67			
Не слишком большая напряженность	12,7	11	6	5	4	19	13	20	16	9			
Стабильная работа	54,3	67	61	58	74	53	44	52	64	33			
Хорошие возможности для продвижения	43,6	51	59	28	51	46	37	48	39	29			
Работа, уважаемая широким кругом людей	44,1	47	58	21	46	44	39	36	52	39			
Удобный график работы	39,5	22	19	37	25	58	39	37	55	47			
Возможность проявить инициативу	46,3	38	50	37	23	34	50	42	57	53			
Общественный смысл, миссия	41,6	44	54	21	33	39	36	29	45	55			
Большой отпуск	17,8	18	11	9	25	29	9	20	32	5			
Новые знакомства, коммуникации	35,9	36	38	7	25	39	35	39	29	53			
Работа, дающая ощущение, что ты можешь чего-то достичь	59,9	67	65	49	51	54	68	56	64	53			
Ответственная работа	40,0	60	58	40	56	27	35	42	34	24			
Интересная работа	72,2	67	67	63	42	74	69	75	85	78			
Работа по способностям	20,3	18	23	30	12	12	14	21	29	18			

7. Цивилизационный выбор России остается предметом жарких споров. Какой вариант ответа представляется Вам более адекватным и полезным?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Россия – особая цивилизация, принципиально несхожая ни с Европой (Западом), ни с Азией (Востоком). Нам необходимо отстаивать и развивать самобытность экономического и политического строя российской нации на основе безусловного примата государственной власти	27,2	22	30	49	49	21	41	24	20	11
Для обеспечения социальной эффективности российско-го государства и конкурентоспособности страны в условиях глобализации нам необходимо развивать свои национальные системы жизнедеятельности на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью + конкуренция в экономике и политике	65,9	71	62	40	44	73	54	69	75	80
Затрудняюсь ответить	6,9	7	8	11	7	6	5	7	5	9

8. Какой из вариантов экономической политики Вы бы скорее поддержали?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Установление государственного контроля над ключевыми отраслями и активами национальной экономики. Ставка на «чемпионов» – мегакорпорации, как правило, с государственным участием, – которые нужно использовать для реализации экономических мегапроектов внутри страны и конкуренции на глобальных рынках	20,4	24	25	33	47	19	20	21	15	5
Нужно не усугублять монополизацию и концентрацию экономических выгод в узкой группе государственных компаний, а создавать благоприятные условия для всех национальных экономических игроков, формировать переговорные площадки (бизнес, потребители, федеральные и региональные власти), стимулировать развитие малого и среднего бизнеса, по уровню и влиянию которых Россия сильно отстает от развитых стран	70,6	64	64	49	47	67	77	74	72	88
Затрудняюсь ответить	9,0	11	12	19	6	14	3	5	13	7

9. В последнее время время идет активное создание государственных корпораций. С каким из мнений на этот счет Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Создание государственных корпораций, позволяющее сконцентрировать ресурсы и усилить роль президента в экономическом управлении, оправданно и полезно для модернизации национальной экономики, реализации больших проектов и конкуренции на глобальных рынках	31,3	44	46	58	60	33	22	22	26	14
Госкорпорации создаются по индивидуальным законам, выводящим их из-под действия общего корпоративного, бюджетно-финансового и прочего законодательства, то есть формируется некая экономическая «опричнина», проверить эффективность которой невозможно. Поэтому за исключением стейкфисческих случаев, вроде ГК «Банк развития», создание госкорпораций неоправданно и вредно для модернизации национальной экономики	48,0	36	31	23	21	45	62	60	48	68
Затрудняюсь ответить	20,7	20	23	19	19	22	16	18	26	18

10. Какие действия в сфере финансовой политики государства Вы бы поддержали?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)						Информация, эксперта		
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели		Менеджеры	Медицина, наука, образование
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Посредательное ограничение роста денежной массы в целях борьбы с инфляцией	11,3	11	18	23	14	6	6	14	10	
Устойчивое увеличение государственных инвестиций в человеческий капитал. Опережающий рост бюджетных расходов на здравоохранение, образование и профессиональное обучение, науку, информатизацию	70,0	76	76	42	70	73	61	85	72	
Устойчивое увеличение государственных инвестиций в основной капитал: прямое и косвенное субсидирование развития стратегически важных отраслей и инфраструктуры — в первую очередь через госкорпорации и компании с государственным участием	24,1	33	26	40	28	19	26	19	11	
Создание налоговых, таможенных и иных стимулов для бизнеса увеличивать инвестиции в основной капитал и ускорять технологическую модернизацию	53,8	49	51	16	30	58	69	45	70	
Сохранение приоритетного роста бюджетных расходов на государственное управление, внутреннюю безопасность и правоохранительные органы	6,6	7	9	21	18	2	10	5	1	
Затрудняюсь ответить	3,3	4	0	9	5	4,5	3,5	2	6	

11. Одним из ключевых вопросов модернизации экономики и развития общества в России является проблема ЖКХ. С каким из экспертных мнений о реформе ЖКХ Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Для успешного решения проблемы ЖКХ необходимо и достаточно выполнять принятую программу реформы ЖКХ, то есть решить три программные задачи: поэтапный переход к 100%-й оплате населением жилья и коммунальных услуг; предоставление жилищных субсидий семьям, у которых платежи за ЖКУ превышают 22% семейного бюджета; формирование конкурентного рынка ЖКУ	14,3	16	18	0	12	10	22	16	7	19
Реформа ЖКХ нуждается в существенном дополнении. Для того чтобы привести в равновесие цены на рынке ЖКУ и доходы собственников и арендаторов жилья, необходимо повысить зарплату бюджетникам и пенсии до уровня, покрывающего стоимость воспроизводства рабочей силы, включая расходы на содержание жилья в ЖКУ, медицинское и пенсионное страхование, образование. Это позволит повысить до нормального уровень монетизации экономики и расширить цель проблем либерализации рынков электроэнергии, газа и ЖКУ	63,3	64	68	51	68	65	61	55	72	58
Начатая реформа ЖКХ вредна, и ее следует свернуть. Государство должно обеспечивать низкие цены на ЖКУ, электроэнергию, газ, а также жилье для очередников, льготы и жилищные субсидии	12,5	14	11	30	16	16	9	17	12	3
Затрудняюсь ответить	10,0	7	3	19	4	9	8	12	9	20

12. В каком направлении, на Ваш взгляд, следует развивать политическую систему России?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы		Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Федералы	Регионалы				
Укреплять вертикаль власти во главе с президентом	23,7	47	37	23	51	21	20	22	16	7	
Перестраивать систему так, чтобы реально обеспечить политическую конкуренцию, разделение властей, открытость и подотчетность власти обществу	67,7	44	53	65	46	71	73	71	72	87	
Затрудняюсь ответить	8,6	9	10	12	3	8	7	7	12	6	

13. С каким из мнений о способе формирования Правительства России Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы		Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Федералы	Регионалы				
Следует сохранить действующий порядок, когда правительство фактически формируется президентом, а участие Государственной Думы сводится к одобрению предложенной президентом кандидатуры председателя правительства	26,3	49	39	9	56	20	20	23	20	19	

13. С каким из мнений о способе формирования Правительства России Вы бы скорее согласились?
(Продолжение)

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Целесообразно ввести в практику конкурсное предложение правительственных программ не менее чем двумя конкурирующими командами политиков в Государственной Думе, которая после обязательного обсуждения проводит рейтинговое голосование, а президент, предлагая Думе кандидатуру на пост председателя правительства, может учесть расклад мнений в палате (введение такой практики не требует изменения конституции)	36,7	22	35	35	26	35	37	45	33	45
Следует изменить конституцию и установить порядок формирования правительства партией или партиями, которые по итогам выборов получили большинство мест в Государственной Думе	16,1	7	11	35	4	18	23	16	14	19
Следует изменить конституцию и установить порядок, когда президент официально является главой исполнительной власти и формирует правящую администрацию	9,0	11	8	16	9	15	6	6	11	9
Затрудняюсь ответить	12,0	11	7	5	5	12	14	10	23	8

14. Принято считать, что парламент должен контролировать исполнительную власть. С каким из мнений о контрольных прерогативах российского парламента Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
На сегодняшний день Государственная Дума Российской Федерации обладает достаточными контрольными прерогативами и их дополнительное расширение нецелесообразно	29,8	52	37	51	56	20	29	26	22	18
Контрольные прерогативы Государственной Думы Российской Федерации необходимо расширить в части проведения парламентских расследований деятельности органов исполнительной власти, государственных должностных лиц и организаций в случаях, вызывающих большую общественную озабоченность	53,7	43	46	37	32	69	55	53	58	66
Затрудняюсь ответить	16,5	5	17	12	12	11	16	21	20	16

15. В каком направлении, на Ваш взгляд, следует развивать российскую партийную систему?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Сложившаяся партийная система не нуждается в принципиальных изменениях	18,7	27	32	23	39	9	18	14	15	6
Нужно закрепить руководящую роль «Единой России» в партии парламентского большинства формировать правительство	5,3	9	8	2	5	5	4	8	4	2
Необходимо освободить регистрацию и допуск политических партий к выборам от порождающих административный произвол и коррупцию ограничений и проводить свободные конкурентные выборы	42,7	36	25	23	23	55	42	44	51	63
Нужно проводить свободные конкурентные выборы и, внеся изменение в конституцию, закрепить право победившей на свободных выборах партии формировать правительство	21,4	11	20	40	18	18	28	20	20	21
Затрудняюсь ответить	12,0	16	16	12	16	14	8	14	9	9

16. Какой из вариантов реформирования судебной власти в России Вы бы скорее поддержали?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Судебная реформа в основных направлениях завершена, сегодня судебная власть нуждается не в перестройке, а в устойчивом финансировании и повышении авторитета	4,9	0	6	7	9	11	2	4	3	4
Необходимо укреплять судебную вертикаль и государственный контроль над работой судей. Для борьбы с коррупцией и вредным корпоративизмом нужно упростить процесс привлечения судей к административной и уголовной ответственности, закрепить за президентом России право в определенных законом случаях досрочно прекращать полномочия федеральных судей	27,1	46	29	33	67	26	31	26	16	13
Необходимо обеспечить общественный внекорпоративный контроль работы судей. Для этого следует законодательно обязать квалификационные коллегии судей (ККС) рассматривать жалобы граждан (а не представления председателей судов, как сейчас) и фиксировать все процессуальные нарушения, допущенные тем или иным судьей. Тогда при определенном количестве нарушений решение о досрочном прекращении полномочий судьи принимается ККС автоматически, притом ККС не вправе прекращать полномочий судьи ни по какой другой причине	53,2	39	45	47	19	54	56	52	64	71
Затрудняюсь ответить	14,8	15	20	14	5	9	11	18	17	13

17. Какой из способов избрания глав субъектов Российской Федерации представляется Вам более целесообразным?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		«Чекисты»	Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	Регионалы						
Действующий порядок, когда кандидатуру на пост главы субъекта Федерации определяет президент России и предлагает ее на одобрение региональному законодательному собранию, при этом президент России вправе распустить региональное законодательное собрание в случае упорного несогласия последнего одобрить предложенную кандидатуру	18,5	30	28	16	37	10	19	15	14	12	
Конкурсный выбор главного должностного лица субъекта Федерации – не менее чем из двух претендентов и с обязательным обсуждением их программ – региональным законодательным собранием с закреплением за президентом России права вето	30,4	21	29	23	25	23	29	39	35	31	
Прямые выборы главы субъекта Федерации населением	47,8	46	42	58	33	65	48	42	48	55	
Затрудняюсь ответить	3,3	3	1	2	5	2	4	4	3	2	

18. В каком направлении, на Ваш взгляд, следует развивать систему местного самоуправления в России?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»	Курсы	Предприниматели					
Сложившаяся система местного самоуправления в России не нуждается в принципиальных изменениях	7,7	11	11	0	21	11	4	9	4	3
Органы местного самоуправления необходимо встроить в единую вертикаль власти, возглавляемую президентом России	16,8	16	20	14	33	21	19	18	13	7
Необходимо развивать самостоятельность местного самоуправления и дать ему возможность формировать свои доходы, включая установление собственных налогов и сборов по решению местных представительных органов	62,6	50	60	56	40	53	68	56	71	81
Затрудняюсь ответить	12,9	23	9	30	5	14	9	17	12	9

19. С каким мнением о политике в сфере массовой информации Вы бы скорее согласились?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
В интересах социальной и политической стабильности целесообразно сохранять контроль государства над информационной политикой главных СМИ	23,6	27	33	44	58	16	22	15	20	12
Большинство СМИ нужно просто выставить на рынок – это заставит их соответствовать потребительскому спросу и обеспечит необходимую альтернативность информации	11,8	13	18	0	5	7	13	21	6	9
Чтобы свобода слова и право на информацию были действительной нормой, необходимо исключить политическую цензуру на главных телеканалах, а также обеспечить существование ряда СМИ с общественным или автономным статусом, то есть неподконтрольных ни власти, ни крупному капиталу	55,9	40	35	40	23	65	59	60	67	79
Затрудняюсь ответить	8,7	20	14	16	14	12	6	4	7	0

20. Считаете ли Вы себя членом какого-либо сообщества, будь оно формальным или неформальным?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»						
Церковная община	2,6	2	2,5	0	0	0	3,5	3,1	3,3	4,2	
Иное религиозное общество	0,7	0	0,6	0	0	1,1	0,7	1,8	0,5	0,5	
Политическая партия	11,2	13	28	23	7	5,6	13,3	4,3	7,6	1,7	
Общественно-политическая организация	3,1	2	6	2,3	0	6,7	3,5	2,5	1,1	1,1	
Профсоюз	6,9	20	8	0	9	1,1	2,1	8,6	12,0	1,7	
Иное профессиональное объединение	14,6	16	10	0	7	17	25,2	8,0	21,2	13,3	
Сообщество коллег, "своя команда" по месту работы	35,5	18	38	16	23	27	35,7	25,2	48,4	52,5	
Правозащитная организация	1,2	0	0,6	0	0	5,6	1,4	0,6	0,5	1,7	
Общественное движение, объединение людей, защищающих свои интересы и права	3,8	2	5,0	2,3	0	2,2	6,3	3,1	3,3	5	
Товарищество собственников жилья	13,4	22	14	2,3	7	24	10,5	12,9	15,8	9,2	
Иное соседское объединение	2,0	0	1,9	0	1,8	0	4,3	2,2	2,2	4,2	
Школьная или клубная ассоциация родителей	1,3	0	1,9	0	0	0	2,1	0,0	2,2	2,5	
Сообщество для занятий с детьми, молодежью	1,5	0	1,3	0	0	2,2	2,8	0,6	2,2	1,7	
Благотворительное сообщество для оказания социальной помощи	2,3	0	2,5	0	5,3	1,1	2,8	3,7	2,2	0,8	
Ветеранская организация	1,9	0	1,9	14	8,8	0,0	2,1	0,6	0	0,8	
Братство, ассоциация взаимопомощи	1,9	0	1,3	2,3	14	1,1	1,4	1,8	0,5	0,8	
Экологическое объединение	1,0	0	1,3	0	1,8	1,1	2,1	1,2	0,5	0	
Объединение любителей животных	2,9	2	1,9	28	3,5	2,2	1,4	1,2	2,2	0,8	
Спортивный клуб, сообщество для занятий спортом	9,3	9	13	9,3	8,8	3,4	18,2	9,8	3,8	6,7	
Объединение болельщиков спортивной команды	2,1	0	1,9	12	3,5	3,4	2,8	0,6	0	2,5	

20. Считаете ли Вы себя членом какого-либо сообщества, будь оно формальным или неформальным? (Продолжение)

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Литературное, музыкальное или иные культурные объединения	3,3	0	3,1	5	3,5	0	5,6	1,2	5,4	3,3
Клуб с фиксированным членством	5,0	4	4,4	9	1,8	4,5	11,2	4,3	2,2	4,2
Объединение по интересам	5,5	2	5,7	0	3,5	7,9	5,6	3,1	8,2	6,7
Сетевое (Интернет) сообщество	13,8	4	8,8	30	8,8	7,9	11,2	16,6	10,3	29,2
Другое	3,1	0	2,5	2,3	3,5	5,6	3,5	2,5	3,8	2,5
Не состою и не считаю себя членом какого-либо сообщества	25,4	36	18	40	28	26	22	35	18,5	26

21. Как часто проводите свободное время вместе с коллегами по работе?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)								
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»					
Каждую неделю	12,3	7	11	40	7	4,5	9	20	9	13
Примерно раз в месяц	20,3	7	15	7	12	10	31	25	21	29
Несколько раз в год	45,0	48	57	16	61	35	51	34	49	38
Не чаще одного раза в год	9,9	18	10	9	5	26	6	11	8	4
Вообще не провожу	12,6	21	7	28	14	24	3,5	10	14	15

22. Как часто Вы встречаетесь для обсуждения совместных дел или просто ради общения со своими соседями?

Ответы	Данные по массе в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»						
Каждую неделю	10,6	2	13	12	14	7	8	12	12	10	
Примерно раз в месяц	15,9	14	13	26	11	7	15	29	14	13	
Несколько раз в год	34,3	36	45	26	30	34	38	24,5	39	27	
Не чаще одного раза в год	15,3	21	11	12	18	28	18	13,5	15	9	
Вообще не встречаюсь	23,9	27	18	25	28	24	20	21,5	20	41	

23. Как часто Вы встречаетесь с друзьями, которые живут не по соседству

Ответы	Данные по массе в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»						
Каждую неделю	15,5	16	20	5	9	12	13	18	14	22	
Примерно раз в месяц	32,6	30	30	26	28	28	34	44	25	40	
Несколько раз в год	42,2	48	41	54	49	49	36	31	54	35	
Не чаще одного раза в год	8,2	7	7,5	16	14	12	13	7	6	2	
Вообще не встречаюсь	1,4	0	2	0,0	0,0	0,0	3,5	1	1	2	

24. С каким из мнений Вы скорее согласны?

Ответы	Данные по массиву в целом (%)	Данные по элитным группам (%)									
		Чиновники		Силовики		Юристы	Предприниматели	Менеджеры	Медицина, наука, образование	Информация, экспертиза	
		Федералы	Регионалы	Армия	«Чекисты»						
Большинству людей можно доверять	35,2	25	40	42	26	24	32	33	40	42	
Со всеми людьми нужно быть очень осторожными	35,4	41	34	33	35	34	48	45	22	30	
Затрудняюсь ответить	29,5	34	26	25	39	42	20	22	38	28	

Российские либералы: общественный капитал

Ответы	В целом по массиву, %	«Государственники» (респонденты, выбравшие первый вариант ответа на вопросы № 7, 8, 12), %	Либералы (респонденты, выбравшие второй вариант ответа на вопросы № 7, 8, 12), %
20. СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ЧЛЕНОМ КАКОГО-ЛИБО СООБЩЕСТВА. БУДЬ ОНО ФОРМАЛЬНЫМ ИЛИ НЕФОРМАЛЬНЫМ?			
Церковная община	2,6	1,5	2,9
Иное религиозное общество	0,7	1,5	0,9
Политическая партия	11,2	14,7	7,9
Общественно-политическая организация	3,1	2,9	3,5
Профсоюз	6,9	5,9	7,5
Иное профессиональное объединение	14,6	10,3	15,1
Сообщество коллег, «своя команда» по месту работы	35,5	19,1	43,2
Правозащитная организация	1,2	0,0	2,2
Общественное движение, объединение людей, защищающих свои интересы и права	3,8	1,5	4,2
Товарищество собственников жилья	13,4	7,4	15,1
Иное соседское объединение	2,0	0,0	2,2
Школьная или клубная ассоциация родителей	1,3	0,0	1,8
Сообщество для занятий с детьми, молодежью	1,5	0,0	2,0
Благотворительное сообщество для оказания социальной помощи	2,3	1,5	2,4
Ветеранская организация	1,9	2,9	0,9
Братство, ассоциация взаимопомощи	1,9	8,8	1,3
Экологическое объединение	1,0	0,0	0,9
Объединение любителей животных	2,9	0,0	0,7
Спортивный клуб, сообщество для занятий спортом	9,3	5,9	9,9
Объединение болельщиков спортивной команды	2,1	1,5	0,9
Литературное, музыкальное или иные культурные объединения	3,3	1,5	3,9
Клуб с фиксированным членством	5,0	1,5	6,4
Объединение по интересам	5,5	2,9	6,8

Российские либералы: общественный капитал (Продолжение)

Ответы	В целом по массиву, %	«Государственники» (респонденты, выбравшие первый вариант ответа на вопросы № 7, 8, 12), %	Либералы (респонденты, выбравшие второй вариант ответа на вопросы № 7, 8, 12), %
Сетевое (Интернет) сообщество	13,8	4,4	16,4
Другое	3,1	2,9	3,5
Не состою и не считаю себя членом какого-либо сообщества	25,4	29,4	22,6
24. С КАКИМ ИЗ МНЕНИЙ ВЫ СКОРЕЕ СОГЛАСНЫ?			
Большинству людей можно доверять	35,2	17,6	40,5
Со всеми людьми нужно быть очень осторожными	35,4	41,2	32,6
Затрудняюсь ответить	29,5	41,2	26,9

Российские элиты развития: запрос на новый курс

Михаил Николаевич Афанасьев

Подписано в печать 29.12.2008

Печать офсетная

Тираж 800 экз.

Фонд «Либеральная миссия»
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел.: (495) 621 33 13, 623 40 56

Факс: (495) 623 28 58